ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. И. Лажечникова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 5 іюля 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Н. КРАШЕННИННИКОВА.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Усталъ я, тьма кругомъ густая,
Запалъ въ глуши мой слѣдъ.
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ.

Жуковскій.

Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндахъ изрядно — писалъ Петръ I къ одному изъ своихъ вельможъ, 10-го сентября 1702 года. А каково было гощеніе, можно видѣть изъ писемъ Шереметева къ самому Государю. Особенно два письма, знакомя насъ съ тогдашнимъ образомъ войны русскихъ и жалкимъ состояніемъ Лифляндіи, такъ любопытны, что мы рѣшаемся задержать на выпискѣ изъ нихъ вниманіе нашихъ чи-

тателей. «Посылалъ я (доносилъ фельдмаршалъ) во всѣ стороны полонить и жечь: не осталось цѣлаго ничего: все разорено и пожжено; и взяли твои, Государевы, ратные люди, въ полонъ мужеска и женска пола и робятъ нѣсколько тысячъ, также и работныхъ лошадей, и скота съ 20,000 или больше, кромѣ того, что ѣли и пили всѣми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили....» Въ другомъ письмѣ доноситъ онъ же: «Указалъ ты, Государь, купя прислать чухны и латышей, а твоимъ государевымъ счастіемъ и некупленныхъ пришлю. Можно бы и не одну тысячу послать, только трудно было везти, и тому радъ, что ратные люди взяли ихъ по себѣ; а къ Москвѣ посылка не дешева станетъ, кромѣ подводъ.» Къ этому описанію прибавлять нечего; каждое слово есть драгоцѣнный фактъ исторіи, жемчужина ея.

Осень подоспѣла, чтобы своими непогодами прибавить къ мрачному состоянію этой страны. Главная русская армія давно ужъ покинула опустошонный ею юговосточный край Лифляндіи, и перешла на сѣверъ къ Финскому заливу; развѣ мелкіе наѣзды понавѣдывались изрѣдка, не осмѣлился ли латышъ вновь пріютиться на родной землѣ, какъ злой ястребъ налетомъ сторожитъ бѣдную пташку на гнѣздѣ, откуда похитилъ ея

птенцовъ. Вслѣдъ за военными дозорщиками рыскали стада волковъ, почуявшихъ себѣ добычу. Въ это время Владиміръ покинулъ мызу г. Блументроста.

Сдѣлаемъ перечень его несчастій.

Онъ лишился единственнаго своего товарища, слѣпца, восемь лѣтъ ходившаго съ нимъ рука объ руку, восемь лѣтъ бывшаго единственнымъ его утѣшеніемъ; онъ разлучонъ съ Паткулемъ, который одинъ могъ бы помочь ему и не зналъ безвременья для слова правды и добра передъ царями; обманутъ онъ въ минуты лучшихъ, сладчайшихъ своихъ надеждъ — у порога родины немилосердо оттолкнутъ отъ нея на разстояніе безмѣрное. Русскіе, соотечественники, гонятъ его; шведамъ, призрѣвшимъ его новымъ отечествомъ и братствомъ, онъ измѣнилъ. Все высокое, прекрасное, имъ воздвигнутое, разбито въ прахъ; все злодѣйское, имъ сдѣланное, воскресло новою жизнью и растетъ передъ его совѣстью. Прошедшее — широкій путь крови, скитанія, нуждъ; будущее — тѣсное, жосткое домовище, откуда онъ живой, съ печатью грѣха и отчужденія, вставая, пугаетъ живыхъ, откуда онъ не можетъ выйдти, не встрѣтивъ топора палача или заступа старообрядческаго могильщика.

Что осталось ему? Плакать? Онъ уже выплакалъ свои слезы.... Прочь все прекрасное, все доброе! Адъ его достояніе: адъ легко отыскать съ такимъ проводникомъ, какъ мщеніе! Отнынѣ злобно смотритъ онъ на жизнь и на человѣчество; но между послѣднимъ сердце его отмѣтило одного человѣка мѣтою кровавою. Его-то радостно опутаетъ онъ своими объятіями, сшибетъ со скудельныхъ ногъ и съ нимъ вмѣстѣ рухнетъ въ бездну вѣчнаго плача и скрежета зубовъ. Этотъ человѣкъ поднимаетъ его по утру съ ложа, ходитъ съ нимъ неразлучно, сидитъ съ нимъ за столомъ, у изголовья его постели, будитъ его во снѣ; этотъ человѣкъ — Андрей Денисовъ.

— Мщеніе! — вскричалъ Владиміръ, разбивъ свои гусли. — На что вы мнѣ теперь? Вы не выражаете того, что я чувствую. — Мщеніе! — сказалъ онъ Нѣмому, разставаясь съ нимъ и, пожавъ ему руку, пожатіемъ, въ которомъ теплилась послѣдняя искра любви къ ближнему. Добрый Нѣмой, не понимая его, съ жалостію смотрѣлъ на него, какъ на больнаго, котораго онъ не имѣлъ средствъ излечить, крѣпко его обнялъ и проводилъ со слезами. Послѣ него и Нѣмой остался на мызѣ круглою сиротою!...

Наружность Владиміра была мрачна не менѣе

души его. Дикій, угрюмый взоръ, по временамъ сверкающій, какъ блескъ кинжала, отпущеннаго на убійство; по временамъ коварная, злая усмѣшка, въ которой выражались презрѣніе ко всему земному и ожесточеніе противъ человѣчества; всклокоченная голова, покрытая уродливою шапкою; худо отрощенная борода; бѣдный охабень, стянутый ремнемъ, на ногахъ коты, кистень въ рукахъ, топоръ и четки за поясомъ, сума за плечами — вотъ въ какомъ видѣ вышелъ Владиміръ съ мызы г–на Блументроста и прошолъ пустыню юговосточной части Лифляндіи. Онъ приближался къ Дерпту и поворотилъ вправо. Глаза его разыгрались дикимъ восторгомъ.

— Онъ велѣлъ мнѣ приходить къ себѣ. Иду къ нему, гость не на радость! Сяду на большое мѣсто подъ образами, насыщусь его хлѣбомъ съ солью, напьюсь медовъ сладкихъ и — отблагодарю за гостепріимство. Долго не забудетъ звалаго посѣтителя! — Такъ говорилъ Владиміръ, подходя къ *Носу*, одной изъ деревень, которыми *старовѣры* обсѣли Чудское озеро. Мертвая осенняя природа; тяжолыя, подобно оледенѣлымъ валамъ, тучи, едва движущіяся съ сѣвера; песчаная степь, сердито всчосанная непогодами; по ней рѣдкія ели, недоростки и уроды изъ царства

растеній; временемъ необозримыя, сѣдыя воды Чудскаго озера, бьющіяся непрерывно съ однообразнымъ стономъ о мертвые берега свои, какъ узникъ о рѣшотку своей темницы; изсохшій листъ, хрустящій подъ ногами путника нашего: все вторило состоянію души Владиміра.—Вотъ онъ ужъ и въ деревнѣ.

Латыши, чухны проводятъ обыкновенно унылую, тихую жизнь въ дикой глуши, между горъ и въ лѣсахъ, въ разрозненныхъ далеко одна отъ другой хижинахъ, вдали отъ большихъ дорогъ и мызъ, будто и теперь грозится на нихъ привидѣніе феодолизма съ развалинъ своихъ замковъ. Не видно у нихъ, какъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ, длинныхъ деревень, гдѣ тысячи любятъ жаться другъ къ другу, гдѣ житье привольно, подобно широкимъ рѣкамъ, и шумно, нерѣдко буйно, какъ большія дороги, около которыхъ русскіе любятъ селиться; гдѣ встрѣчаетъ и провожаетъ зори голосистое веселье. По первому взгляду на деревню, въ которую вошолъ Владиміръ, можно было сейчасъ узнать, что ея обитатели русскіе. Ее образовали вдоль узкой улицы два ряда высокихъ избъ, расположенныхъ уступами такъ тѣсно, что казались онѣ взгроможденными одна на другую. Всѣ онѣ были съ однимъ крас-

нымъ окномъ и двумя волоковыми, съ трубами и высокими *коньками*, на которыхъ или вѣялись флаги, или вертѣлись суда и круги, искусно вырѣзанные. Ворота, убитыя крупными жестяными гвоздями, прикрывались длиннымъ навѣсомъ, подъ которымъ вдѣланъ былъ мѣдный *осьмиконечный* крестъ. Наружность домовъ содержалась въ необыкновенной чистотѣ; особенно вокругъ оконъ бревна были не только вымыты, но и поскоблены. Тишина, царствовавшая въ селеніи, не удивила бы Владиміра, знавшаго, что въ жилищахъ раскольниковъ наблюдается всегда строгое благочиніе, если бы эта тишина не походила на какую-то мертвенность. Никого не была видно на улицѣ и въ огородахъ. У двухъ–трехъ домовъ брякнулъ онъ по нѣскольку разъ, съ разстановкою, большимъ желѣзнымъ кольцомъ о бляху такого же металла; нѣсколько разъ постучался довольно крѣпко у оконъ палочкою и прочиталъ жалостнымъ голосомъ моленіе: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*. Хоть бы голосъ женщины откликнулся ему! — Гдѣ могли быть жители *Носа* въ гулевую пору, въ обѣденные часы.

Не мало удивился онъ, когда ворота у одного дома безъ труда отворились, лишь только онъ

осмѣлился приподнять щеколду и толкнуть слегка полотно ихъ. На дворѣ тощій скотъ пожиралъ навозъ; собака, такая худая, что лопатки ея выставлялись острыми углами и можно было перечесть всѣ ея ребра, шатаясь, выползла изъ конуры и встрѣтила пришельца сиповатымъ, болѣзненнымъ лаемъ. Въ сѣняхъ никого, въ избѣ то-жъ. Посуда, обыкновенно содержимая у раскольниковъ въ большой чистотѣ, была разбросана въ беспорядкѣ по столу и залавкамъ. Печь, въ изразцахъ которой наверчено было множество дыръ, чтобы, во время молитвъ, благодать удобнѣе проходила въ горшки и очищала кушанье, покупаемое на торгахъ, была не топлена. Иконы въ избѣ ни одной. Безъ труда вошолъ Владиміръ на сосѣдній дворъ: въ немъ также пустота; въ третьемъ, въ четвертомъ тоже. Далѣе нашолъ онъ умирающаго младенца. — «Счастливъ, что кончаешь жизнь, не понимая ея!» сказалъ Владиміръ, и отвернулся отъ ранняго страдальца.

Наконецъ у *звонницы* (¹) представилось ему что-то похожее на живое существо. Это была молодая женщина, лежавшая на голой, сырой землѣ, и почти недвижимая. Съ трудомъ могла

(¹) Колокольни.

она однакожъ объяснить нашему страннику, что она дочь тутошняго *уставщика* (2), удостоена была въ *грамотницы* (3), замѣняла не рѣдко *батьку* (отца духовнаго) въ часовенномъ служеніи; но что съ недавняго времени лукавый попуталъ ее: полюбила молодаго, пригожаго *псалмопѣвца* и *четца*. Это бы еще не бѣда. Грѣхъ этотъ можно-бъ искупить нѣсколькими стами *началъ* (4); но вотъ что ее погубило. Отецъ ея любезнаго, побывавъ въ другомъ *согласіи*, вывезъ оттуда ересь и смутилъ ею нѣкоторыхъ изъ жителей деревни Носа; а именно: онъ сталъ принимать отъ Ѳеодосеянъ титлу, Пилатомъ на крестѣ написанную: *ІС Назарянинъ, Царь Іудейскій*. Носовцы же (поморскаго согласія) писали титлу: *Царь славы, ІС Сынъ Божій*, и потому, предавъ анаѳемѣ *новщиковъ* (5), выгнали ихъ изъ

---

(2) Уставщикъ, надзиратель за порядкомъ во время богослуженія.

(3) Грамотница читаетъ апостолъ, поетъ на женской половинѣ духовныя пѣсни и пишетъ книги, не рѣдко съ большимъ искусствомъ, по уставному.

(4) Началомъ называютъ раскольники тѣ семь поклоновъ, безъ которыхъ они ничего не начинаютъ. Ежели кто въ семъ случаѣ не доложитъ поклона, или переложитъ его, то молитва не въ молитву.

(5) Вводящіе перемѣну, новизну въ расколѣ.

деревни. Псалмопѣвецъ, прежде вѣчной разлуки съ любезною грамотницею, захотѣлъ съ ней проститься. Роковое свиданіе назначено въ ближнемъ бору. Сердце у раскольницы такое же мягкое, какъ и у женщинъ мірскихъ: она исполнила волю милаго. *Надсмотрщица* (6) подглядѣла за ними, и поспѣшила избавить несчастную изъ сатанинскихъ когтей Ѳедосеевщика, разсказавъ обо всемъ отцу ея. Озлобленный родитель самъ, своими руками, выдалъ ее *согласію*. Тысячи земныхъ поклоновъ, ужасный постъ, побои, истязанія разнаго рода, освободили грѣшную отъ мученій ада. Ноги у ней были отбиты; одною рукой она не владѣла; земля подернула губы ея. «Теперь—прибавила она — очищенная, жду страшнаго суда.» — «Гдѣ-жъ православные?» спросилъ Владиміръ.—«Въ бору» отвѣчала *грамотница*.—«Поспѣшай и ты туда жъ, чтобы страшный часъ не засталъ тебя въ *суетѣ*.» Не понималъ Владиміръ, о какомъ часѣ говорила несчастная. Онъ сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, но ослабѣвшая отъ усилій, которыя употребила, чтобы разсказать о своей судьбѣ, она могла только указать на

---

(6) Надсмотрщикъ наблюдаетъ за нравственностію мужчинъ, надсмотрщица за поведеніемъ женщинъ.

боръ, видимый изъ деревни, и погрузилась въ моленіе. «Пойду искать слѣдовъ жизни, болѣе здоровой и сильной,» думалъ Владиміръ, обратившись, куда ему указано было: «авось заражу ее моими страданіями или потѣшусь надъ глупымъ человѣчествомъ.»

Еще издали представилось ему странное зрѣлище. Поприща (7) за два отъ деревни, въ мелкоросломъ, щедушномъ бору, на песчаныхъ буграхъ, то смѣло вдающихся языкомъ въ воды Чудскаго озера, то уступающихъ этимъ водамъ и образующихъ для нихъ заливъ, а для рыбачьихъ лодокъ безопасную пристань, стояло сотни двѣ гробовъ, новенькихъ, только что изъ-подъ топора. Не смотря на отвращеніе, какое человѣкъ чувствуетъ къ трупамъ себѣ подобныхъ, особенно чужихъ людей, Владиміръ рѣшился подойти къ этому погосту. «Какая язва,» думалъ онъ, «уклала въ домовища всѣхъ здѣшнихъ жителей? Смерть, когда она не послана гнѣвомъ Божіимъ, утомилась бы въ годъ засѣять такое поле; а нынѣ, видно, наполнила она ихъ такъ скоро, какъ проворный жнецъ укладываетъ снопами свою полосу,

---

(7) Тогда считали разстояніе поприщами, полагая въ каждомъ 120 шаговъ.

какъ ловкій песъ загоняетъ стадо въ овчарню. Однако, почему гробы не опущены въ могилы? Исчезнувшій съ земли долженъ и истлѣть въ ней, чтобы не оставить отъ себя ничего, кромѣ имени человѣка. Ктожъ и когда успѣлъ построить эти домовища? Поэтому жители Носа заранѣе готовились умереть. Не перешли ли они въ морельщики и, можетъ быть, желая пріобрѣсть мученическій вѣнецъ, сами себя умертвили? Размышленія эти были прерваны ужаснымъ воемъ, плачемъ и визгомъ, поднявшимися вдругъ изъ гробовъ, какъ скоро Владиміръ подошолъ къ нимъ. «Грядетъ, грядетъ!» вопило множество.—«Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» раздалось вокругъ его на разные жалобные голоса. Иные читали сами себѣ отходную; другіе молили о помилованіи; нѣкоторые, закрывъ глаза, скрежетали отъ страха зубами. Сначала испугался и самъ Владиміръ, обхваченный такимъ хоромъ; но вглядѣвшись пристально въ фигуры, укладенныя, какъ муміи, въ ящики, изъ которыхъ большая часть была не закрыта, онъ едва не захохоталъ, не смотря на состояніе, въ которомъ находился. Въ домовищахъ лежали жители Носа, разнаго пола и возраста, окутанные въ саваны и спеленутые—молодые розовыми покромками, а старшіе голубыми,

такъ что изъ перевязки составлялись три креста: одинъ на колѣнахъ, другой на брюхѣ, а третій на груди. Бумажный, блестящій вѣнецъ, съ осьмиконечными крестами, обвивалъ ихъ чело; въ головахъ стояли мѣдные литые образа. У нѣкоторыхъ женщинъ покоились младенцы на груди, у другихъ съ крикомъ вырывались. Дѣти требовали хлѣба, обступая отцовъ и матерей, которые съ жестокостью ихъ отталкивали. Владиміръ понялъ тотчасъ, въ чемъ состояло дѣло; съ важностью обошолъ вокругъ живописнаго кладбища, сталъ потомъ на срединѣ и воскликнулъ громовымъ голосомъ: «Почто вы здѣсь?»—На это воззваніе закричали многіе: «Это Антихристъ: онъ смущаетъ насъ. Укрѣпитесь, о братія, въ страшный часъ молитвою.» Владиміръ поднялъ вверхъ правую руку, изъ которой составилъ двуперстное крестное знаменіе, и опять воскликнулъ: «О имени Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа вопрошаю васъ: почто вы здѣсь?» — «Яковъ Ковачъ! —сказалъ тутъ одинъ съ выпятившимся изъ гроба брюхомъ, дрожа отъ холода, а можетъ быть, и проголодавшійся: — онъ речетъ именемъ Господа.» — «Воистину такъ!» отвѣчалъ тотъ, къ кому обращена была рѣчь.—«Повѣдаемъ ему, почто мы здѣсь вкупѣ.» — «Пора бы—примолвилъ

третій, выпутываясь изъ пеленъ и потихоньку выползая изъ гроба, «пора бы ужъ давно, по вычисленію уставщика Антипа, совершиться пророчеству.»—«Посмотримъ, такъ ли солнце течотъ? Нѣтъ ли замѣшательства въ мѣрѣ часовъ?» присоединилъ свой голосъ четвертый, послѣдуя примѣру своихъ братій, и, посматривая на небо, на которомъ въ это время изъ-за свинцовыхъ тучъ проглянуло солнышко. — «Кажись, все по старому.»—«Антипка обморочилъ насъ!» закричало нѣсколько голосовъ. — «Подавайте Антипку! побьемъ-те его каменьями. Бросимъ-те его въ воду!» вопили многіе. Среди этого смятенія выпрыгнулъ изъ гроба одинъ высокій мужикъ, разорвалъ на себѣ смертныя оковы, побѣжалъ въ противную отъ селенія сторону и, пока разоблачались братья его, спеленутые, подобно кукламъ, онъ успѣлъ скрыться изъ виду. «Еретикъ! лжеучитель!» вскричали многіе въ слѣдъ ему: » не хотѣлъ искупить своего прегрѣшенія мученическою смертію. Достоинъ есть отлученія отъ церкви и общежительства!»—«Почто смущаетесь, братія мои о Господѣ?» сказалъ Владиміръ, принявъ на себя постный видъ. «Я странствовалъ много по святымъ мѣстамъ, иду теперь отъ гроба Господня къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, и несу вамъ, по

пути, оружія, каковыми подобаетъ подвизаться противъ сатаны, дышущаго зельною яростію на христоименитое достояніе.» Слова эти, какъ талисманъ, подѣйствовали надъ живыми мертвецами. Толпы собрались около благовѣстителя. (Надобно здѣсь замѣтить, что раскольники имѣютъ слѣпую вѣру къ пришельцамъ греко-россійскаго исповѣданія изъ дальнихъ странъ, и потому часто бываютъ обмануты бродягами). Иные, не успѣвъ еще разрѣшить ноги свои отъ смертныхъ узъ, но желая скорѣе поклониться святому мужу (котораго за нѣсколько минутъ готовы были побить каменьями, какъ Антипа), бросались впередъ, запутывались въ саванахъ, падали другъ на друга и возились по землѣ. Другіе едва переступали съ ноги на ногу, имѣя руки связанныя, и представляли такимъ образомъ движущіеся чурбаны. Нѣкоторые, крѣпче прочихъ стянутые, лежали въ ящикахъ своихъ, будто чающіе движенія воды, и жалостно молили о помощи. Прибавьте къ этому очерку бороды разнаго покроя и цвѣта, высунувшіяся изъ пеленъ; бумажные, пестрые вѣнцы, украшавшіе маститые лбы; отрывки савановъ, которые тащились по пятамъ и на которые наступали ревностные братья,—и можете докончить смѣшную картину возстанія носовцевъ изъ мертвыхъ.

Замѣтно было однакожъ, что человѣка два, три вовсе не показывали знаковъ жизни и, вѣроятно, отъ холода, голода и страха упокоились на вѣчныя времена. Обступившіе Владиміра носовцы разсказали ему наконецъ, что за нѣсколько дней прошолъ чрезъ ихъ общежительство киновіархъ Виговскаго скита и чиноначальникъ поморянъ, Андрей Діонисіевъ. Онъ повѣдалъ имъ, что Антихристъ народился уже 30 лѣтъ, 3 мѣсяца и 3 дня, и что Іисусъ Христосъ пріидетъ вскорѣ на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ.—«Мы просили уставщика Антипа — прибавляли разскащики—вычислить намъ, въ кой именно часъ подобаетъ быти страшному суду. Притаился было вначалѣ собачій сынъ, будто боится насъ перепугать, и ну отговариваться, а мы плотнѣе, къ нему: скажи-де намъ, не моги утаить, всю правду-истину. Взялся еще разъ воръ Антипка за книги; три дня, три ночи рылся въ нихъ; отыскалъ яко бы ключъ къ таинствамъ и повѣдалъ намъ въ третій день, что нынѣ-де въ пятницу, въ полудни, неминуемо быти пришествію Господню. Побросали мы все житейское, подѣлали гробы и полегли въ нихъ вчера, изготовясь молитвою и постомъ къ страшному часу. Но знать....» — «Обманулъ васъ, о братія, Андрей Діонисіевъ изъ собствен-

ной корысти — перебилъ Владиміръ: — обманулъ васъ и уставщикъ, подкупленный имъ. Разойдется по христіанству поморскому сѣть, въ кою вы попали, и лукавый возвеселится. » — « Ахъ! онъ такой-сякой! — вскричала толпа: — приди-ка онъ къ намъ!... » — « Вонмите мнѣ — перебилъ опять Владиміръ, восвысивъ голосъ — « вы всѣ, кои здѣсь предстоите и коихъ имена вписаны въ книзѣ животнѣй! Аѳонскій монахъ, сто лѣтъ находящійся при гробѣ Господнемъ, прислалъ вамъ со мною миръ отъ Бога и свое благословеніе. Въ бесѣдѣ о временахъ и лѣтахъ онъ повѣдалъ мнѣ, опираясь на сію трость.... » При этомъ словѣ слушатели бросились на посохъ, который держалъ Владиміръ, и въ одинъ мигъ съ жадностію раздѣлили его по себѣ на мелкія части. Владиміръ не смутился и продолжалъ: «Святой отецъ повѣдалъ мнѣ, что Антихристъ уже 60 лѣтъ народился. » — « Смотри-ка — кричали многіе — скрадено три десятка годовъ. Три десятка! легко молвить! Ну, счастливъ, что по добру, по здорову уплелся, а то бы похлебалъ свѣжей ушицы! » — « Святой отецъ повѣдалъ еще, что искуситель приметъ на себя образъ киновіарха, что смуты его только въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ зачались, а страшный судъ настанетъ не прежде 49 лѣтъ, по вычисленію на

семи седьмицахъ.» Многое еще толковалъ имъ Владиміръ объ Антихристѣ, въ котораго ересіархъ Денисовъ могъ бы смотрѣться, какъ въ зеркало. Слушали проповѣдника жители Носа, разинувъ рты, благодарили его за добрую вѣсть, упрашивали его къ себѣ въ уставщики и обѣщали со временемъ произвесть въ чиноначальники. Чувство мести заставило его согласиться на предложеніе раскольниковъ.

Почившіе вѣчнымъ сномъ, и слѣдственно кончившіе свою роль на этой сценѣ человѣческихъ заблужденій, преданы по обычаю, при всей братіи, достойному погребенію; послѣ чего гробы живыхъ брошены въ озеро. Флотилія эта, оттолкнутая отъ береговъ благопріятнымъ вѣтромъ, поплыла по необозримымъ водамъ и вскорѣ исчезла изъ виду. Владиміръ былъ отнесенъ въ мірской домъ, торжественно сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, съ пѣніемъ: *Вечере водворится плачъ, и за утра радость.*—«Смотря теперь на мое торжество,» думалъ онъ, «кто не сказалъ бы: — какъ легко управлять народомъ суевѣрнымъ и невѣжественнымъ!—Но что скажетъ тотъ, кто видѣлъ бѣгство уставщика Антипа?...»

Можно было заранѣе предвидѣть, что Владиміръ недолго погоститъ у носовцевъ. Причину

этого можно угадать.—Пылкая душа его не терпѣла принужденія. Созданная непокорною, вольнолюбивою, умѣвшая, какъ мы имѣли случай высмотрѣть, съ помощью Бира порвать на себѣ свивальники невѣжества, она не могла подчинить себя стѣсненной жизни раскольниковъ. И какъ иначе? У нихъ любовь къ Богу, исчисленная на лѣстовкахъ и земныхъ поклонахъ; вѣра, заключонная въ двухперстномъ знаменіи, въ осьмиконечномъ крестѣ, въ поклоненіи старымъ иконамъ; добродѣтель въ ужасномъ постѣ, въ ожесточеніи противъ всякой новизны, какъ бы она ни была полезна, въ унизительномъ презрѣніи къ ближнему, несогласному съ ихъ мнѣніями—вотъ духъ и ученіе, которымъ водились общества раскольниковъ! Такія правила не могли не возмутить души Владиміра. Онъ устыдился своего притворства и, обозначивъ себя передъ носовцами, успѣлъ заслужить ихъ неудовольствіе. Часто не выполнялъ онъ *началъ*, былъ разсѣянъ въ моленной, забывалъ во время кажденія ладономъ вынимать изъ пазухи крестъ и подносить его съ поклономъ къ кадильницѣ, или читать молитву надъ сосудомъ съ пищею, чтобы нечистый въ него не наплевалъ. За такое нарушеніе правилъ своего требника носовцы сначала косились на него, потомъ выговари-

вали, что онъ *суетится* и, когда онъ имъ объявилъ, что отправляется къ Соловецкимъ Чудотворцамъ для выполненія даннаго обѣта, очень довольны были, что безъ дальнихъ хлопотъ могутъ отъ него освободиться. Гнать его не смѣли, потому что онъ умѣлъ пріобрѣсть надъ ними нѣкоторую власть своимъ краснорѣчіемъ, привлекавшимъ къ нему слушателей даже изъ дальнихъ мѣстъ, и особенно потому, что денежными вкладами способствовалъ къ выстроенію *часовни* и *столовой*. Со стороны жъ Владиміра цѣль его была достигнута. Не довольства жизни пришолъ онъ искать у раскольниковъ, а только мести. Месть его на берегахъ Чудскаго озера выполнена. Онъ успѣлъ не только носовцевъ, но и сосѣднія деревни возбудить противъ ученія и владычества Андрея Денисова до такого ожесточенія, что въ одинъ день деревни эти, выбравъ отъ себя представителей, послали ихъ въ Носъ и на общемъ сходбищѣ положили: «съ заонеги раздѣленіе имѣть; съ ними ни ѣсть, ни пить, ни на моленіи стоять; поморскихъ учителей не слушать.» Къ этому раздѣленію много способствовала вѣсть, что съ Денисовымъ ходитъ жидъ подъ личиною чернеца поморскаго, обращающій православныхъ въ жидовскую вѣру.

И такъ Владиміръ, сдѣлавъ свое дѣло между чудскими раскольниками, разстался съ ними. Вся зима проведена имъ въ странствіяхъ по слѣдамъ ересіарха, мнимымъ или настоящимъ, смотря по извѣстіямъ, какія получались. Чѣмъ далѣе пробирался онъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе находилъ ожесточеннаго суевѣрія. Въ одномъ мѣстѣ *запащиванцы*, утомленные поклонами, которыхъ клали въ день по 300 земныхъ и 700 поясныхъ, изнуренные сорокадневнымъ постомъ въ запертомъ сараѣ, умирали съ голода или пожирали другъ друга. Въ иномъ мѣстѣ закупывали десятками *перекрещенцевъ* разнаго возраста и пола. Это называлось обновленіе водою. Обновленіе огнемъ было не менѣе ужасно. Желая очиститься отъ грѣховъ и стяжать мученическій вѣнецъ, они толпою входили въ одну избу, обкладывали ее хворостомъ, который зажигали со всѣхъ сторонъ, и такимъ образомъ погибали въ пламени, воспѣвая каноны и расточая проклятія на никоніанцевъ.

Зима по послѣднему санному пути убралась восвояси. Безъ нея то-то пиръ начался у природы! Пѣсни жаворонка, шумъ выпущенныхъ изъ плѣна водъ, зеленые ковры, разостланные на проталинахъ, все заговорило о веснѣ. Владиміръ по преж-

нему былъ пасмуренъ и въ прежнемъ ожесточеніи шолъ на сѣверъ, чтобы найдти своего гонителя. За Ямбургомъ встрѣтили его слухи, что русскіе уже прошедшею осенью появились у Ладожскаго озера, осадили и взяли Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), что въ Корелахъ *олонецкій попъ* (Иванъ Окуловъ) съ охотниками разбилъ шведовъ, что Царь своею могучею волею цѣликомъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ лѣса, болота и воды отъ Ледовитаго моря до Финскаго. Въ проѣздъ Петра мимо Повѣнца пустынножители Выговскаго скита изготовили было въ часовняхъ бочки съ смолою, рѣшась пострадать за *свою* вѣру, а другіе разбѣжались по лѣсамъ и болотамъ. Царь успокоилъ ихъ словами: «Пускай живутъ!» а когда они собрались на прежнее житье, послалъ ихъ въ заводы работать. Наконецъ Владиміръ услышалъ, что Государь обглядываетъ берега Финскаго залива. «Гдѣ только звѣрь ходитъ и рыба плаваетъ, тамъ идутъ у него войска,» говорили вѣстовщики: «лѣса рѣжетъ, какъ траву косецъ, переносится черезъ трясины будто на коврѣ самолетѣ, а коли воды сердитыхъ озеръ заблажатъ, сѣчетъ ихъ немилосердо — и затихаютъ!»

При такихъ рѣчахъ Владиміръ задумывался;

грудь его сильно волновалась; тяжело вздыхалъ онъ. Мысль, что онъ еще не испыталъ одного, послѣдняго, средства для свиданія съ милымъ, незабвеннымъ отечествомъ, цѣли всѣхъ его желаній, бродила въ его головѣ. Сердцу его отозвались слова Паткуля: «Прямо къ нему, безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслухъ и его великодушія!» Прямо къ нему! твердилъ онъ, какъ человѣкъ, которому указали слѣды къ отысканію драгоцѣнной для него потери. Душа его снова вспыхнула любовію къ родинѣ и надеждою. Все опять забыто: и угрозы ересіарха, и моленія Софіи, и месть, возобладавшая имъ такъ сильно, и казнь, ему назначенная. Онъ видитъ только Петра Великаго, а за нимъ золотыя главы церквей московскихъ; онъ стоитъ у порога знакомаго терема....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВСТРѢЧА.

Къ демону обѣты!
Во глубь геены совѣсть, добродѣтель!
Будь воля Неба! мести я хочу,
Кровавой мести! —

Гамлетъ. — Перев. М. В.

Первое мая 1703 года подарило Петра первою морскою пристанью на Балтійскомъ морѣ, а русскихъ открытымъ листомъ въ Европу: — крѣпостца Ніеншанцъ, съ гаванью на берегу Невы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья этой рѣки (тамъ, гдѣ нынѣ Большая и Малая Охта), сдалась, послѣ пятидневной осады, капитану отъ бомбардиръ *Петру Михайлову* (въ этомъ званіи находился тогда Государь).

Немногими днями позже, утромъ, Владиміръ, пройдя *Саарамойзу* *), къ удивленію его не

*) Нынѣ Царское Село.

опустошонную, остановился на высотѣ, ближайшей къ Невѣ, гдѣ сходились дороги изъ Ямбурга и Новгорода, недавно проложенныя. Передъ нимъ на великомъ пространствѣ разстилалось болото— мшистое ложе, съ котораго нѣкогда сбѣжало море! Мрачная зелень сосновыхъ лѣсовъ, изрѣдка перемежаемая серебристымъ березникомъ, волновалась по тощей равнинѣ этой, отдѣляла чорной каймой ижорскій берегъ отъ голубыхъ водъ Невы и моря, и обрисовывала купу островов и суровый берегъ карельскій. Нева одна роскошничала жизнію въ этой мертвой пустынѣ. Обнимая острова *Койво-сари* *), *Кирфви-сари* **), *Лустъ-Эландъ* ***) и многіе другіе, она то пряталась за ними, то выставлялась изъ-за нихъ разбитымъ кускомъ зеркала, то блистала въ широкой рамѣ береговъ своихъ. Множество рѣчекъ продиралось сквозь мхи болотъ и спѣшило въ Неву, чтобы вмѣстѣ съ нею убѣжать въ раздолье моря. Кое-гдѣ по островамъ выглядывали рыбачьи хижины. Вдали, передъ устьемъ рѣки, поднимались изъ моря темныя глыбы, обвитыя утренними туманами.

---

*) Березовый, нынѣ Петербургскій островъ.

**) Каменный.

***) Островъ съ Петропавловскою крѣпостью.

Волны Бельта сердито бѣжали на нихъ, какъ бы желая стереть ихъ съ его лица. Неволя или разсчоты одни могли загнать человѣка въ эти мѣста: такъ непривлекательны они казались!

Отъ подошвы горы, на которой остановился Владиміръ, шла торная дорога въ Ніеншанцъ: множество тропъ, разыгрывавшихся влѣво и вправо, вело черезъ болота и лѣса къ берегу моря и Невы. Подумавъ нѣсколько, по которой ему идти, онъ назначилъ себѣ тропу, поворачивавшую тотчасъ съ битой дороги влѣво.

Лишь только спустился онъ съ горы — и, взявъ нѣсколько въ бокъ отъ нея по большой дорогѣ, готовился повѣрнуть на тропу, какъ послышалъ за собою колокольчикъ. Съ трепетомъ сердечнымъ оборотился онъ, и увидѣлъ красивую колымагу, запряжонную въ русскую упряжь тремя бойкими лошадьми; за колымагою тянулось нѣсколько кибитокъ. Сидѣвшіе въ нихъ, судя по одеждѣ, были русскіе и, вѣроятно, составляли *поѣздъ* знатнаго боярина. Передній ямщикъ такъ искусно владѣлъ лошадьми, что, спуская повозку съ горы, однимъ магическимъ словомъ, для котораго русскій языкъ не имѣетъ знаковъ, останавливалъ лошадей на самыхъ крутизнахъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе къ Владиміру, можно было

различить въ немъ красиваго, статнаго малаго. Румянецъ здоровья вспрыснулъ его щоки; въ карихъ глазахъ, обведенныхъ чорными дугами бровей, замѣтенъ былъ умъ и беззаботное довольство; движенія его были размашисты. Онъ былъ обстриженъ гладко въ кружокъ, на головѣ была надѣта на бекрень поярковая шляпа съ павлинымъ перомъ, воткнутымъ за чорную бархатную ленту. Солнышко играло на золотомъ галунѣ его кумачной рубашки; за пестрымъ кушакомъ, туго опоясывавшимъ его станъ, заткнуты были чорныя рукавицы и коротенькій кнутикъ. Пристяжныя завивались и съ нетерпѣнія грызли землю; коренная спалзывала на заднихъ ногахъ и, досадуя, что ей не давали воли, потряхивала головой изъ-подъ огромной дуги, съ азіятскимъ вкусомъ раскрашенной яркими цвѣтами. Выѣхавъ на большую дорогу, молодой ямщикъ приподнялъ шляпу съ павлинымъ перомъ, стряхнулъ на себѣ волосы, надѣлъ шляпу на одинъ бокъ, приложилъ къ уху правую руку, и голосъ его залился унылою пѣснею:

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дубровушка моя зеленая,
Ты къ чему рано зашумѣла?

Пѣсня его по временамъ прерывалась обращеніемъ къ лошадямъ и народными поговорками.

Колокольчикъ, *даръ Валдая,* билъ мѣру заунывнымъ звономъ.

Въ колымагѣ сидѣла женщина. Отъ того ли, что она плакала или старалась не быть признанною, полная, бѣлая ручка ея прижимала платокъ къ глазамъ. Владиміръ едва замѣтилъ ее, когда повозка начала съ нимъ равняться; онъ былъ весь погруженъ въ слухъ, онъ боялся проронить одинъ родной звукъ. «Вольдемаръ!» закричалъ женскій пріятный голосъ. Онъ встрепенулся, хотѣлъ заглянуть въ повозку, но удалый ямщикъ махнулъ рукой, гаркнулъ: «по всѣмъ по тремъ, коренной не тронь! батюшки, родимые, вырвались!...» — Кони помчали; зарябили круги колесъ, и скоро колымага исчезла изъ виду изумленнаго Владиміра, не имѣвшаго времени разглядѣть, кто сидѣлъ въ ней. Голосъ знакомый, думалъ онъ, но чей— не могъ себѣ объяснить. Спросить было некого; заднія повозки полетѣли вслѣдъ за переднею. Ломая себѣ голову надъ этой загадкой и, между тѣмъ, утѣшенный отечественными звуками, онъ повернулъ на тропу, имъ избранную. «Можетъ быть, думалъ онъ, встрѣча эта послѣдній мнѣ привѣтъ отечества, послѣдняя моя радость на землѣ!» Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Невѣ, тѣмъ страшнѣе казался ему подвигъ, на который онъ рѣ-

шался; чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное надъ нимъ встрѣчею съ русскимъ, не потерявшимъ своей чистой коренной народности, тѣмъ болѣе ужасала его мысль, что онъ скоро, можетъ быть, навсегда разстанется, вмѣстѣ съ жизнію, съ тѣмъ, что ему дороже жизни. Тоска безвѣстности надломила сердце его надвое. Не чувствуя усталости, онъ, однакожъ, нѣсколько разъ принимался отдыхать по дорогѣ. Между тѣмъ къ вечеру онъ уже былъ на ижорскомъ берегу Невы, у опушки густаго лѣса, омываемаго ея водами, противъ острова Лустъ-Эланда.

Робко осмотрѣлся онъ сквозь деревья по сторонамъ; — никого не видать и не слыхать! Однѣ воды шумно неслись въ море. На взморьѣ стояла эскадра, какъ стая лебедей, упираясь грудью противъ ярости волнъ. За ближайшимъ къ морю угломъ другаго острова (названнаго впослѣдствіи Васильевскимъ) два судна прибоченились къ сосновому лѣсу, его покрывавшему; флагъ на нихъ былъ шведскій. Временемъ съ судовъ этихъ палили по два раза; тѣмъ же сигналомъ отвѣчали изъ Ніеншанца. Слѣдственно — полагалъ Владиміръ — устье Невы и крѣпостца заняты шведами. Уже ли Царь, никогда не начинавшій того, чего не могъ исполнить, снялъ осаду?... Не зная, что

придумать, нашъ странникъ рѣшился переночевать на твердой землѣ, а между тѣмъ, до заката солнца, пріискать себѣ челнокъ или старый пень дерева, на которомъ могъ бы утромъ переправиться на *Койво-сари* къ чухонскимъ рыбакамъ, чтобы провѣдать у нихъ о томъ, что происходило въ окрестности. Для исполненія своего намѣренія пошолъ онъ вдоль берега.

Вечеръ становился пасмуренъ. Тучи вились и развивались чорными клубами; наконецъ онѣ слились въ темную массу, оболочившую небо, начали спускаться на землю грядами—и воды Невы отразили ихъ, превратясь въ мутный потокъ. Вскорѣ послышался и дождикъ: то капалъ онъ по листамъ мелкою дробью, то лилъ ведромъ. Владиміръ хотѣлъ былъ отъ непогоды пріютиться въ лѣсу; но увидѣвъ, не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, челнокъ, погрязшій въ тинѣ, рѣшился подвергнуться еще непріятностямъ дождя, чтобы завоевать челнъ, и тѣмъ обеспечить себѣ переѣздъ на *Койво-сари*. Немного труда стоило ему вытащить свою добычу изъ тины. Но какъ дождь усиливался, то онъ собирался было, пообчистивъ челнокъ, положить его вверхъ дномъ на кустъ, который, нѣсколько нагнувшись отъ этой тяжести, образовалъ бы такимъ образомъ кровъ для нашего странника; но

вдругъ остановленъ былъ прикрикомъ на него:— Не тронь, окаянный! — Онъ оглянулся, и чтожъ? за нимъ, съ поднятымъ на него весломъ, чернецъ Авраамъ, спутникъ и переводчикъ Андрея Денисова.

То была судьба Владимірова!...

Они узнали другъ друга, хотя мало видались.

Владиміръ забылъ свои надежды, родину, все на свѣтѣ; онъ весь не свой! Ужаснымъ, изступленнымъ взоромъ окинулъ онъ чернеца. Взора этого не могъ выдержать Авраамъ, задрожалъ, преклонилъ весло въ знакъ покорности и опустилъ въ землю свои глаза. Но для ученика вельзевулова довольно одной минуты, чтобы обдумать все, что ему надо дѣлать и говорить.

— А!... видно, рокъ ищетъ моей и вашей головы! — вскричалъ Владиміръ: — гдѣ твой?... Онъ не договорилъ; месть захватила ему дыханіе.

Чернецъ скоро оправился, принялъ на себя видъ доброжелательства, сдѣлалъ Владиміру знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ, и, возведя глаза къ небу, сказалъ потихоньку:—Благодареніе Господу Богу, что Онъ послалъ меня къ тебѣ! Помнишь ли ноць въ домѣ лѣсника?

— Да, помню слишкомъ хорошо!... Чтожъ тебѣ изъ этого, еврей поганый?

— А вотъ цто, цестный бояринъ! я хоцу спасти тебя отъ конецной гибели.

— Хороши спасители, съ петлей въ рукахъ!... Послушаемъ однакожъ!

— Станемъ мы подъ это деревцо; здѣсь доздицекъ не такъ моцитъ. Вотъ этакъ, хорошо. Все, все тебѣ разсказу до подноготной; только прошу, ради Создателя, потише, а то разбудишь пса нецистаго (цтобъ его бѣсы сзарили на сковородѣ)!

— Ну, слушаемъ, ваше преподобіе!

— Изволь припомнить себѣ крупныя словецки, которыя говорилъ тебѣ въ домѣ лѣсника сѣдой плутъ. Я подслушалъ все тогда сквозь стѣнку: цто дѣлать? таковъ нашъ обыцай! По цести, хотѣлось мнѣ тогда шепнуть тебѣ, цтобъ ты пришибъ ему языкъ одназды навѣки вѣковъ, аминь! но Богъ Іакова и Авраама свидѣтель, цто мнѣ не было никакого на то способа. Какъ скоро ты ушолъ, нашъ сѣдой плутъ давай проклинать тебя. О! лихо тебѣ будетъ, сказалъ я ему, цто ты обизаешь этого праведника.

— Некогда мнѣ слушать твоихъ каноновъ.... Чу! какъ гудитъ небо!... Знаешь ли, чего оно проситъ?...

— Сейцасъ, сейцасъ! не посмотрю я, крицалъ разбойникъ, цто онъ сынъ князя....

— А, этимъ хоть легче!... Бездѣльникъ, какъ онъ обманывалъ меня!... Чтожъ далѣе?

— Не посмотрю, крицалъ онъ, цто онъ сынъ....

— Ни полслова болѣе!... Такъ, я понялъ твою тайну, воспитатель мой! Понялъ я твое молчаніе, благородный Паткуль!... Вижу, не мои проступки лежатъ между мною и отечествомъ.

— Это еще не все. На бѣду твою въ ту зе ноць наткнулись на насъ два солдата. Проклятый Андрей назвался бояриномъ, посланнымъ изъ Москвы отъ царской думы для поимки бѣглаго стрѣльца, злодѣя, подкупленнаго будто бы царевною Софіею Алексѣевною, цтобы убить дерзавнаго, Великаго Государя нашего. Андрюшка сказалъ имъ, цто онъ узе не въ силахъ тащить ноги свои и проситъ добрыхъ солдатушекъ сослузить Царю слузбу, отдать Шереметеву письмецо отъ него, посланника ясновельмозной думы. Солдаты вызвались вруцить письмо прямо въ руцки фельдмаршала и — какъ думать надо — они это вѣрно исполнили. Мы въ скоромъ времени узнали церезъ шпіоновъ нашихъ въ русской арміи, цто подъ Маріенбургомъ какого-то вазнаго плѣнника схватили и увезли, куда воронъ костей не заноситъ.

—«Это онъ! — сказалъ смѣясь сынъ люцифе-

ровъ: — наша взяла! » — Вотъ отслузилъ онъ за упокой твоей душки панихиду и весело побрелъ съ нами въ скитъ свой; но душа его не долго была на пирушкѣ; за Цудью узналъ онъ, цто въ деревнѣ Носѣ появился странвикъ, который цитаетъ проповѣдь, будто онъ, Андрей Денисовъ, лзеуцитель, обмансцикъ, самъ антихристъ. Этотъ странникъ—разсказывали намъ—обратилъ всѣхъ на свою сторону, ввелъ многія новизны въ расколѣ, такъ цто и Царя Петра Алексѣевица стали поминать на моленіи, и успѣлъ совершенно отдѣлить отъ заонезскаго притона всѣ *согласія*, посѣвшія около Цудскаго озера. — « Это онъ опять! — вскрицалъ, трясясь отъ злости, Андрюшка. — Даетъ мнѣ работу, видно зе послѣднюю!... »

— Такъ, послѣднюю!... отгадалъ!... Потомъ очередь придетъ наша!

— Кто кого перемозетъ! — прибавилъ онъ, и потащилъ насъ за собою на востокъ къ Новгороду. Тамъ посыпалъ онъ деньги по властямъ, объявилъ намѣстнику слово и дѣло, и показалъ ему какія-то письма Софіи Алексѣевны. Вотъ, поскакали гонцы къ Царю въ Архангельскъ и вотъ получонъ указъ Царскаго Велицества отыскать твою милость хоть подъ землею и казнить безъ

оправданій. Видишь, бояринъ, къ цему они тебя ведутъ: о вей! о вей! прямо подъ топоръ. Сѣдаго плута за этотъ доносъ похвалили, брата его и многихъ раскольниковъ, содерзавшихся въ новгородской тюрьмѣ, выпустили на волю и обѣщали милости Выговскому скиту. Теперь бѣзимъ мы безъ оглядки во свояси на покой.

— И все правда?—спросилъ Владиміръ, трясясь отъ гнѣва.

— Не вѣришь, взгляни на *противень* съ указа, который я имѣлъ благополуціе списать слово въ слово.

Тутъ съ подобострастіемъ вынулъ Авраамъ бумагу изъ пазухи и подалъ двумя пальчиками Владиміру. Дѣйствительно, въ спискѣ съ указа сказано было, между прочимъ, что воспитанникъ и любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, по имени ***Володька,*** по прозванію Послѣдній Новикъ (примѣтами такой-то и такой-то), во время одного изъ стрѣлецкихъ бунтовъ вкрался между прислуги въ Троицкій монастырь, гдѣ царскій домъ нашолъ тогда убѣщище отъ разъяренныхъ стрѣльцовъ. Сей-то Новикъ умышлялъ на жизнь царевича Петра Алексѣевича въ соборѣ Св. Троицы, у самаго алтаря; но что изволеніемъ Господнимъ и покровительствомъ Св. Сергія Чудотворца напу-

щенъ необычайный страхъ на убійцу, и царевичъ спасенъ. Злодѣй вмѣстѣ съ другими стрѣльцами осужденъ былъ къ смертной казни, посаженіемъ на колъ и отсѣченіемъ головы; но ухищренными стараніями Софіи Алексѣевны выпущенъ изъ-подъ стражи; вмѣсто жъ его безвинно казненъ другой.

— Святой мученикъ! — горестно воскликнулъ Владиміръ при чтеніи этого мѣста: кровь твоя на мнѣ и злодѣяхъ, пролившихъ ее!...

Конецъ бумаги заключалъ въ себѣ объявленіе, что Послѣдній Новикъ бѣжалъ и съ того времени скитался по разнымъ землямъ, нынѣ же оказался въ Чуди у раскольниковъ, похваляется милостями царевны Софіи Алексѣевны и возжигаетъ противъ законной власти новые мятежи народные. Въ указѣ назначалась большая награда тому, кто поймаетъ его и представитъ первому мѣстному начальству, которое обязано было, сличивъ пойманнаго съ означенными примѣтами, немедленно казнить отсѣченіемъ головы.

Бумага произвела свое дѣйствіе; ядъ мщенія разлился по всему составу Послѣдняго Новика (такъ будемъ звать Владиміра, въ которомъ узнали мы это несчастное, гонимое судьбою, существо). Разсудокъ его помрачился; всякое чув-

ство добра заглушено въ его душѣ. Отъ пятъ до конца волосъ онъ весь — мщеніе; онъ ничего не видитъ, кромѣ своего гонителя.

— Гдѣ *онъ*?... спрашиваетъ изступленный чернеца.

Авраамъ, молча, беретъ его за руку, ведетъ въ чащу лѣса, останавливается, указываетъ на огненное пятно, видимое вдали въ лѣсу жъ, и, пользуясь безумнымъ положеніемъ, въ которое ввергнулъ несчастнаго, скрывается за деревьями.

Послѣдній Новикъ не спрашиваетъ о числѣ спутниковъ и защитниковъ Андрея Денисова, не крадется; онъ идетъ прямо на огонь; шаги его, какъ стопы медвѣдя, когда онъ, разъяренный, бѣжитъ на свою добычу.

Андрей Денисовъ былъ одинъ. Служители его, находившіеся съ нимъ изъ числа чудскихъ раскольниковъ, давно возвратились въ свои *согласія*. Послѣдній товарищъ, при немъ оставшійся, *жидовинъ* Авраамъ, ожидалъ только удобнѣйшаго случая ограбить его и бѣжать подъ Тулу, гдѣ возращенъ былъ нѣкіимъ *Селезневымъ* расколъ, основанный на чистомъ законѣ Моисеевомъ. Въ пустынныхъ лѣсахъ невскихъ назначилъ Авраамъ исполнить свои злодѣйскіе замыслы.

Старикъ сидѣлъ подъ деревомъ, котораго гус-

тыя вѣтви, сплетшись дружно съ вѣтвями сосѣднихъ деревъ, образовали кровъ, надежный отъ дождя. Противъ него былъ разложенъ огонь; груда сучьевъ лежала въ сторонѣ. Ересіархъ дремалъ, и въ самой дремотѣ лицо его подергивало, рѣдкая бородка ходила изъ стороны въ сторону. Услышавъ необыкновенный трескъ сучьевъ, онъ встрепенулся. Передъ нимъ лицомъ къ лицу Послѣдній Новикъ, грозный, страшный, какъ смертный часъ злодѣя.

— Узналъ ли ты меня?—вскричалъ Владиміръ ужаснымъ голосомъ, смотря на него изступленными глазами.—Въ этомъ голосѣ, въ этихъ глазахъ Андрей прочолъ свой приговоръ. Дрожа, запинаясь, смиренно отвѣчалъ онъ: — Узналъ!

— Ты ли звалъ меня къ себѣ?

— Да.... я звалъ.... во время....

— Въ свое время я пришолъ! Былъ и на твоей улицѣ праздникъ, названный отецъ! теперь пора на другой пиръ....

Владиміръ вынулъ топоръ изъ-за пояса.

Холодный потъ закапалъ со лба старика. — Подумай! простоналъ онъ, и бросился на колѣна передъ ужаснымъ судьею своимъ.

— Поздно!... Ты отнялъ у меня все.... все, что только для меня дорого было въ жизни, что

я доставалъ тринадцатью годами униженія и кровавыхъ трудовъ.... все!... Расплачивайся! часъ насталъ!

Старикъ бормоталъ молитву.

— Не дамъ тебѣ и помолиться.... Пускай въ адъ напутствуетъ тебя хохотъ сатаны! Слышишь?... вскричалъ ужасный судья — блеснулъ топоръ.... и убійство совершено.

Дождь лилъ ливмя; погода бушевала.

Бушуй! шуми!... Любо ли тебѣ!... Ты этого хотѣло!... кричалъ Владиміръ, глядя въ изступленіи на небо. Земля горѣла подъ нимъ; огненныя пятна запрыгали въ его глазахъ. Когда дождь хлесталъ по лицу, ему казалось, что сатана бросалъ въ него пригорщины крови. Шатаясь побрелъ онъ, самъ не зная куда. Образъ на груди давилъ его; онъ его сорвалъ и бросилъ въ кусты.

Во время ужаснаго разговора убійцы и жертвы Авраамъ стоялъ за кустами. Когда жъ совершилось злодѣяніе и Послѣдній Новикъ скрылся, чернецъ вышелъ изъ своей засады и подкрался къ убитому, истекавшему кровью изъ плеча, въ которомъ сдѣлана была глубокая рана. Скорою, усердною помощью можно было бъ еще возвратить его къ жизни. — А! старый песъ подурацился довольно на своемъ вѣку, » сказалъ чернецъ,

припавъ къ нему, и только-что началъ обшаривать его, когда услышалъ глухой стонъ. — «О! живуць, какъ долгоногій паукъ!» проговорилъ Авраамъ, и принялся облегчать Андрея отъ лишней тяжести при переходѣ изъ этой жизни въ другую, то есть, вынулъ изъ-за пазухи его порядочную кису, туго набитую деньгами, и обобралъ на немъ все, что имѣло дорогую цѣнность: за тряпьемъ онъ не гнался. Потомъ?... потомъ онъ хладнокровно положилъ своего благодѣтеля на огонь, въ который имѣлъ догадку набросать порядочный костеръ сучьевъ; когда жъ увидѣлъ, что умирающій дрягаетъ ногами, началъ приговаривать, усмѣхаясь: «Коси сѣно! коси сѣно!...» подобралъ свою рясу выше колѣнъ и, обремененный богатою добычею, пустился бѣжать, куда зналъ вѣрнѣе.

Долго бродилъ Послѣдній Новикъ по лѣсу; по берегу рѣки, и наконецъ палъ въ изнеможеніи силъ. Только въ глубокую полночь онъ очнулся, когда не стало на немъ сухой нитки. Всѣ члены его окоченѣли, будто скрученные желѣзными связьми; въ головѣ его былъ хаосъ, въ ушахъ страшно гудѣло; ему казалось, что били въ набатъ. Онъ старался припомнить себѣ, гдѣ онъ, что съ нимъ сдѣлалось — и ужасное злодѣяніе первое пришло ему на память. Онъ приподнялся и осмотрѣлся

кругомъ. Передъ нимъ роковой челнокъ; кто-то стоялъ въ немъ.... манилъ его къ себѣ на другую сторону.... Шатаясь, пошолъ онъ на зовъ незнакомца; вошолъ въ челнокъ.... въ немъ никого!... Волосы встали у него дыбомъ. Рукою злодѣйскою не смѣлъ онъ сотворить крестнаго знаменія. Вдругъ слышитъ онъ плескъ веселъ.... плыветъ множество лодокъ.... поравнялись съ нимъ.... остановились.... Это ужъ не видѣніе.... Слышны голоса, одинъ внятнѣе прочихъ. — «Алексаша!» говорилъ кто-то: «развѣдай, что за человѣкъ!» Вслѣдъ за этими словами одна лодка отдѣлилась отъ другихъ и понеслась прямо на чолнъ, въ которомъ стоялъ Послѣдній Новикъ. Его окружаетъ толпа людей. «Что за человѣкъ?» спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, по видимому офицеръ.

Послѣдній Новикъ молчитъ.

— «Я изъ тебя выколочу отвѣтъ!» говоритъ опять прежній голосъ — и удары сыплются на несчастнаго.

Молчитъ тотъ, кто, за нѣсколько часовъ назадъ, свободный отъ преступленія, горько отплатилъ бы за малѣйшую обиду!

— «Нечего съ нимъ долго толковать!» вскричалъ опять офицеръ. «Привяжите его чолнъ къ

нашей лодкѣ, а его самого хорошенько скрутите и бросьте въ его конуру.»

Приказаніе это выполнено немедленно и въ точности. Лодка и къ ней причаленный челнокъ отправились и вскорѣ присоединились къ цѣлой флотиліи шлюпокъ, на которыхъ въ темнотѣ чернѣлось множество головъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

— «Ну, Алексаша, ѣздилъ ты *за московскимъ тотчасомъ?*» нетерпѣливо сказалъ сидѣвшій у кормила передовой лодки. Офицеръ, привезшій Послѣдняго Новика, вошолъ въ эту лодку и объяснилъ говорившему съ нимъ капитану (ибо онъ его такъ называлъ), что нашолъ кокого-то подозрительнаго человѣка, который, сколько могъ различить въ темнотѣ, долженъ быть раскольникъ, и что онъ, для всякой предосторожности, почолъ нужнымъ связать его и привезти съ собою.—«Доброе дѣло!—сказалъ капитанъ:—причальте его чолнъ къ нашей шлюпкѣ, и съ Богомъ!» Повелительно-грозный голосъ его раздался по водамъ, и маленькая флотилія поплыла къ устью Невы, держась острова, названнаго впослѣдствіи Васильевскимъ. Дождь, на нѣсколько

минутъ утихшій, опять засѣялъ; темнота была необыкновенная. «*Аще Богъ съ нами, никто на ны!* — сказалъ капитанъ съ благоговѣніемъ: —дождь всегда къ благополучію; а нашей экспедиціи темнота и подавно благопріятствуетъ.» Солдаты скинули шляпы и перекрестились. Съ двухъ шведскихъ судовъ, стоявшихъ на устьѣ Невы, послышался лозунгъ двумя выстрѣлами изъ пушекъ; черезъ нѣсколько минутъ отозвались два удара со стороны Ніеншанца. — «*Сія игрушка ихъ не минетъ!*» — воскликнулъ капитанъ съ удовольствіемъ, которое ясно отзывалось въ голосѣ. — «Mein Herr Lieutenant!» — сказалъ онъ, не много погодя, обратясь къ офицеру, подлѣ него стоявшему: — «кажись, къ дѣлу подцѣпили мы раскольника. Не мудрено, что онъ стоялъ караульщикомъ отъ шведовъ. Этотъ родъ, закоснѣлый въ невѣжествѣ, не желаетъ намъ добра: я увѣренъ, что они мои начинанія задержать весьма стараются—не говорю уже о томъ, что они меня персонально не жалуютъ.»

— Да, великій Государь! они царей и на моленіи не поминаютъ — отвѣчалъ на нѣмецкомъ лейтенантъ, по видимому хитрый придворный.

Въ капитанѣ, сидѣвшемъ у руля, мы сейчасъ имѣли случай узнать самого Петра I; въ лейте-

нантѣ, по отчеству его и дружбѣ, оказываемой ему монархомъ, узнаемъ Меншикова. Кстати замѣтимъ, что разговоръ ихъ продолжался, смотря по предметамъ его, то на нѣмецкомъ, то на русскомъ.

— *Ты забылъ уговоръ, Данилычъ! пожалуй, безъ великаго!* — сказалъ Петръ: — народу и потомству, а не персонѣ дозволено такъ чествовать государей. *Можетъ статься, нѣкогда и наше имя воскреситъ славу свою; но теперь, вѣруй, не довольно къ тому нашихъ дѣлъ; все еще початки!*

— Государь! — продолжалъ лейтенантъ: — настоящая война вводитъ уже тебя въ храмъ безсмертія.

— *Нѣтъ, мало еще отмстили мы укоризну шведамъ; больше требуетъ слава, народу нашему славянскому достойная, и обида, нанесенная отечеству отъятіемъ земель. Видишь Лифляндію; это членъ Россіи отсѣченный. Если его не возвратимъ, такъ напрасны и початки наши. Только великую надежду имѣемъ на правосудіе Божіе, которое неоднократно насъ викторіями благословлять изволило.*

— Принося Божія Богови, повелитель русскаго

царства не откажетъ своимъ подданнымъ принесть цесарю цесарева.

— *Что къ моему лицу надлежитъ, я повелитель ихъ, но по моей любви къ нимъ и къ отечеству другъ ихъ и товарищъ во всемъ.* Легко, Данилычъ, властителю народа заставить величать себя; придворные и стиходѣи чадомъ похвалъ и безъ указу задушить готовы: только дѣлами утѣшно величіе заслужить. Впрочемъ не о себѣ хлопочу, mein Herzenskind, а о благополучіи ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа.

— Государь! ты для благополучія Россіи ни здоровья, ни живота своего не щадишь, и нынѣ....

— *Затѣмъ и царь я* — перебилъ Петръ — *что долженъ самъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ являть. Законъ я чту наравнѣ съ послѣднимъ изъ моихъ подданныхъ;* въ строю я только солдатъ фланговой — по мнѣ вся линія выстраивается; въ баталіи я долженъ быть напереди. *Слыхалъ ты самъ, сколько подъ Нарвою прикладъ начальствующихъ бѣды причинилъ. Да и нынѣ еще наши господа надмѣру себя берегутъ, и немногимъ ближе становятся отъ крѣпости, какъ нашъ обозъ; но я намѣренъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріевъ кругъ подви-*

нуть. У меня Катенька боится, право, менѣе инаго полковника.

— Я говорилъ вамъ, что твердость ея души равняется съ ея красотою. Она, кажется, прибыла нынѣ въ вашъ обозъ, господинъ капитанъ....

— Какъ похорошѣла моя голубушка.... Въ конфиденціи объявить, безъ ней весьма скучать нынѣ начинаю. Да кстати, Алексаша, я не разсказывалъ тебѣ нынѣшней исторіи?

— Не удосужился слушать.

— Засталъ я ее давича, при разборкѣ ея багажа, въ страшномъ испугѣ. Спрашиваю, что за притча? Развернула она передо мною узелки свои, показала мнѣ складни, серги дорогія, жемчугъ, и объявила мнѣ, сердечная, что не знаетъ, какъ они тутъ очутились; ибо-де у ней такихъ вещей отъ роду не бывало, да и въ домѣ Шереметева и твоемъ никто ее не даривалъ ими. Я разсмѣялся. и сказалъ ей: «*Не бойся, Катенька! это все твое; Данилычъ догадливъ....*» *А*, min Herr, твое дѣльце!...

— Виноватъ, Государь.

— Изъ твоей вины можно богатую шубу сшить, и спасибо притачать. *На такую потребу, правду молвить, у меня теперь и денегъ не нашлось бы. Вотъ какъ получу по чину ка-*

питана отъ бомбардиръ и капитана корабельнаго жалованья изъ воинской казны, то воленъ въ нихъ ко всякому употребленію, потому что я службою для государства, какъ и прочіе офицеры, тѣ деньги заслужилъ; а народныя деньги оставляются для государственной пользы, и я обязанъ въ нихъ нѣкогда отдать отчотъ Богу. Но слово было о Катенькѣ: что у кого болитъ, вѣдаешь, тотъ о томъ и говоритъ. Проситъ она меня, отдыху не даетъ, развѣдать отъ Вадбольскаго Семена, какого шведскаго плѣннаго Вольдемара схватилъ онъ ни за что, ни про что подъ Маріенбургомъ и угналъ куда-то съ татарами. Мнѣ объ этомъ и Борисъ Петровичъ не говорилъ. Пожалуй, узнай повѣрнѣе и утѣшь меня и ее вѣсточкой о немъ: можетъ статься, и родной ей какой!

— Воля твоя будетъ выполнена, государь!

Несчастный, лежавшій въ челнокѣ, тяжело вздохнулъ.

— Что-то нашъ плѣнникъ стонетъ.... — сказалъ Петръ.

Меншиковъ сталъ на колѣно, нагнулся черезъ край шлюбки и, ощупавъ Послѣдняго Новика, отвѣчалъ: — Онъ мокрехонекъ, какъ мышь, ку-

павшаяся въ водѣ, и дрожитъ такъ, что рука на немъ не удержится....

— Теперь онъ намъ не опасенъ. Развяжи его; да на, возьми, Алексаша, мою епанчу и накрой многострадальца; можетъ статься, онъ и безъ вины виноватъ.

— Государь!... ты самъ.... въ такой дождь....

— Возьми, говорю! — сказалъ съ твердостію человѣколюбивый государь, скинувъ съ себя епанчу и подавая ее Меншикову. — Что до насъ, мы скоро, съ Божьею помощью, обсушимся и отогрѣемся.

Воля Петра была выполнена: развязали плѣнника и покрыли его царскою епанчею. Слезы благодарности и вмѣстѣ горькаго раскаянія полились изъ глазъ несчастнаго: слова монарха удерживали въ немъ послѣднюю искру жизни, готовую погаснуть....

Лодки плыли самою тихою греблею; нѣсколько разъ приказано было имъ останавливаться. Въ это время предметы разговора государя съ его любимцемъ безпрестанно мѣнялись. Гдѣ не побывалъ тогда его геній? Куда въ это время, между заботами простаго семьянина, не заброшены были сѣмена его безсмертныхъ дѣлъ, которыми Россія донынѣ могуща и велика? Подъ сѣнью Кавказа

садилъ онъ виноградъ, въ степяхъ полуденной Россіи — сосновые и дубовые лѣса, открывалъ портъ на Бельтѣ, заботился о привозѣ пива для своего погреба, строилъ флотъ, заводилъ ассамблеи и училища, рубилъ длинныя полы у кафтановъ, комплектовалъ полки, *потому что*, какъ онъ говорилъ, *при военной школѣ много учениковъ умираетъ, а не добро голову чесать, когда зубья выломаны изъ гребня;* шутилъ, разсказывалъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, и часто, очень часто упоминалъ о какой-то таинственнной Катенькѣ; — все это говорилъ Петръ подъ сильнымъ дождемъ, готовясь на штурмъ непріятельскихъ кораблей, какъ будто на пирушку! — **Herr Kapitain!** — сказалъ вдругъ Меншиковъ: — двѣ огненныя точки свѣтятся неподалеку отъ насъ; это должны быть фонари на корабляхъ непріятельскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сквозь сѣтку дождя показались два огненныя пятна и вскорѣ зарябили двѣ темныя массы, изъ коихъ одна носомъ двинута была въ устье рѣчки, вытекавшей изъ острова. Петръ немедленно приказалъ всѣмъ лодкамъ, числомъ до 30, построиться на два отдѣленія; одному, подъ командою Меншикова, пристать у берега острова къ лѣсу съ тѣмъ, чтобы это отдѣленіе, по перво-

му условленному сигналу, напало на ближайшее непріятельское судно; а самъ, по обыкновенію своему, предоставя себѣ труднѣйшій подвигъ, съ остальными лодками отправился далѣе на взморье, въ обходъ непріятеля. Челнокъ, въ которомъ находился Послѣдній Новикъ, отвязанъ отъ шлюпки; несчастному брошено весло; но онъ не воспользовался этимъ даромъ, и ладья поплыла по теченью рѣки прямо на взморье.

Пока эти распоряженія приводились въ исполненіе, тучи разбрелись, и къ сторонѣ Ніеншанцевъ на небосклонѣ заструилась палевая полоса. Съ непріятельскихъ судовъ (изъ которыхъ одна была 14-пушечная шнява Астрель, а другое 10-пушечный адмиральскій ботъ Геданъ) замѣтили русскія лодки, съ двухъ сторонъ по волнамъ скачущія прямо на нихъ дружно, правильно, какъ ряды искусной конницы. Тревога на судахъ: слышны свистки начальниковъ, командныя слова, крики матросовъ; снимаются съ якоря, поднимаютъ паруса; эскадрѣ, стоящей близъ острова *Ретy-сари* *), даютъ сигналъ, что находятся въ опасности. Съ просонья и съ испуга дѣйствія

*) Котлинъ островъ, на которомъ построенъ Кронштадтъ.

исполняются торопливо. Кажется, самыя стихіи въ заговорѣ съ непріятелемъ; мокрыя вѣтрила едва шевелятся. Экипажъ смотритъ на нихъ, какъ на звѣзду своего спасенія; состоя только изъ 77 человѣкъ, онъ понимаетъ опасность вступить въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ не на открытомъ морѣ. Если бъ можно было пробраться къ эскадрѣ, тогда спасена честь шведскаго флага, и русскіе осмѣяны! Каждый изъ экипажа хотѣлъ бы надуть паруса своими желаніями, — криками хотѣлъ бы подвинуть суда. Суда трогаются; но уже поздно. Семеновцы и преображенцы, эти *потѣшники* Царя въ играхъ и бояхъ, одушевленные примѣромъ своего державнаго капитана, настигаютъ, обхватываютъ ихъ, впиваются въ бока ихъ крючьями, баграми, бросаютъ на палубу гранаты, мѣткими выстрѣлами изъ мушкетовъ снимаютъ матросовъ съ борта, рѣшетятъ паруса. Пушки ничего не могутъ сдѣлать нападающимъ; ядра летаютъ черезъ головы русскихъ и только тѣшатъ ихъ, срѣзывая или роя волны. Собственныя бока судовъ служатъ защитою непріятелю. Шнява болѣе всего стѣснена русскими лодками; медленно тащитъ она ихъ за собою, не имѣя силъ оторвать отъ себя. Такъ, огромный звѣрь, со всѣхъ сторонъ окружонный

маленькими, разъяренными животными, и, выбившійся изъ силъ, въ бѣгствѣ влечотъ ихъ съ собою до тѣхъ поръ, пока самъ падетъ или ихъ утомитъ. Усиленная ложная аттака, сдѣланная съ одной стороны шнявы, отвлекаетъ на эту сторону почти весь экипажъ; между тѣмъ къ другому борту прикрѣплены веревочныя лѣстницы. По нимъ, какъ векши, цѣпляются русскіе—и первый на палубѣ Петръ. — «Ура! силенъ Богъ русскихъ!» — восклицаетъ царь громовымъ голосомъ, и на встрѣчу бѣгущихъ шведовъ посылаетъ горящую въ его рукѣ гранату. Мѣтко пошла роковая посылка, разодралась на части, и каждому, кому дошла, шепнула смертное слово; каждый кровью или жизнью росписался въ полученіи ея. Со всѣхъ сторонъ шведы съ бѣшенымъ отчаяніемъ заступаютъ мѣста падшихъ; но передъ Петромъ, этимъ исполиномъ тѣломъ и душою, все, что на пути его, ложится въ лоскъ, поражонное имъ или его окружающими.

Шведы дерутся отчаянно; ни одинъ не прячется въ убѣжища корабля. Палуба—открытое поле сраженія; отнято желѣзо — ноготь и зубъ служатъ имъ орудіями; раненые замираютъ, вцѣпившись руками въ своихъ враговъ или заплетаясь около ногъ ихъ.

Эскадра шведская замѣтила несчастное положеніе двухъ судовъ своихъ. Уже трепещутъ въ виду крылья ея парусовъ. Вотъ друзья, братья, готовы исторгнуть бѣдныя жертвы изъ непріятельскихъ рукъ!... Надежда беретъ верхъ надъ отчаяніемъ. Но одно мощное движеніе державнаго кормчаго, взявшагося за руль, нѣсколько распоряженій капитана русскаго — и шнявѣ нѣтъ спасенія!

Въ самую суматоху боя Петръ не теряетъ головы, все наблюдаетъ, вездѣ отдаетъ приказанія, убираетъ самъ паруса, отправляетъ шведскаго кормчаго въ море ловить рыбъ, остановляетъ на бѣгу судно, правимое къ эскадрѣ, и оборачиваетъ его назадъ. Онъ въ одно время капитанъ, матросъ и кормчій. Во всѣхъ этихъ маневрахъ видны необыкновенное присутствіе духа, быстрое соображеніе ума и наука, которой онъ съ такимъ смиреніемъ и страстью посвятилъ себя въ Голландіи. Старый морякъ не постыдился бы признать его дѣйствія своими. — Русскіе солдаты, спущенные въ лодки, уводятъ шняву назадъ въ устье Невы, а шведская эскадра не допущена мелководіемъ. Самъ Богъ за Петра. Почти весь экипажъ шнявы перебитъ и перерѣзанъ; рѣдкій изъ составляющихъ его рѣшается купить жизнь цѣною плѣна.—

Командиръ шведскій тотчасъ узналъ, съ кѣмъ мѣрился. — «Петръ одинъ могъ сдѣлать такое дѣло!» — говорилъ онъ, и въ отвѣтъ на мирное предложеніе отъ имени Царя, схвативъ переговорщика за грудь, стаскиваетъ его съ собою въ море.

Лишь только побѣда очистила русскимъ палубу шнявы, Меншиковъ прибылъ къ своему капитану съ донесеніемъ о взятіи адмиральскаго бота Гедана. Побѣда надъ этимъ судномъ легче была куплена.

По сказкѣ плѣнныхъ, оба судна отправлены были къ Ніеншанцамъ съ письмами отъ начальника шведской эскадры, и потому такъ беспечно остановились у острова, что обмануты были дружескими сигнальными отвѣтами изъ крѣпостцы. — «Я сказалъ, что эта игрушка ихъ не минетъ!» — восклицалъ Петръ внѣ себя отъ радости; благодарилъ Бога за первую побѣду русскихъ на Балтійскомъ морѣ, обнималъ офицеровъ, изъявлялъ свою признательность солдатамъ, называя ихъ вѣрными товарищами, друзьями.

Съ того времени, какъ Послѣдній Новикъ былъ освобожденъ изъ плѣна, челнокъ его несся по произволу рѣчнаго теченія; попавъ на взморье, встрѣченъ противными волнами и наконецъ при-

битъ ими къ корельскому берегу, за нѣсколько верстъ отъ устья Невы. Тамъ чухонскіе рыбаки замѣтили челнокъ, и, осмотрѣвъ его, нашли въ немъ умирающаго человѣка. Они принесли несчастнаго къ себѣ въ хижину; попеченія добрыхъ людей и травы колдуна, котораго они постарались отыскать въ окрестности, привели къ жизни того, кто въ ней ничего отраднаго не имѣлъ, для кого она уже была въ тягость.

ляетъ свиту необыкновеннаго человѣка. Карла и Балакиревъ расхаживаютъ по берегу и бросаютъ камешки поперегъ рѣки, стараясь, чтобы они, дѣлая по водѣ рикошеты, долетали, какъ можно, далѣе. Если скачки были скорые и высокіе, то говорили, что это меншиковскіе прыжки. Когда пущенный камень дѣлалъ медленный переходъ и оставлялъ большой кругъ на водѣ, тогда называли это шереметевскимъ шагомъ. Пузыри, болтуны, верхогляды, недолеты, перелеты, имѣли также свои принаровленія. Наконецъ два друга и соперника усѣлись....—«Растолкуй мнѣ, пожалуйста— сказалъ Голіаѳъ своему товарищу — что значитъ надпись на ошейникѣ Лизеты: *за вѣрность не умру?* Вѣдь когда-нибудь и она протянется. Чтожъ тогда изъ нея сдѣлаютъ?»—«Безсмертную чучелу! — отвѣчалъ Балакиревъ. — По словамъ нашего *батюшки* Петра Алексѣевича, такую же сдѣлаютъ и изъ *великаго* Буржуа.» — «Видно за то, что вѣренъ своей глупости!» — «Ступай къ намъ во дворъ, Самсонычъ, у насъ недостаетъ карлы.» — «Пошолъ бы, если бъ ты былъ глупецъ: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.» — Такъ и многое подобное говорили шутъ и карла; но обратимся къ кругу офицерскому.

Кто, какъ не самъ Петръ, можетъ быть высокій морякъ, сидящій на барабанѣ. — Около него съ уваженіемъ стоятъ почотные сыны Русскаго царства. — Отчего жъ восторгъ горитъ въ его глазахъ?... Онъ забылъ все, его окружающее; геній его творитъ около себя другую страну. Островъ, на которомъ онъ находится, превращается въ крѣпость; верфь, адмиралтейство, таможня, академіи, казармы, конторы, домы вельможъ и послѣ всего дворецъ возникаютъ изъ болотъ; на берегахъ Невы, по островамъ, расположенъ городъ, стройностью, богатствомъ и величіемъ спорящій съ первыми портами и столицами европейскими; торговля кипитъ на пристаняхъ и рынкахъ; народы всѣхъ странъ волнуются по немъ; науки въ немъ процвѣтаютъ. Черезъ ворота Бельта входитъ многочисленный флотъ, обошедшій старую и новую гемисферы. Островъ Рету – сари на взморьѣ служитъ городу шлагбаумомъ.

Великій мыслитъ — и бысть!... Что для другихъ игра воображенія, то для него подвигъ.

Петръ всталъ. Онъ схватилъ съ жаромъ руку Шереметева и говоритъ: — «*Здѣсь будетъ Санктъ – Петербургъ!*» — Всѣ смотрятъ на него съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая его,

что такое С.-Петербургъ. И тутъ съ краснорѣчіемъ генія творческаго, всемогущаго, повѣдаетъ онъ окружающимъ его свои исполинскіе планы. Холодный, расчотливый Шереметевъ представляетъ неудобства: онъ указываетъ на дремучіе лѣса, непроходимыя болота и наконецъ на маститое дерево, служившее туземцамъ для отмѣтки высоты, по которую въ разныя времена невскія воды выходили изъ береговъ своихъ. — «Лѣса срубятся на дома — говоритъ Петръ: — руками шведскими осушилъ шведскія болота; а дерево....» — Онъ махнулъ рукою Меншикову; этотъ понялъ его — и памятникъ, враждующій генію, уже не существуетъ! Желѣзо блещетъ по кустарникамъ и рощѣ; со стономъ падаютъ столѣтнія деревья, будто не хотятъ разставаться съ землею, столько лѣтъ ихъ питавшею — и черезъ нѣсколько часовъ весь Лустъ-Эландъ обнаженъ. На ближнемъ островѣ Койво-сари возникаетъ скромное жилище строителя, *Петра Михайлова:*

....Ковчегъ воспоминаній славныхъ!
Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ:
Здѣсь мыслилъ Петръ объ насѣ Россіи! здѣсь
твой храмъ *)

*) Князь Вяземскій.

Между тѣмъ флотилія привѣтствована нѣсколькими залпами изъ ружей и артиллеріи; — изъ пушекъ шнявы и бота поздравили царя съ первой морской побѣдой.

Отпраздновавъ побѣду, государь немедленно принялся за созиданіе С.-Петербурга въ виду непріятеля, на землѣ, которую, можетъ быть, завтра надлежало отстаивать. Не устрашила его и грозная схватка со стихіями, ему предстоявшая въ этомъ дѣлѣ. Воля Петра не подчинялась ничему земному, кромѣ его собственной творческой мысли; волѣ же этой покорялось все. Мудрено ли, что онъ съ такимъ даромъ неба не загадывалъ ни одного исполинскаго подвига, который не былъ бы ему по плечу, котораго не могъ бы онъ одолѣть?

Для исполненія своего намѣренія, первымъ его дѣломъ было въ тотъ же день разбить планъ новой крѣпости. Ходя съ саженью въ рукахъ по берегу Лустъ-Эланда и сопровождаемый въ своихъ занятіяхъ Шереметевымъ и княземъ Голицынымъ, онъ сошолся въ одномъ мѣстѣ съ Вадбольскимъ. — «А, дорогой куманекъ! — закричалъ онъ этому: — я до тебя давно добираюсь.»

— Меншиковъ сказалъ мнѣ только сейчасъ, за чѣмъ я тебѣ нуженъ, Государь! — отвѣчалъ Вадбольскій: — я самъ искалъ тебя.

— Такъ мы кстати столкнулись: авось высѣчемъ огонь! Вотъ въ чемъ дѣло. Дошли до меня вѣсточки въ нѣкоей конфиденціи.... а съ какой стороны вѣтеръ дулъ, не могу тебѣ повѣдать — въ другое время, ты знаешь, я съ своихъ плечъ снялъ бы для тебя рубашку — вотъ изволишь видѣть, кумъ, дошли до меня вѣсточки, что ты подъ Маріенбургомъ спровадилъ какого-то голяка, шведскаго плѣннаго, куда, на какую потребу, Богъ вѣсть!...

— Коли тайна эта дошла до тебя, государь, то солгать передъ тобою не могу. Приношу тебѣ повинную голову. Этотъ человѣкъ былъ не шведъ, а русскій, изгнанникъ, именно Послѣдній Новикъ.

При этомъ словѣ Петръ вспыхнулъ. — Послѣдній Новикъ! мой убійца!... и ты, видно, такой же злодѣй!... закричалъ онъ и, не помня себя отъ гнѣва, замахнулся на Вадбольскаго саженью, чтобы его ударить.

— Остановись!... воскликнулъ Шереметевъ: — онъ исполнилъ только мое приказаніе.

Петръ опустилъ сажень и остановилъ изумленные взоры на фельдмаршалѣ.

— Открою тебѣ болѣе—продолжалъ этотъ: но прежде выслушай, а потомъ буди твой судъ надъ нами. Во время осады Маріенбурга злой расколь-

никъ далъ мнѣ знать письмомъ, что въ крѣпости скрывается Послѣдній Новикъ подъ личиною шведа Вольдемара изъ Выборга. Всѣ примѣты Новика были вѣрно списаны; злодѣйство его было мнѣ вѣдомо: злодѣй былъ въ моихъ рукахъ, и я самъ далъ ему свободу.

— Всеконечно, ты имѣлъ на то важную причину, или ты съ ума сошолъ, Борисъ Петровичъ!

— А вотъ сейчасъ объяснимъ тебѣ, надежа-государь!—Князь Василій Алексѣевичъ! подайте его величеству бумаги, которыя вамъ поручено отдать отъ бывшаго генералъ-кригскомисара.

Мы не имѣли еще случая сказать, что Вадбольскій, въ глубокую осень 1702 года, объѣзжая дозоромъ покоренный край Лифляндіи, заглядывалъ на мызу г-на Блументроста и разспрашивалъ нѣмаго о Владимірѣ. Вмѣсто извѣстій, получилъ онъ бумаги, которыя поручено было Новикомъ отдать первому, кто придетъ о немъ навѣдаться: бумаги эти, какъ онъ выразился тогда, изгнаннику болѣе не нужны. Изъ числа ихъ письмо Паткуля къ русскому Монарху и свидѣтьство Шереметева о заслугахъ, оказанныхъ Владиміромъ въ кампанію 1702 года, поданы теперь Государю Вадбольскимъ. Видно было въ этомъ слу-

чаѣ, что избранные ходатаи за несчастнаго дѣйствовали согласно условію, между ними заранѣе сдѣланному.

— Отъ злодѣя черезъ вѣрнолюбезнаго намъ министра? часъ отъ часу мудренѣе! сказалъ Петръ I-й, взявши бумаги. Во время чтенія лицо его то свѣтлѣло, то помрачалось. Прочтя ихъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на Шереметева, сталъ ходить взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи чувствъ, выражавшемъ ихъ борьбу, и потомъ спросилъ фельдмаршала:—Такъ вы дали это свидѣтельство, господинъ фельдмаршалъ?

— Государь—отвѣчалъ Борисъ Петровичъ:—все, что въ этомъ свидѣтельствѣ, мною данномъ, заключается, есть только слабое изображеніе заслугъ Послѣдняго Новика тебѣ и отечеству. Въ лѣта безразсудной молодости онъ могъ быть преступникомъ; но со временемъ позналъ свою вину и искалъ загладить ее жертвами великими. Если я въ прошедшую кампанію сдѣлалъ что-нибудь достойное аттенціи царскаго величества, то этимъ обязанъ ему.

Петръ, не отвѣчая, стоялъ въ глубокой задумчивости.

— Милость краситъ вѣнецъ царскій!—произнесъ съ жаромъ князь Михайла Михайловичъ

Голицынъ. Государь! ты прощалъ многихъ злодѣевъ, посягавшихъ на твою жизнь; а чѣмъ заслужили они это прощеніе? Одвимъ раскаяніемъ!... Послѣдній Новикъ же, какъ мнѣ извѣстно нынѣ стало, сдѣлалъ то, чѣмъ могъ бы гордиться первый бояринъ русскій. Мы всѣ, сколько насъ ни есть въ войскѣ твоемъ, ему одолжены нашею доброю славой, и умоляемъ за него.

— Когда бы только память злодѣянія!...—сказалъ Петръ: — нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! вы не знаете.... вы не можете знать....

Мурзенко, невидимо подкравшись къ царю, упалъ къ ногамъ его и жалобно завопилъ:—Прикажи, Петръ Алексѣевичъ, твоя моя разжаловать: безъ Новика моя не була бъ пулковникъ! Борисъ Петровичъ твоя все разсказать. Куда ея голова, и моя туда.

— И, ты, Мурза?... Всѣ, всѣ за него!... Коли бъ знали, чье онъ отродье непотребное!... повторилъ государь.

— Отродье? не правда,—возразилъ съ благороднымъ гнѣвомъ Вадбольскій:—полковникъ Семенъ Ивановичъ Кропотовъ былъ его отецъ. Кропотовъ служилъ тебѣ вѣрою и правдою, и честно положилъ за тебя животъ свой подъ Гуммелемъ. Какого тебѣ благородства болѣе надобно?...

— Не постыдился бы я назвать его своимъ братомъ, Семенъ Алексѣевичъ! но чѣмъ докажешь, что Послѣдній Повикъ былъ сынъ его?

— Его завѣщаніемъ, котораго сдѣлали меня исполнителемъ воля фельдмаршала и самъ Богъ! Пусть очи твои сами удостовѣрятъ тебя въ истинѣ словъ моихъ. Вотъ завѣщаніе, писанное рукою Семена Ивановича: она должна быть тебѣ извѣстна.

Тутъ Вадбольскій вынулъ изъ боковаго кармана мундира бумагу и подалъ ее царю. Петръ взялъ ее, жадно пробѣжалъ глазами и потомъ задумался. Вадбольскій продолжалъ:

— Съ того свѣта указываетъ онъ тебѣ на кровь, пролитую за тебя и отечество, на старушку вдову, оставленную безъ подпоры и утѣшенія, и требуетъ, чтобы ты даровалъ жизнь ея сыну, и матери отдалъ кормильца и утѣшителя. Не только какъ опекунъ Послѣдняго Новика, но какъ человѣкъ, обязанный ему спасеніемъ своей жизни, умоляю тебя за него: умилосердись, отецъ отечества! прости его, или вели меня казнить вмѣстѣ съ нимъ.

— Могу ли васъ наказывать — воскликнулъ растроганный государь—васъ, вѣрные мои слуги и товарищи?... Для васъ забываю собственную пер-

сону.... забываю все — и прощаю Послѣдняго Новика.

Радостный возгласъ: «да здравствуетъ Государь, отецъ нашъ, многія лѣта!» вырвался изъ груди участниковъ этой сцены и обошолъ весь островъ, по которому офицеры и солдаты были разсыпаны. Признательность народная скоро сообщается и любитъ выражаться въ громкихъ восклицаніяхъ; одна ненависть скрытна и молчалива. Петръ продолжалъ, обратясь къ Шереметеву: — Письмомъ отъ имени моего попросите его величество кесаря *) обнародовать указъ о прощеніи Послѣдняго Новика ради его заслугъ намъ и отечеству; пошлите пріятеля Мурзу отыскать его по Чуди — кстати не удастся ли гдѣ прихлопнуть нагайкою шведскаго комара — и дайте знать въ дворцовый приказъ, чтобы отписали Владиміру, сыну Кропотова, десять дворовъ въ Софьинѣ; но горе ему, если онъ.... захочетъ отыскивать себѣ другой родъ, кромѣ Кропотова!...

Защитники Послѣдняго Новика благодарили государя, каждый по своему; хвала Петру пере-

---

*) Извѣстно, что въ отсутствіе государя Ромодановскій уполномоченъ былъ правами царскими и носилъ титло кесаря.

ходила изъ устъ въ уста. Всѣ поздравляли другъ друга, какъ съ необыкновеннымъ торжествомъ; разсказывали, кто такой Новикъ, что онъ сдѣлалъ преступнаго и какія великія услуги оказалъ отечеству. Онъ-то спасъ подъ Еррастферомъ артиллерію русскую, давалъ фельдмаршалу черезъ Паткуля извѣстія не только о движеніяхъ шведской арміи, но и намѣреніяхъ ея предводителя, навелъ русскихъ на розенгофскій форпостъ и такъ много содѣйствовалъ побѣдѣ подъ Гуммельсгофомъ. Какъ изумились Дюмонъ, Карповъ и Глѣбовской, узнавъ, что Послѣдній Новикъ, неумышленно составлявшій въ нейгаузенскомъ станѣ предметъ ихъ разговоровъ и вину горькихъ слезъ Кропотова, былъ именно сынъ его и то самое таинственное лицо, игравшее столь важную роль въ войнѣ со шведами и такъ часто служившее загадкою для всего войска! Помнили еще пѣвца-невидимку подъ Розенгофомъ, докончившаго пѣсню, начатую Глѣбовскимъ; каждый повторялъ куплетъ, столь трогательно выражавшій любовь къ родинѣ. Сблизиться съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, услышать повѣсть его жизни, было общимъ сильнымъ желаніемъ офицеровъ.

Не однихъ явныхъ, но и тайныхъ пріятелей

имѣлъ Послѣдній Новикъ. Мы это сейчасъ увидимъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Лифляндію Мурзенко позванъ былъ въ домикъ Петра I-го, выстроенный на островѣ Березовомъ, такъ переименованномъ изъ финскаго Койво-сари. У крыльца встрѣтилъ татарина карла Голіаѳъ и вручилъ ему записку и богатый перстень, сдѣланный въ видѣ короны, подъ которой на оправѣ было вырѣзано: 5 *Апрѣля*. Все это, отъ имени неизвѣстной, но близкой къ царю особы, просилъ ловкій, маленькій агентъ передать Владиміру, какъ скоро его отыщетъ. Отъ кого шолъ даръ, мы не смѣемъ до времени сказать, но можемъ догадаться, прочтя записку, писанную по-нѣмецки.

«Радуюсь твоему благополучію, Вольдемаръ!» такъ сказано было въ ней. «Чужестранка въ Россіи, я уже люблю ее, какъ мое отечество; люблю всѣхъ, кто оказываетъ ему истинныя заслуги; а сколько мнѣ извѣстно, болѣе тебя сдѣлалъ и дѣлаетъ ей добро только *одинъ* человѣкъ, *мой* и *твой* повелитель.... мой кумиръ съ юныхъ лѣтъ!... Въ знакъ удовольствія, какое доставила мнѣ вѣсть о перемѣнѣ твоей судьбы, и на память нашей дружбы, посылаю тебѣ бездѣлку. Ты оскорбишь свою давнишнюю знакомую и новую соотече-

ственницу, отвергнувъ этотъ даръ. Напротивъ, принявъ его, обрадуешь ту, которая и въ униженіи тебя любила и на высотѣ не забудетъ.»

Мурзенкѣ приказывали еще черезъ карлу сказать, что Владиміра искать далеко не надо; еще недавно видѣли, какъ онъ шолъ отъ Саарамойзы къ Невѣ. И потому операціонная линія татарскаго наѣздника должна была покуда ограничиться обоими берегами этой рѣки.

Ахъ! когда бы знали благодѣтели, друзья Послѣдняго Новика, что тотъ, кто былъ предметомъ ихъ жаркаго участія, не могъ уже пользоваться ни дружбою, ни благодѣяніями ихъ! Ходатайство, прощеніе, залоги дружбы — опоздали!...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОВѢСТЬ ПОСЛѢДНЯГО НОВИКА.

О, милой родины страна!
Какою тайною прелестной
Съ душою ты сопряжена?

Нечаевъ.

Между тѣмъ какъ работы кипѣли на островѣ Лустъ-Эландъ, нѣсколько ротъ преображенскаго полка подъ начальствомъ Карпова и драгунскіе полки князя Вадбольскаго и Дюмона поставлены были на ижорскомъ берегу Невы, близъ устья ея, для наблюденія, не сдѣлаетъ ли непріятель высадки съ эскадры. Какъ скоро обязанности службы выполнены были начальниками, они собрались вмѣстѣ у хлѣбосола Вадбольскаго на чару анисовой водки, на пирогъ и кусъ, еще болѣе лакомый — на чтеніе исторіи Послѣдняго Новика, отданной опекуну его вмѣстѣ съ другими бумагами.

Нѣсколько дней уже обѣщалъ Вадбольскій передать своимъ пріятелямъ исповѣдь его жизни. Въ этомъ грѣха теперь не было. Глѣбовскому, распѣвавшему такъ хорошо пѣсни Новика, поручено читать его повѣсть въ услышаніе всей честной бесѣды.

Встарину у русскихъ крестъ былъ приступомъ ко всему. Слѣдуя этому святому обычаю, Глѣбовской перекрестился и началъ чтеніе.

«Судьба видимо гонитъ меня. Ни мое раскаяніе, ни жертвы и заслуги мои отечеству не могли ее удовлетворить. Чувствую: или грѣхи моихъ родителей, или кровь, за меня безвинно пролитая, запечатлѣли меня клеймомъ отчужденія отъ родины. Бо̀льшаго наказанія нельзя придумать. Конецъ моимъ страданіямъ близокъ. Горькая смерть на чужбинѣ, трупъ, не орошонный слезою друга или соотечественника, не отпѣтый священникомъ, оспориваемый дикими звѣрями — вотъ очистительная жертва, отъ меня ожидаемая! Русскій придетъ нѣкогда въ эту страну; во имя Христа и, можетъ быть, дружбы захочетъ отыскать мои кости и поставить надъ ними крестъ; но не найдетъ онъ и мѣста, гдѣ лежалъ прахъ несчастнаго изгнанника.... Крестомъ будутъ мнѣ четыре страны свѣта. Развѣ одинъ голосъ Всемогущаго

соберетъ прахъ мой и сплотитъ кости мои въ день судный!

По крайней мѣрѣ, часть себя хочу оставить на родинѣ. Пусть частью этой будетъ повѣсть моей жизни, начертанная въ слѣдующихъ строкахъ. Разсказъ мой будетъ кратокъ; не утомлю никого изображеніемъ своихъ страданій. Описывая ихъ, желаю, чтобы мои соотечественники не проклинали хоть моей памяти. Я трудился для нихъ много, такъ много самъ любилъ ихъ! Друзья! помяните меня въ своихъ молитвахъ....

Не знаю, гдѣ я родился. Помню только, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, высокій берегъ Москвы-рѣки, свѣтлыя излучины ея, обширные луга съ высокою травою, въ которой запутывались мои дѣтскія ноги, озера съ небомъ своимъ оправленныя въ зелень этихъ луговъ, на возвышеніи старинные хоромы съ теремками, поросшими мохомъ, плодовитый садъ и въ немъ ключъ. Журчаніе его и теперь отзывается моему слуху вмѣстѣ съ пѣніемъ коростеля, раздававшимся по зарямъ. Для другихъ непріятенъ крикъ этой птицы, но я, въ какихъ странахъ ни слышалъ ея голосъ, всегда чувствовалъ въ груди сладостное томленіе, задумывался о родинѣ, о райскихъ, невозвратныхъ дняхъ дѣтства, и слезами кропилъ

эти воспоминанія. Помню, что по обѣимъ сторонамъ нашего жилища тянулась деревня, раздѣленная оврагомъ, черезъ который весною сѣдые потоки съ шумомъ бросались въ рѣку; позади деревни, вдали чернѣлись лѣса, дремучіе лѣса, населенные будто лѣшими, вѣдьмами и разбойниками; а впереди черезъ рѣку, на высокомъ берегу ея, стояла деревянная церковь и кругомъ ея кладбище. Не забылъ я даже, что глава церкви была насквозь разодрана временемъ или молніею, и что мѣсяцъ, багровый отъ предвѣстій непогоды, поднимаясь отъ земли, по временамъ входилъ въ эту главу въ видѣ пылающаго сердца. — «Прогнѣвали мы, родной, Господа! — говорила мнѣ мамка моя, указывая на это явленіе: — настанутъ смуты, побоища, и много крови будетъ пролито! — Боюсь за твою головушку, дитя мое! кровь у тебя кипучая; глаза твои разгараются, когда разсказываю тебѣ о похожденіяхъ богатырей и могучихъ витязей; все у тебя стрѣльцы, да стрѣльцы на разумѣ; мальчикъ крестьянскій не стань передъ тобою въ шапкѣ — сейчасъ готовъ ты сорвать ее и съ макушкой. Смири, дитя мое дорогое, свое сердце; ходи стопами тихими по пути Господню; не гордись, не превозносися; не то, не сносить тебѣ своей головушки. Охъ, охъ! вѣщунъ недоб-

рый кровавый мѣсяцъ, и все въ день твоего ангела! Молись усерднѣе Богу, клади поболѣе земныхъ поклоновъ, не лѣнись творить кресты, и Онъ помилуетъ тебя своею благодатью!»—Худо слушался я наставленій мамки, и слова ея сбылись....

«Деревню, въ которой провелъ я первые годы моего дѣтства и которую описываю, называли *Красное сельцо*. Часто говоривали въ ней о Коломнѣ, и потому заключаю, что она была неподалеку отъ этого города. Не знаю, тамъ ли я родился; но тамъ, или близко этихъ мѣстъ, хотѣлъ бы я умереть.

Семи лѣтъ перевезли меня въ Софьино, что подъ Москвою, на берегу же Москвы-рѣки. Съ того времени данъ мнѣ былъ въ воспитатели Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышитскихъ. Говорили много объ учоности, пріобрѣтенной имъ въ кіевской академіи, объ его умѣ и необыкновенныхъ качествахъ душевныхъ. Но мнѣ легче было бы остаться на рукахъ доброй, простодушной моей мамки, которой память столько же для меня драгоцѣнна, сколько ненавистно воспоминаніе о Денисовѣ, виновникѣ всѣхъ моихъ бѣдствій.

«Пылкія страсти мои росли съ моимъ тѣломъ, такъ сказать, не по годамъ, а по днямъ. Имъ

старались дать опасный блескъ, а не хорошее направленіе, не усмирять ихъ. Воспитатель мой баловалъ меня, льстилъ моимъ прихотямъ, усердно раздувалъ въ сердцѣ моемъ огонь честолюбія и самонадѣянности. Я былъ бѣшенъ, гордъ, властолюбивъ: всѣ проступки мои извинялись; всѣмъ моимъ порокамъ находили благовидный источникъ или возвышенную цѣль. Не смотря на это потворство, я не чувствовалъ привязанности къ своему развратителю: какая-то невидимая сила всегда отталкивала его отъ моего сердца. Не говорю уже о покорности; я не зналъ ея никогда. Я находилъ удовольствіе управлять тѣмъ, который, впослѣдствіи времени, раскрылъ въ себѣ душу необузданную, жаждущую однѣхъ честей и власти. Никогда, въ самыя мгновенія величайшаго на меня гнѣва, когда я подставилъ ему ногу, чтобъ онъ упалъ, или когда изорвалъ въ клочки переложенную имъ съ латинскаго книгу о *реторической силѣ* — никогда не осмѣлился онъ поднять на меня руки своей. Кажется, я вцѣпился бы къ коварныя очи его и вырвалъ бы ихъ, если бы онъ дерзнулъ сдѣлать эту попытку. Прибавить надо, что Денисовъ всячески старался питать во мнѣ ненависть къ роду Нарышкиныхъ, котораго онъ былъ заклятый врагъ по связямъ своимъ съ

Милославскимъ. Наталью Кириловну, умную, добродѣтельную, описали мнѣ ненавистною мачихою, чарами и происками изводящею пасынковъ и падчерицъ своихъ, чтобы родному сыну доставить право на вѣнецъ. Говорили, что Петръ.... но языкъ нѣмѣетъ, перо не повинуется, чтобы передать всѣ гнусныя выдумки, которыми ухищрялись сдѣлать изъ меня съ малолѣтства заклятаго врага царицѣ и сыну ея. Еще не видавъ ихъ, я питалъ къ нимъ неодолимую ненависть.

«Подчинивъ себѣ всѣхъ мальчишекъ въ деревнѣ, я составилъ изъ нихъ стрѣлецкое войско, роздалъ имъ луки и стрѣлы, изъ овина сдѣлалъ дворецъ, вырѣзалъ и намалевалъ, съ помощью моего воспитателя, царицу Наталью Кириловну съ сыномъ на рукахъ, и сдѣлалъ ихъ цѣлью нашихъ воинскихъ подвиговъ. Староста раззорилъ было всѣ наши затѣи, называя меня беззаконникомъ, висѣльникомъ: я пошолъ съ своею ватагою на старосту, взялъ его въ плѣнъ и казнилъ его сотнею горячихъ ударовъ.

Стрѣльцы мои называли меня своимъ атаманомъ: это имя льстило мнѣ нѣкоторое время. Наслышась о золотыхъ главахъ московскихъ церквей, о бѣлокаменныхъ палатахъ престольнаго города, я требовалъ, чтобы меня свезли туда; а

когда мнѣ въ этомъ отказали, сказалъ: дайте мнѣ вырости; я заполоню Москву и сяду въ ней набольшимъ; тогда велю казнить всѣхъ васъ!... Такъ-то своевольная душа моя съ раннихъ лѣтъ просилась на бѣды!

Только одного человѣка слушался я и любилъ: это былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ: имя его и донынѣ не могу произносить безъ благоговѣнія. Въ первые годы моего пребыванія въ Софьинѣ рѣдко навѣщалъ онъ меня; но каждый разъ оставлялъ въ дѣтскомъ сердцѣ рѣзкіе слѣды своего посѣщенія. Онъ ласкалъ меня такими отеческими ласками, такъ искренно училъ меня добру, что я не могъ не почувствовать всей цѣны его любви и наставленій. Одно слово его дѣйствовало на меня сильнѣе многоплодныхъ, витіеватыхъ рѣчей Денисова. Разъ, пробывъ нѣсколько дней въ Софьинѣ, онъ успѣлъ высмотрѣть дикое состояніе, въ которомъ я находился, и ужаснулся его. Съ того времени онъ чаще сталъ навѣщать меня и старался понемногу обрѣзывать побѣги страстей, готовые заглушить мою душу. Онъ убѣждалъ меня слушаться, уважать, какъ отца, моего воспитателя, который, вѣроятно, желая скрыть настоящую причину худаго воспитанія моего, жаловался, что я выбился изъ рукъ.

Мнѣ минуло десять лѣтъ: помню, черемуха и синель тогда расцвѣли. Въ одинъ изъ красныхъ дней весны пріѣхала къ намъ гостья молодая, какъ она, привлекательная, какъ Божья радость. Ничего прекраснѣе не видывалъ я ни прежде, ни послѣ, во всю жизнь свою. Когда она вошла неожиданно съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ мою свѣтелку, мнѣ показалось, что вошолъ херувимъ, скрывшій сіянье своей головы подъ *убрусомъ* и спрятавшій крылья подъ парчевымъ *ферезем*ъ и *опашнемъ*, чтобы не ослѣпить смертнаго своимъ явленіемъ. Кто могъ бы ожидать, чтобъ это была.... царевна Софія, хитрая, властолюбивая?... Нѣтъ, нѣтъ! пускай ни одинъ упрекъ, ни одинъ ропотъ не отравляютъ сладостнаго воспоминанія о первой встрѣчѣ съ нею! Хочу воображать ее теперь со всѣмъ очарованіемъ ея красоты, сбросившей съ себя то, что она имѣла земнаго; пускай хоть теперь воспоминаніе о ней горитъ одною любовію!... О! какимъ перомъ описать впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ взоромъ ея, встрѣтившимся съ моимъ? Куда дѣвалась тогда моя самонадѣянность? Я не могъ выдержать этого взора; я потупилъ глаза въ землю; сердце мое шибко билось въ груди. — «Владиміръ! да будетъ надъ тобою благословеніе

Божіе!» сказала она дрожащимъ голосомъ, обняла меня, закрыла концами своего шолковаго покрывала, крѣпко прижала къ своей груди, цаловала. — Ласки ея меня ободрили; я самъ сталъ ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, со всею искренностью дѣтской, но пылкой души. Вскорѣ послышался стукъ тяжолой повозки, и царевна, приказавъ мнѣ не выходить изъ моей свѣтлицы, бросилась изъ нея вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Я слышалъ, какъ замкнулась за ними дверь; но не роптал на свое заключеніе, потому что посаженъ въ нее былъ по волѣ моей новой владычицы. Осторожно взглянувъ изъ окна, увидѣлъ я на дворѣ двѣ раззолоченныя колымаги; понялъ, что пріѣхали гости, которымъ я не долженъ показываться, сидѣлъ смирно и готовъ былъ, для спокойствія неизвѣстной, но милой мнѣ особы, притаить свое дыханіе. Черезъ нѣсколько часовъ колымаги укатили со двора по дорогѣ въ Москву. Андрей Денисовъ освободилъ меня изъ заключенія; но та, которую полюбилъ я такъ много, не являлась; и долго, очень долго не видалъ я ее; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось!

Вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ я сталъ изрѣдка получать отъ нея письма, исполненныя нѣжной любви ко мнѣ, и подарки. Почеркъ ея руки былъ

красивый; остроуміе, блескъ, нѣжность выраженій вкрадывались въ душу. Иногда приписывала она мнѣ стихи, которыхъ красоты объяснялъ мнѣ Денисовъ, знаменитый риторъ своего времени, а болѣе сердце мое. Впослѣдствіи я самъ получилъ неодолимую охоту слагать стихи. Учителемъ моимъ былъ онъ же. Любовь къ природѣ, живое воображеніе, пылкія страсти, свобода, развернули мои дарованія. Я долженъ прибавить, что переписка съ моею благодѣтельницею сколько усилила мою преданность къ ней, столько и поощрила во мнѣ ненависть къ Нарышкинымъ, виновникамъ всѣхъ горестей и несчастій Софіи Алексѣевны — такъ часто выражалась она въ письмахъ своихъ, не давая мнѣ однакожъ знать, кто она именно, а подписываясь просто: *Боярыня Милославская.*

Въ первую за тѣмъ зиму я былъ въ домѣ князя Василья Васильевича, въ Москвѣ. Только что подъѣзжалъ я къ престольному граду, меня поразили блескъ несчетныхъ золотыхъ главъ его, будто повѣшенныхъ на воздухѣ, какъ небесныя паникадилы, и громада строеній, которой не видѣлъ конца, и звонъ колоколовъ, показавшійся мнѣ торжественнымъ, духовнымъ пѣньемъ цѣлаго народа. Въ самой Москвѣ раскрылся для меня

новый міръ. Святыня въ храмахъ, волненіе на площадяхъ, церковные праздники, воинскіе смотры, великолѣпіе двора царскаго: все это вдругъ ослѣпило меня и на время смирило мои пагубныя наклонности, невольно покорившіяся такому зрѣлищу. Надолго ли? Черезъ нѣсколько времени честолюбіе мое начало разыгрываться въ дѣтскихъ мечтахъ, какъ сердитый родникъ, который сначала бьетъ изъ-подъ земли, бѣжитъ потомъ ручьемъ, рѣкою, и наконецъ бушуетъ моремъ, выливаясь черезъ берега, будто его стѣсняющіе. То хотѣлось мнѣ быть предводителемъ совѣта или войска, то патріархомъ, то любоваться, какъ отъ одного слова моего кипятъ тысячи, какъ отъ одного слова нѣмѣетъ цѣлый народъ — настоящій конь троянскій, огромное издѣлье великаго художника, и все-таки кусокъ дерева, пока управляющій имъ не отопретъ ужасныхъ силъ, въ немъ заключающихся! Такое сравненіе дѣлалъ нѣкогда мой воспитатель, и я узналъ вскорѣ вѣрность его. Бывшій предводитель крестьянскихъ мальчиковъ въ Софьинѣ набралъ себѣ войско уже изъ дѣтей боярскихъ и довелъ ихъ до строгаго себѣ повиновенія — иныхъ изъ любви къ себѣ, другихъ изъ страха къ своей силѣ, за которую прозвали меня Ильею Муромцомъ. Въ кулачномъ бою я

смѣло шолъ одинъ на трехъ, равныхъ мнѣ лѣтами; побороть сильнѣйшаго изъ своихъ товарищей было для меня лучшимъ торжествомъ. Могущество другихъ не изумляло, не пугало меня, но возбуждало во мнѣ досаду; надъ кѣмъ сила моя не брала, тому старался я искусно подставить ногу и свалить его. Не только большіе, сильные люди, даже высокіе домы были мнѣ непріятны; если-бъ я имѣлъ волю, то сломалъ бы ихъ или поселился бы въ самомъ большомъ.

На новосельѣ моемъ стала посѣщать меня тайкомъ, съ позволенія однакожъ моего благодѣтеля, женщина среднихъ лѣтъ, пригожая и предобрая. Князь Василій Васильевичъ называлъ ее моею близкою родственницей, моею кормилицей; но заказывалъ мнѣ говорить кому-либо объ ея посѣщеніяхъ.—Гдѣ-жъ моя мать, мой отецъ? спрашивалъ я князя. — «Они давно померли,» отвѣчалъ онъ. — Какъ ихъ звали? — «Кропотовыми. Только не говори объ этомъ никому. Ты еще въ пеленкахъ подкинутъ къ моему дому; а узналъ я о твоемъ родѣ недавно, тайнымъ случаемъ. Покуда называйся: Владиміръ сирота. Подъ этимъ условіемъ боярыня Милославская, которую ты столько полюбилъ, содержитъ тебя, воспитываетъ и хочетъ сдѣлать тебя счастли-

вымъ, опредѣливъ современемъ ко двору царскому.» Я выполнилъ точно волю своего благодѣтеля, потому что хранить тайну умѣлъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Ахъ! почему не могъ я назвать тогда своею матерью пригожую женщину, посѣщавшую меня тайкомъ, въ которой узналъ я современемъ Кропотову, жену Семена Ивановича? Она кормила меня своею грудью, любила меня, какъ сына, и, можетъ статься, была настоящая моя мать.— Сколькихъ бѣдствій избавился бы я тогда!

При всякомъ посѣщеніи своемъ Кропотова цаловала меня съ нѣжностію матери, всегда приносила мнѣ дорогіе подарки и всегда разставалась со мною, обливая меня горячими слезами. Слезы эти, не знаю почему, надрывали мнѣ сердце, впрочемъ не слишкомъ склонное къ нѣжнымъ ощущеніямъ; послѣ нея мнѣ всегда становилось грустно, хотя и не надолго. Боярыню Милославскую, или что одно и тоже, царевну Софію Алексѣевну, которую только видѣлъ разъ, любилъ я болѣе ея; но о Кропотовой болѣе жалѣлъ: она казалась мнѣ такою несчастною!

Однажды подарила она мнѣ гусли, на которыхъ приклеена была картинка съ изображеніемъ Ильи Муромца. Какъ дорожилъ я этимъ даромъ, можно судить потому, что я не покидалъ его въ самые

чорные дни своего изгнанничества, во всѣхъ странствіяхъ своихъ. Все, что ни имѣлъ я лучшаго, готовъ былъ отдать товарищу; но съ гуслями ни за что не согласился бы разстаться.

Кто не помнитъ кончины царя Ѳедора Алексѣевича? И старый и малый оплакивали добраго государя, котораго любили одни по опытамъ на себѣ его благихъ дѣлъ, а другіе, мало жившіе на свѣтѣ, по сочувствію народному. Еще врѣзанъ у всѣхъ въ памяти и первый бунтъ стрѣлецкій, взволновавшій вопросъ: кому изъ двухъ дѣтей–наслѣдниковъ сидѣть на престолѣ? — вопросъ, рѣшонный только великимъ духомъ Петра Алексѣевича, когда онъ угадалъ, что ему надобно царствовать. Я не зналъ тогда причинъ возмущенія; но радовался, слыша о гибели Нарышкиныхъ и торжествѣ прекрасной и умной царевны, изъ рода Милославскихъ. Моя софьинская знакомка была также изъ этого рода. — Любо ли? кричали стрѣльцы, возвращаясь съ кроваваго пира, на которомъ торжествовали побѣду своей владычицы. — Любо! отвѣчалъ я съ восторгомъ, стоя у воротъ нашего дома — и стрѣльцы, радостно предрекая мнѣ великую будущность, брали меня на руки и съ криками поднимали на воздухъ. Въ день вѣнчанія на царство двухъ братьевъ, Андрей Денисовъ повелъ

меня въ Кремль. Стоявшій у входа сотникъ проводилъ насъ къ самымъ дверямъ Успенскаго собора. Здѣсь мы, въ ожиданіи торжества, какъ бы приросли къ своимъ мѣстамъ. Вдоль дороги, по которой надо было идти царямъ, тянулись съ обѣихъ сторонъ, будто по шнуру, ряды стрѣльцовъ съ ихъ блестящими сѣкирами. Двинулось торжественное шествіе. Протопопъ кропилъ путь святою водой; золото парчевыхъ одеждъ начало переливаться; загорѣли, какъ жаръ, богатыя царскія шапки, и вотъ, предъ нами цари—одинъ *), шестнадцатилѣтній отрокъ, блѣдный, тщедушный, съ безжизненнымъ взоромъ, сгорбившійся, едва смѣя дышать подъ тяжестью своей одежды и еще болѣе своего сана; другой **), десятилѣтнее дитя, живой, цвѣтущій здоровьемъ, съ величавою осанкою, съ глазами, полными огня, ума и нетерпѣнія, взирающій на народъ, какъ будто хотѣлъ сказать: *мой* народъ!... Казалось, одного гнали за державою, ему насильно вручаемою, — другой, рожденный повелѣвать, шолъ схватить бразды правленія, у него отнимаемыя. Признаюсь, я, бѣдный, ничтожный сирота, воспитываемый благодѣя-

*) Іоаннъ.

**) Петръ.

ніями князя и боярыни, осмѣлился завидовать державному дитяти!... За царями шла.... кто жъ? Моя тайная благодѣтельница, боярыня Милославская!... Но здѣсь я узналъ свою ошибку.—Вотъ царевна Софія Алексѣевна! сказалъ воспитатель мой, дернувъ меня за одежду, и возгласъ удивленія и радости, готовый вылетѣть изъ устъ моихъ, замеръ въ груди. Очами изумленія, любви, благодарности, смотрѣлъ я на царевну. Она то ласково кланялась стрѣльцамъ, то легкимъ наклоненіемъ головы давала знать боярамъ, чтобы ускорили шествіе; то смотрѣла съ какою-то непріязненною усмѣшкою и будто бъ съ завистью на царевича Петра; но когда поравнялась со мною, удостоила меня и воспитателя моего особеннымъ поклономъ, такъ что всю милость этого поклона присвоилъ я одному себѣ безъ раздѣла.

— Владимиръ!—сказалъ мнѣ Денисовъ, когда мы съ торжества возвращались домой:—я нарочно водилъ тебя смотрѣть на вѣнчаніе царей, чтобы ты узналъ, кто твоя благодѣтельница. Вѣдай, Господу угодно взыскать тебя новыми милостями: на дняхъ вступишь ты въ услуженіе къ царевнѣ; тебя ожидаютъ высшія степени, богатство, слава. Не спрашивай ни меня, ни другаго кого, за что царевна тебя любитъ; можетъ статься, обѣтъ,

данный твоей матери.... я самъ хорошо не знаю что — довольно, что она любитъ тебя, бѣднаго, безроднаго сироту.... Такъ угодно Богу; видно, ты родился въ сорочкѣ! вотъ что можно мнѣ сказать на вопросы о твоей талантливой судьбѣ. Помни: твое благополучіе зависитъ отъ твоей скромности и вѣрности дому Милославскихъ. На вершинѣ не забудь и своего воспитателя: не мало потрудился онъ для тебя.

Въ восторгѣ отъ милостей прекрасной царевны голова у меня кружилась: я все обѣщалъ. О своемъ же происхожденіи не только не хотѣлъ, я боялся даже знать болѣе того, что слышалъ отъ самого князя. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней князь Василій Васильевичъ повезъ меня въ Коломенское, куда отправились царевичи тѣшиться соколиною охотой, а царевны наслаждаться прогулками по садамъ, изстари славившимся. Я былъ предупрежденъ, чтобы мнѣ, при видѣ царевны Софіи Алексѣевны, показывать, будто вовсе не знаю ея. Съ нами повезли мои маленькія гусли, на которыхъ я уже довольно искусно игралъ. Когда мы вступили въ коломенскій дворецъ и пока докладывалъ о насъ стольникъ царицына чина, мы слышали изъ одного терема пріятное пѣнье женскихъ голосовъ. Вскорѣ го-

лоса умолкли, и я позванъ былъ одинъ въ этотъ самый теремъ. Не смотря на мое удальство, сердце у меня затрепетало. Стольникъ несъ впереди меня гусли мои, потомъ сдалъ ихъ и меня царевниной постельницѣ Ѳедорѣ Семеновой, по прозванію Казачкѣ, которая, приласкавъ и ободривъ меня по своему, отвела во внутренніе покои. Въ одномъ изъ нихъ, отличавшемся отъ другихъ величиною и убранствомъ, сидѣла царевна Софья Алексѣевна, окружонная сестрами своими, молодою, пригожею царицею Марѳою Матвѣевной, узнавшею столь рано печаль вдовства *), и многими знатными дѣвицами, пріѣхавшими дѣлить съ подругами своими радости сельской, свободной жизни. Какъ теперь вижу, Софья Алексѣевна сидѣла на стулѣ съ высокою, узорочною спинкой, нѣмецкаго мастерства, и держала въ рукѣ тросточку, расписанную золотомъ, у которой рукоятка была изъ краснаго сердолика, украшеннаго дорогими каменьями. Прочіе собесѣдники всѣ сидѣли на скамьяхъ и занимались пле-

---

*) Дочь Матвѣя Васильевича Апраксина, сочетавшаяся 15-го февраля 1682 года съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, по прозванію *Чахлымъ*, и овдовѣвшая, 20-ти лѣтъ, 27-го апрѣля тогожъ года.

теніемъ кружева для полотенцевъ. Я отличилъ тотчасъ свою благодѣтельницу, какъ различаютъ первую звѣзду вечернюю отъ прочихъ звѣздъ. И здѣсь, посреди красавицъ московскихъ, она была всѣхъ ихъ прекраснѣе, хотя ей было уже двадцать пять лѣтъ. Я помолился сначала святымъ иконамъ, сдѣлалъ потомъ ей низкій поклонъ, и наконецъ раскланялся на всѣ стороны. Софья Алексѣевна подозвала меня къ себѣ, дала мнѣ поцаловать свою ручку и сама поцаловала меня въ лобъ; всѣ осыпали меня ласками, называя пригожимъ мальчикомъ. Но всѣхъ болѣе, послѣ моей благодѣтельницы, ласкала тогда и впослѣдствіи всегда оказывала мнѣ искреннюю привязанность царица Мароа Матвѣевна. Память объ ея милостяхъ расцвѣчала чорные дни моей жизни; неоцѣненное благодѣяніе, ею мнѣ однажды оказанное и котораго не смѣю объяснить, усладитъ мой смертный часъ!...

На вопросы, дѣланные мнѣ съ разныхъ сторонъ, отвѣчалъ я смѣло, стараясь всѣмъ угодить. Меня просили сыграть что-нибудь на гусляхъ. Раскрыли ихъ, и собесѣдницы, съ позволенія Софьи Алексѣевны, присыпали смотрѣть картинку, изображающую богатыря Илью Муромца, ѣдущаго на ретивомъ конѣ сражаться противъ

Соловья-разбойника, усѣвшагося на семи дубахъ. Это была одна изъ первыхъ картинъ русскаго издѣлья. Многіе смѣялись отъ всего сердца, особенно дѣвица Праскевія Ѳедоровна Салтыкова *), живая, веселая, говорившая, что она на святкахъ видѣла въ зеркалѣ жениха своего, будто похожаго на урода, сидящаго на деревьяхъ. Хорошенькая, но непривлекательная ни лицомъ, ни разговорами, дѣвица Евдокея Ѳедоровна Лопухина **), взглянувъ изъ-за другихъ на картинку, плюнула и съ неудовольствіемъ отворотилась, сказавъ, что грѣхъ смотрѣть на такое дьявольское искушеніе.—Я игралъ на гусляхъ то заунывныя, то веселыя пѣсни, и видѣлъ съ торжествомъ, какъ всѣ довольны были моею игрою.

Когда Софья Алексѣевна объявила желаніе свое взять меня къ себѣ въ *пажи*, и когда, на вопросы боярынь, объяснила имъ, что такое *пажъ*, всѣ упрашивали ее исполнить это поскорѣе и не оставить своею милостью пригожаго, разумнаго сироту (такъ угодно было имъ называть меня). Съ этого часа моя судба рѣшена: князю Василью

---

*) 9-го января 1684 года выдана за-мужъ за царевича Іоанна Алексѣевича.

**) Впослѣдствіи нелюбимая супруга Петра I.

Васильевичу объявлено о волѣ царевны — и черезъ нѣсколько дней я съ своими гуслями и мечтами честолюбія водворился въ царскихъ палатахъ. Не стану распространяться о милостяхъ ко мнѣ царевны Софіи: кому изъ московскихъ жителей онѣ не извѣстны? Скажу только, что онѣ росли вмѣстѣ съ возвышеніемъ ея власти. Я сдѣлался баловнемъ ея и всѣхъ придворныхъ женщинъ. Отъ природы тщеславный, непокорный, я возмечталъ о себѣ столько, что не сталъ ни во что считать царицу Наталью Кириловну, а съ сыномъ ея, бывшимъ мнѣ почти ровесникомъ, искалъ всегда причинъ къ неудовольствію. Дитя рано обнаружило въ себѣ царя; во всѣхъ случаяхъ Петръ Алексѣевичъ давалъ мнѣ чувствовать свое превосходство, въ самыхъ играхъ напоминалъ мнѣ долгъ подданнаго. Это бѣсило меня.

Послѣ втораго стрѣлецкаго бунта Наталья Кириловна, видя, что честолюбивая падчерица каждый годъ очищаетъ себѣ новую ступень къ престолу, искала съ своими совѣтниками предлога открыть ей войну за права, похищаемыя у Петра, который еще только учился защищать ихъ. Бездѣлица бываетъ обыкновенно придиркою къ ссорѣ людей сильныхъ и знатныхъ, какъ для начинанія

боя, гдѣ должны стѣна на стѣну сразиться славные бойцы цѣлаго города, высылаютъ всегда мальчиковъ. Такъ сдѣлали и въ томъ случаѣ, о которомъ говорю. — «Именемъ пажа, даннымъ подкидышу — говорила Наталья Кириловна — хочетъ новая царица начать новый дворъ; это явное оскорбленіе русскихъ обычаевъ и законности. Скоро у ней появятся неслыханныя должности, замѣщаемыя ея приверженцами, и намъ съ сыномъ между ними и мѣста не будетъ.» — Софія Алексѣевна, всегда умная и на этотъ разъ осторожная, притворилась слишкомъ слабою, или въ самомъ дѣлѣ не чувствовала еще въ себѣ довольно силы явно идти на встрѣчу сдѣланному ей обвиненію: она старалась отыграться отъ него переименованіемъ меня въ Новика — званіе, которое дѣти боярскіе переставали уже носить, вступая въ службу. Впослѣдствіи честолюбіе Софіи Алексѣевны утвердило за мною придачу Послѣдняго, доставившую мнѣ слишкомъ пагубную извѣстность.

Съ 1683 года запрещено было посѣщать меня пригожей женщинѣ, извѣстной мнѣ подъ именемъ Кропотовой. Князь Василій Васильевичъ, оберегатель царственной большой печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ, ближній бояринъ и

намѣстникъ новгородскій, неся на себѣ все бремя правленія государствомъ, былъ столько занятъ, что не могъ посвятить мнѣ много времени, и потому вся моя любовь сосредоточивалась въ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, которая, съ своей стороны, старалась платить мнѣ милостями, какія можно только любимцу оказывать. Ахъ! зачѣмъ такъ поздно узналъ я, безразсудный, что чувства ея ко мнѣ, вмѣстѣ съ потворнымъ воспитаніемъ Денисова, готовили изъ меня орудія ихъ страстей?

Мнѣ минуло 16 лѣтъ. Предметъ зависти боярскихъ дѣтей, окружонный довольствомъ и нѣгою, утѣшая царевну и придворныхъ ея игрою на гусляхъ и пѣніемъ, нерѣдко, среди дѣтскихъ игръ, похищая пылъ первой страсти съ устъ прекрасныхъ женщинъ, которыя обращались тѣмъ свободнѣе со мною, что не опасались ни лѣтъ моихъ, ни ревниваго надзора родственниковъ, не дерзавшаго слѣдовать за ними ко двору властолюбивой правительницы; вознагражденный тайною любви одной прекрасной, умной, чувствительной женщины, которой имя знаетъ и будетъ знать только одинъ Богъ — на такомъ пиру жизни я не могъ желать ничего, кромѣ продолженія его. Но беспокойная душа моя просила бѣдъ, и бѣды не заставили меня долго ждать.

Мы проводили лѣто въ Коломенскомъ.—Петръ Алексѣевичъ съ своими *потѣшными* осаждалъ крѣпостцу, построенную имъ изъ земли на высокомъ берегу Москвы-рѣки, при загибѣ ея. Однажды, восхищонный успѣхами своего войска, онъ пришолъ къ царевнѣ Софіи, разсказывалъ о подвигахъ своихъ, шутилъ надъ женскимъ правленіемъ; говорилъ, что для рукъ, привыкшихъ владѣть иглою и вертеномъ, тяжела держава, съ которою надо соединять и мечъ; грозился нѣкогда своими новобранными наказать враговъ отечества, и наконецъ, увидѣвъ меня, приглашалъ вступить къ себѣ въ службу. Каждое слово его было ударомъ ножа въ грудь Софіи Алексѣевны; я видѣлъ, какъ глаза ея разгорались, какъ грудь ея волновалась отъ досады. Съ быстротою молніи кровь и у меня начала перебѣгать по всему тѣлу. Съ нами въ комнатѣ была царица Марѳа Матвѣевна. — «Полно быть дѣвичьимъ прихвостникомъ!» продолжалъ Петръ, положивъ руку на мое плечо. «Ты здѣсь Послѣдній Новикъ; у меня можешь быть первымъ потѣшникомъ.» — «Пускай потѣшаютъ тебя нѣмцы—отвѣчалъ я угрюмо, сбросивъ съ плеча своего руку Петра: — я русскій, лучше хочу быть послѣднимъ слугою у законной царевны, чѣмъ первымъ бояриномъ у тебя.»

Царь-отрокъ вспыхнулъ, и сильная оплеуха раздалась по моей щекѣ. Не помня себя, я замахнулся было.... но почувствовалъ, что меня держали за руки и что нѣжныя руки женскія обхватили станъ мой, силясь увлечь меня далѣе отъ Петра, все еще стоявшаго на одномъ мѣстѣ съ видомъ гордымъ и грознымъ. Софія Алексѣевна приказывала мнѣ удалиться немедленно. Марѳа Матвѣевна, не выпуская меня изъ своихъ объятій, со слезами на глазахъ умоляла не губить себя. На крикъ ихъ прибѣжали *комнатные* люди, и меня вывели изъ терема, но не прежде, какъ я послалъ въ сердце своего обидчика роковую клятву отмстить ему. Это происшествіе имѣло послѣдствіемъ изгнаніе меня въ Софьино, гдѣ я опять глазъ на глазъ съ моимъ развратителемъ Денисовымъ. На этотъ разъ я предался ему совершенно: я упивался его бесѣдами. Въ нихъ, кромѣ ненависти къ Петру, я ничего не слыхалъ; я далъ олицетворенному сатанѣ кровавую запись на свою душу.

Были кончены походы крымскіе, затѣянные (такъ объяснилось мнѣ послѣ) царевною Софіею, чтобы ознаменовать свое правленіе военными подвигами и отвесть благороднаго князя Василія Васильевича отъ присмотра за ея умыслами на жизнь Петра.

Извѣстны послѣдствія этой войны: безполезная трата людей и денегъ, слезы тысячей, безчестье войска, небывалыя награжденія военачальниковъ и неудовольствія сильныхъ единомышленниковъ младшаго царя. Однѣ побѣды нынѣшнія могли прикрыть своимъ блескомъ постыдныя имена *Перекопа, Чорной и Зеленой долинъ*. Въ оба эти похода я былъ при князѣ Василіѣ; возвратясь изъ нихъ, жилъ опять въ Софьинѣ. У всѣхъ современниковъ моихъ еще на памяти государственные перевороты, слѣдовавшія одинъ за другимъ въ послѣдніе годы правленія Софіи такъ быстро, что не позволяли ей установить свои коварные замыслы, а Петру болѣе и болѣе расширяли кругъ его державныхъ дѣйствій. Съ досадою видѣла правительница, что всѣ ея начинанія обгоняли сила душевная юнаго Царя и возраставшая въ нему любовь народная, или, лучше сказать, воля Провидѣнія. Униженная всенародно въ церковномъ ходѣ 8-го іюня 1689 года, царевна поспѣшила рѣшительно грянуть въ своего брата и соперника третьимъ стрѣлецкимъ бунтомъ, гдѣ въ залогъ успѣха была положена ея собственная голова. Я ничего не зналъ объ ея новыхъ козняхъ. 18-го августа, съ разсвѣтомъ дня, получаю отъ нея записку, въ которой приказывали мнѣ немедленно явиться въ Мо-

скву. — «Жизнь моя въ опасности — прибавляла она между прочимъ». — Не думаю долго; ножъ за поясъ, слово Денисову о причинѣ моего отъѣзда, отъ него слово, что часъ мести насталъ, и совѣтъ, какъ дѣйствовать, чтобы уничтожить врага Софіи и моего; беру лошадь, скачу безъ памяти. Въ тѣснинѣ *Волчьихъ воротъ**), поперекъ дороги, лежитъ сосна, взъерошившая свои мохнатые сучья и образовавшая изъ нихъ густой частоколъ. Ищу въ лѣсу мѣста, гдѣ бы мнѣ перебраться на дорогу, какъ вдругъ изъ-за кустовъ прямо на меня нѣсколько молодцовъ съ дубинами и топорами; одни повисли на устцахъ моей лошади, другіе меня обезоружили. Но какъ внезапно напали они на меня, такъ же скоро отъ меня отступили. — «Послѣдній Новикъ! Послѣдній Новикъ! — закричало нѣсколько голосовъ. — «Ступай своей дорогой! мы хлѣбъ-соль царевны Софіи Алексѣевны помнимъ; знаемъ, что она тебя жалуетъ, и не хотимъ ни твоего добра, ни головы твоей. Поспѣшай: намъ и вамъ въ Москвѣ худо; нѣмцы берутъ верхъ; царевнѣ не сдобровать!» Не слышу ничего болѣе;

---

*) Такъ называется и донынѣ мѣсто въ лѣсу, по коломенской дорогѣ, въ 23 верстахъ отъ Москвы. За нѣсколько еще десятковъ лѣтъ оно было заставою разбойниковъ.

скачу опять безъ ума; во всю дорогу видѣнія разгорячоннаго воображенія меня преслѣдуютъ. Вижу, народъ зыблется въ Кремлѣ; слышу, кричатъ: подавайте царевну!... Вотъ палачъ, намотавъ ея длинные волосы на свою поганую руку, волочитъ царевну по ступенямъ *Краснаго крыльца*, чертитъ ею по праху широкій слѣдъ... готова плаха... топоръ занесенъ... брыжжетъ кровь... голова ея выставлена на позоръ черни... кричатъ: любо! любо!... Кровь стынетъ въ жилахъ моихъ, сердце замираетъ, въ ушахъ раздается знакомый голосъ: отмсти, отмсти за меня!... Смотрю впередъ: вижу сіяющую главу Ивана Великаго, и прилѣпясь къ ней, сыплю удары на бѣдное животное, которое мчитъ меня, какъ вѣтеръ. Вотъ и я въ городѣ! Концы Москвы пусты; Москва вся на площадяхъ и въ Кремлѣ. Видѣнія мои сбываются: народъ волнуется, шумитъ, толкуетъ объ открытіи заговора, о бѣгствѣ царя Петра Алексѣевича съ матерью и молодою супругою въ Троицкій монастырь; войско, подъ предводительствомъ Лефорта и Гордона, собирается въ походъ; сзываютъ вѣрныхъ Петру къ защитѣ его, проклинаютъ Шакловитаго, раздаются угрозы Софіи. Лечу во дворецъ, прямо въ комнаты царевнины. Толпа служителей встрѣчаетъ меня слезами, похоронными возгласа-

ми, рыданіями. Не помню ногъ подъ собою; хочу и боюсь спросить, что дѣлается съ моею благодѣтельницею; наконецъ осмѣливаюсь—и мнѣ отвѣчаютъ только, что она въ крайней опасности. Услышавъ изъ ближней комнаты мой голосъ, она отворяетъ дверь и кличетъ меня къ себѣ. Вхожу. Она одна. Лицо ея помертвѣло; на немъ ясно отражается послѣдняя борьба душевнаго величія съ отчаяніемъ; голосъ, привыкшій повелѣвать, дрожитъ; честолюбивая царица — только несчастная женщина. «Другъ мой! — сказала она, обнявъ меня и обливая слезами: — Петръ Алексѣевичъ ищетъ моей конечной гибели. Распустилъ слухъ въ народѣ, будто я готовила заговоръ, которымъ хочу истребить меньшаго брата, мать его и всѣхъ его приближенныхъ, и скрылся въ Троицкій монастырь. Враги мои подкупаютъ народъ, стрѣльцовъ; всѣ покидаютъ меня, всѣ винятъ несчастную въ злодѣяніи. И на умѣ не имѣла.... Развѣ вынудитъ меня защита собственной жизни.... Меня ожидаютъ монастырь, или плаха. Скажи, что дѣлать мнѣ?» Изступленный, я предлагаю ей свою руку, своихъ пріятелей, рѣшаюсь отправиться съ ними къ Троицѣ, пока войска туда еще не пришли, даю клятву проникнуть въ обитель, до Петра. Софья благословляетъ меня на это злодѣя-

ніе, снабжаетъ меня золотомъ, драгоцѣнными вещами, письмомъ, совѣтами, и я, съ десятью, повидимому, преданными мнѣ стрѣльцами, въ слѣдующую ночь у стѣнъ монастыря. Только черезъ сутки отворяютъ намъ входъ въ него сквозь трещину *Каличьей* башни: деньги и драгоцѣнности, данныя мнѣ Софьею, оставлены у пріятеля Денисова, жившаго въ посадѣ Троицкомъ. Изъ десяти товарищей остается у меня половина; прочіе упились виномъ или разбѣжались, услыша, что войска на дорогѣ изъ Москвы. Въ оставшихся товарищахъ вижу нерѣшительность; они однакожъ слѣдуютъ за мною. Позади церкви Смоленской Божіей Матери скрываемся въ ветхой, необитаемой кельѣ *монаха оружейнаго*. Отсюда видно всѣхъ, кто ни выходитъ изъ *Государевой палаты;* отсюда сторожимъ свою жертву. Петру съ своею матерью идти на утреннюю молитву въ одну изъ церквей монастырскихъ (молодая супруга его нездорова); въ храмѣ Божьемъ должно совершиться злодѣяніе. Время дорого; разсуждать и откладывать некогда. Мнѣ, какъ любимцу Софіи, предоставлена честь быть мстителемъ ея и убійцею Петра. Ласточка встрепенулась и щебечетъ на гнѣздѣ, прилѣпленномъ къ окну, у котораго стоимъ; заря занимается. Взоры мои сквозь

рѣшотку окна устремлены на *Государеву палату*, ищутъ адской цѣли и встрѣчаютъ однѣ святыя изображенія. Божія Мать улыбается улыбкою неба, смотря на предвѣчнаго Младенца; Іисусъ на вечери учитъ Апостоловъ своихъ любви къ ближнему и миру; далѣе несетъ Онъ съ покорностью крестъ свой; Ангелы радостно порхаютъ около престола своего Творца... и все кругомъ меня говоритъ о добрѣ, о невинности, о небѣ, и все тихо святою тишиной. А я, несчастный, къ чему готовлюсь? Въ жилахъ моихъ кипитъ кровь, въ груди возятся дьяволы. Отвращаю взоры отъ святыхъ предметовъ, и предо мною гробница Годунова; на ней стоитъ младенецъ съ перерѣзаннымъ горломъ, съ кровавыми струями по бѣлой одеждѣ, и грозитъ мнѣ. Совѣсть! ты это была; ты предстала мнѣ въ видѣ святаго мученика, и встревожила все мое существо. Еще руки мои чисты; еще не вступалъ я въ права Творца своего! Есть время одуматься... Въ колоколъ ударили къ заутрени. Я встрепенулся. «Идутъ!»—сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей.—Смотрю: царица Наталья Кириловна, опираясь одною рукою на посошокъ, другою крестясь, пробирается по тропѣ между гробницами; за ней — Петръ Алексѣевичъ, отряхивая чорныя кудри свои, какъ будто отрясая съ

себя ночную лѣнь. Съ другой стороны, покашливая, бредетъ старикъ, монахъ. Сердце у меня хочетъ выскочить изъ груди. Забыто все; вижу только своего врага, помню только клятву, данную Софіи.—«Не здѣсь ли?»—говорю своимъ товарищамъ. — «Видишь, сколько мелкихъ камней на кладбищѣ — отвѣчаетъ одинъ: — есть чѣмъ обороняться, да и монахи бѣгутъ... лучше въ церкви.—«Не отложить ли совсѣмъ?»—прибавляетъ другой. Прочіе молчатъ; я молчу и гляжу, какъ монахъ, дрожащій отъ старости, большимъ ключомъ силится отворить дверь въ Троицкій соборъ, какъ нетерпѣливый Петръ вырываетъ у него ключъ, и желѣзныя, огромныя двери съ шумомъ распахиваются. Выбѣгаю стремглавъ изъ кельи, пролетаю дворъ и — въ церкви. Святыня, вмѣстѣ съ холоднымъ, сырымъ воздухомъ, вѣящимъ отъ стѣнъ, обхватила меня; темный ликъ Спасителя грозно на меня смотрѣлъ; толпа праведниковъ двигалась, росла и меня обступила. Невольно содрогнулся я и остановился посреди церкви. Оглядываюсь: три товарища, слѣдовавшіе за мной, стояли у входа въ нее, не смѣя войти. Въ это время царица Наталья Кириловна и сынъ ея молились на колѣнахъ предъ царскими дверьми. Вѣроятно, услышавъ за собою необыкновенно смѣлую

поступь, она оглянулась, вскрикнула: «Стрѣльцы! злодѣи!» съ ужасомъ ухватила Петра за руку и прямо опрометью бросилась съ нимъ черезъ царскія двери въ алтарь. Я за ними, черезъ порогъ Святая Святыхъ, съ ножомъ въ рукѣ. Престолъ насъ раздѣляетъ. Петръ останавливается; то грозно смотритъ на меня, то ищетъ, чѣмъ оборониться. Мать силится загородить его собою, указываетъ мнѣ на распятіе, на образъ Сергія Чудотворца, умоляетъ меня именемъ Бога и Святыхъ пощадить ея сына и лучше убить ее, если нужна кровь Нарышкиныхъ... Я вполовину побѣжденъ; но дѣлаю надъ собою усиліе, преслѣдую Петра, настигаю... уже заношу ножъ... Раздается крикъ матери, ужасный крикъ, разодравшій мнѣ душу, поворотившій мнѣ всю внутренность, крикъ, отзывающійся и теперь въ груди моей... Движеніемъ, которое я сдѣлалъ, чтобы поймать свою добычу, падаетъ съ жертвенника распятіе... Одинъ изъ моихъ товарищей грозно взываетъ ко мнѣ: «*постой, не здѣсь, не у престола; въ другомъ мѣстѣ онъ не уйдетъ отъ насъ!*» — Бьютъ въ набатъ — и все въ одно мгновенье!... Я упалъ духомъ; рука, не искусившаяся въ дѣлахъ крови, осталась въ нерѣшительности дѣйствовать. Этотъ мигъ спасъ Петра и Россію!... Слышу, нѣсколько

монаховъ хватаютъ меня сзади за руки и вырываютъ ножъ. Связанный, я брошенъ въ какой-то погребъ. Сколько времени я пробылъ въ немъ, не знаю: перемѣны дня тамъ не означались; помню только ночь длинную, какъ вѣчность, жажду, голодъ, постель въ лужѣ, ледяное прикосновеніе гадовъ, ползавшихъ по мнѣ, и муки душевныя, послѣдствія злодѣянія безполезнаго!

Наконецъ я услышалъ глухой стукъ въ стѣнѣ. Была ли то вѣсть казни или спасенія? сердце мое замерло при этой мысли. Нѣсколько камней упало близъ меня, и вслѣдъ за тѣмъ что-то тяжолое втащили, развязали и бросили на землю. Это брошенное захрапѣло ужасно. Голосъ произнесъ тихо, но твердо: — «Гдѣ ты, Послѣдній Новикъ? Именемъ царевны Софіи Алексѣевны дай мнѣ руку.» — «Вотъ она!» сказалъ я, ощупавъ незнакомца, на голосъ котораго пошолъ. — «Теперь раздѣнься и брось здѣсь своей кафтанъ» продолжалъ онъ. Мнѣ пришло на мысль, что для спасенія моего хотятъ замѣнить меня другимъ, что этотъ другой вмѣсто меня долженъ положить свою голову на плаху, и я сначала поколебался было исполнить волю незнакомца; но любовь къ жизни превозмогла — я предался своему избавителю. Мы продрались черезъ лазейку, сдѣ-

ланную довольно высоко въ стѣнѣ, нашли за стѣной другаго человѣка, насъ ожидавшаго, заклали искусно отверстіе каменьями, поползли на четвереньках по какимъ-то темнымъ извилинамъ, очутились въ башнѣ; съ помощью веревочной лѣстницы, тутъ приготовленной, взлѣзли на высоту, въ узкое окно, оттуда на крышу, карабкались по ней, подражая между тѣмъ мяуканью кошекъ, и потомъ впрыгнули въ слуховое окно. Темная ночь, не позволявшая различать предметы, способствовала нашему побѣгу. Не скажу, гдѣ и у кого я очутился: тайна эта умретъ со мною. Нѣсколько недѣль жилъ я подъ поломъ, слышалъ оттуда барабанный бой пришедшаго къ монастырю войска, вопли, исторгаемые пыткою на монастырскомъ дворѣ, радостныя восклицанія народа; слышалъ разсказы, какъ около монастыря поднялась такая пыль, что одному другаго за два шага нельзя было видѣть, когда свели преступниковъ изъ обители и изъ Москвы на одно мѣсто; какъ Шакловитый, снятый съ дыбы, просилъ ѣсть, и наконецъ, какъ совершилась казнь надъ злодѣями. Кому отрубили голову или вырѣзали языкъ, кого били кнутомъ, сослали въ вѣчное заточеніе. Въ числѣ послѣднихъ былъ князь Василій Васильевичъ.... въ числѣ первыхъ былъ — Послѣдній

Новикъ. Можно было судить, что я чувствовалъ, слушая такіе разсказы.

Когда я хотѣлъ узнать, какимъ образомъ могли замѣнить меня другимъ въ тюрьмѣ и на плахѣ, избавитель мой объяснилъ мнѣ, что мой двойникъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, прискакавшихъ со мною къ Троицѣ для убіенія царя, что Андрей Денисовъ, пріѣхавшій вслѣдъ за мною по приказанію Софіи Алексѣевны, нашолъ его у постоялаго двора въ такомъ мертвомъ опьянѣніи, что, если бы вороны глаза у него клевали, онъ не чувствовалъ бы ничего. Состояніемъ этимъ воспользовались, положили его въ мѣшокъ и притащили въ мое заключеніе. Монахи пришли взять меня оттуда, и хотя тотчасъ догадались о подмѣнѣ заключоннаго, но, видя, что входъ въ тюрьму былъ въ прежнемъ крѣпкомъ состояніи, приписывая этотъ случай чуду или напущенію дьявола, и болѣе всего боясь открытіемъ подмѣна заслужить казнь, мнѣ приготовленную, сдали моего двойника, подъ моимъ именемъ, солдатамъ, а эти палачу. Къ обману способствовала много густая пыль, о которой я говорилъ, и приказъ царскій казнить меня безъ допросовъ. Исполнители казни работали живо — прибавлялъ мой избавитель: имъ все равно было, чья голова или чей языкъ летѣли

подъ ихъ рукою, лишь бы счотъ головамъ и языкамъ былъ вѣренъ. Не мудрено также, что палача задарилъ Денисовъ.

Я не могъ быть выпущенъ изъ монастыря тѣмъ путемъ, которымъ въ него вошолъ; у всѣхъ башенъ стояла уже крѣпкая стража. Надо было дождаться выѣзда царя съ его семействомъ изъ обители. Я дождался этого выѣзда; буря миновала; — днемъ, во время обѣдни, выпустыли меня изъ моей засады и воротъ монастырскихъ. Узнать меня нельзя было въ рубищѣ, съ искривленною на одну сторону шеею, со спущенными на лицо волосами: я проскользнулъ въ толпѣ убогихъ, которыхъ мой избавитель собралъ для раздачи имъ милостыни. Въ ближней деревушкѣ нашолъ я Андрея Денисова, имѣвшаго въ готовности двухъ бойкихъ лошадей — и.... съ этого времени я изгнанникъ изъ родины!»

На этомъ мѣстѣ остановился чтецъ, какъ для того, чтобы отдохнуть, такъ и дать своимъ товарищамъ сообразить разсказъ Новика съ слухами о происшествіяхъ тогдашняго времени. Исполнивъ то и другое, принялись снова за чтеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ.

То пѣснь про родину мою:
Я день и ночь ее пою.
Баронъ Розенъ.

«Пусть запретятъ вамъ выѣзжать въ какой-либо городъ, и это запрещеніе покажется вамъ мучительнымъ наказаніемъ: чтожъ долженъ чувствовать тотъ, для кого навсегда заперта дорога въ отечество? Изгнанникъ, подобный мнѣ, можетъ только понять мои чувства. Теперь только узналъ я цѣну того, чѣмъ обладалъ и что потерялъ безвозвратно. Эта ужасная извѣстность перемѣнила мой нравъ. Куда дѣвались мечты честолюбія! О Боже мой! говорилъ я, обливаясь слезами: сдѣлай меня самымъ бѣднымъ, ничтожнымъ изъ смертныхъ, хоть послѣднимъ крестьяниномъ села Софьина, и за это униженіе отдай мнѣ ее, отдай

мнѣ родину. Тринадцать лѣтъ, каждый день съ усиливающеюся по ней тоскою, творю эту молитву, и донынѣ по прежнему странникомъ въ чужбинѣ.

Мы ѣхали все на сѣверъ. Дорогою по временамъ обгоняли толпы раскольниковъ, пробиравшихся по тому же направленію. При видѣ моего спутника они останавливались, испрашивали его совѣтовъ, помощи, и никогда не оставались безъ того и другаго. Андрей зналъ хорошо пути къ человѣческому сердцу и мастерски умѣлъ пользоваться его слабостями; отъ природы и ученія краснорѣчивый, онъ былъ богатъ убѣжденіями духовными; также и въ вещественныхъ пособіяхъ не нуждался. Всѣ драгоцѣнности и деньги, данныя мнѣ Софьею Алексѣевною, получилъ онъ обратно, по назначенію моему, отъ того человѣка, кому я ихъ ввѣрилъ, да и самъ товарищъ мой напутствованъ былъ такими же щедрыми дарами царевны. Дорогой имѣлъ я случай вывѣдать, что переселеніе на сѣверъ нѣсколькихъ сотъ семействъ русскихъ дѣлалось вслѣдствіе видовъ Деннсова, давно обдуманныхъ и искусно расположенныхъ, и имѣло цѣлью современемъ противопоставить на всѣхъ концахъ Россіи враждующую силу царю изъ рода Нарышкиныхъ. Этою силою, неколеби-

мою своимъ невѣжествомъ, руководствовала нерѣдко Софья въ свою пользу, но не пріобрѣтя для себя ничего, удовлетворила только жадному властолюбію своего клеврета. Впослѣдствіи узналъ я, что главнымъ условіемъ ея богатыхъ милостей, какъ ему, такъ и основаннымъ имъ поморскимъ скитамъ, которыхъ онъ сдѣлался патріархомъ, была передача мнѣ въ наслѣдство этого чиноначальства. Разрывъ его со мною долженъ былъ увлечь за собой и разрывъ съ нимъ Софіи: тѣмъ важнѣе было для него потерять меня.

По прибытіи нашемъ за Онегу, возникли мало по малу русскія селенія изъ болотъ и лѣсовъ; жизнь общественная заговорила въ пустыняхъ. Меня ничто не занимало, даже и сулимое мнѣ владычество. Я не могъ выдержать болѣе года въ Выговскомъ скитѣ. Проклиная виновниковъ своего несчастія, для котораго они меня съ младенчества воспитывали, съ тоскою, которую не въ силахъ былъ вырвать изъ сердца, какъ будто стрѣлу, въ него вонзенную и въ немъ переломленную; я бѣжалъ... назадъ идти не могъ... я бѣжалъ въ Швецію. Ничего не взялъ я съ собою, кромѣ гуслей, неоцѣненнаго дара доброй Кропотовой, освященнаго чистою, безкорыстною любовью ко мнѣ (онѣ доставлены мнѣ въ скитъ черезъ одного

раскольника, совершенно преданнаго Софіи Алексѣевнѣ).

Переходя изъ страны въ страну, убѣгая отъ родины и находя ее вездѣ въ своемъ сердцѣ, я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи. Игра на гусляхъ и пѣнье доставляли мнѣ насущный хлѣбъ. Пѣсни, сочиненныя мною на разные случаи моей жизни, переносили меня въ прошедшее и облегчали грудь мою, исторгая изъ очей сладкія слезы. Молва о московитскомъ музыкантѣ переходила по горамъ и долинамъ; на семейныхъ праздникахъ, на свадьбахъ мнѣ первому былъ почотъ; всѣ возрасты слушали меня съ удовольствіемъ; старость весело притопывала мнѣ мѣру; юность то плясала подъ мою игру, то горько задумывалась. Вездѣ есть добрыя сердца; въ Швеціи я нашолъ ихъ много, очень много. Гостепріимство и любовь приглашали меня не разъ въ свои семьянины. Въ горахъ Далекарліи, у одного богатаго мызника меня особенно ласкали. Онъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, кромѣ дочери, не имѣлъ дѣтей. Старикъ уговаривалъ меня войти къ нему въ домъ вмѣсто сына. «Остался бы, добрый старикъ — говорилъ я — кабы могъ забыть здѣсь родину.» Дочь его прекрасная, статная, рослая, какъ бы отъ земли тянуло ее къ себѣ небо, каждый день болѣе и бо-

лѣе опутывала меня своею любовью. Часто, слушая мои пѣсни, она съ нѣжностью останавливала на мнѣ свои черноогненные глаза, отъ которыхъ хотѣлъ бы уйти въ преисподнюю; нерѣдко слезы блистали на длинныхъ рѣсницахъ прекрасной дѣвушки. «Добрый странникъ! — сказала она мнѣ однажды, побѣдивъ свою стыдливость: — останься съ нами, я буду любить тебя, какъ брата, какъ...»—Потупленныя въ землю очи, дрожащія уста, волненіе дѣвственной груди, договорили мнѣ все, что она боялась вымолвить.—«Не хочу обманывать тебя, милая! У меня въ Россіи есть уже невѣста; не снять мнѣ до гробовой доски желѣзнаго кольца, которымъ я съ нею обручился» — отвѣчалъ я ей, и спѣшилъ удалиться отъ жилища, гдѣ, на мѣсто невинныхъ радостей, поселилъ беспокойство. Такъ одинъ взглядъ сатаны побиваетъ жатвы, чумитъ стада и вноситъ пожары въ хижины!

Судьба привела меня въ Стокгольмъ въ 1694 году, когда весь городъ шепталъ (говорить громко истину при Карлѣ XI не смѣли) о жестокостяхъ редукціонной коммиссіи, о явкѣ къ верховному суду депутатовъ лифляндскаго дворянства, о рѣзкихъ возраженіяхъ одного изъ нихъ, Паткуля, отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ,

умомъ и отвагою, и наконецъ о приговорѣ, грозившемъ этимъ представителямъ народнымъ. Любя все необыкновенное, я старался узнать этого великаго противника неправосудной власти. Игрою на гусляхъ передъ его окнами я привлекъ на себя его вниманіе. Онъ полюбилъ меня съ перваго дня, какъ увидѣлъ; разгадалъ меня, исторгнулъ изъ униженія своимъ вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ, и умѣлъ возбудить во мнѣ такое участіе, что я вскорѣ повѣрилъ ему тайны своей жизни. Эта откровенность и несчастія, ему грозившія, скрѣпили еще болѣе союзъ нашъ. Съ своей стороны онъ старался, по возможности времени, образовать меня, и разсказами о подвигахъ Петра съ того дня, какъ я оставилъ Троицкій монастырь, успѣлъ возбудить во мнѣ удивленіе къ этому Государю. Иностранецъ раскрылъ для меня все, что козни царевны Софіи Алексѣевны имѣли въ себѣ ужаснаго; отъ него узналъ я, въ какую бездну повергнулъ бы Россію, убивъ съ Петромъ ея просвѣщеніе и благоденствіе. — Смертный приговоръ Паткулю былъ подписанъ. Онъ бѣжалъ, письмомъ своимъ ввѣряя меня пріязни хорошаго знакомца своего Адама Бира, профессора въ Упсальскомъ университетѣ.

Бира не засталъ я уже въ университетѣ, изъ

котораго изгнала его несправедливость, существующая, какъ видно, вездѣ, гдѣ есть люди. Я нашолъ его въ бѣдности, однакожъ не въ уныніи. Онъ училъ дѣтей своего прихода читать и писать, и этой поденщиной едва снискивалъ себѣ пропитаніе. Письмо Паткуля сблизило насъ скоро. Съ простодушіемъ младенца Биръ соединялъ въ себѣ умъ мудреца и благородство, не покоряющееся обстоятельствамъ. Счастливымъ себя считаю, если могъ сдѣлать что-нибудь для него въ чорные дни его жизни. За то чѣмъ не заплатилъ онъ мнѣ? Онъ научилъ меня истинамъ высокимъ, раскрылъ для меня таинства природы, обошолъ со мною рука съ рукой весь міръ, заставилъ полюбить великіе образцы Греціи и Рима, однимъ словомъ, показалъ мнѣ человѣка, каковъ онъ былъ и есть, и человѣчество, какъ оно будетъ нѣкогда. Въ купели его мудрости я обновился; я полюбилъ добродѣтель для нея самой и отечество мое съ самоотверженіемъ. Мысль очистить себѣ путь на родину благородными подвигами, служеніемъ ей истинно полезнымъ, заброшена мнѣ въ сердце его уроками. Во снѣ и наяву я только мечталъ, какъ осуществить эту мысль.

Скоро наступилъ конецъ искушенію, которое угодно было Провидѣнію послать моему второму

отцу. Сестра его, одна изъ учонѣйшихъ женщинъ своего вѣка, знавшая нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ и латинскій, какъ свой родной, призвала его въ Стокгольмъ, откуда отправила въ Лифляндію, въ воспитатели къ дочери баронессы Зегевольдъ. Наслѣдство, лучшее, какое онъ могъ мнѣ оставить, было порученіе моему дружескому вниманію одного необыкновеннаго созданія. Сынъ бѣднаго кожевника изъ-подъ Торнео, съ душою, пожираемою небеснымъ огнемъ вдохновенія, бѣжавшій отъ объятій отца и ласкъ родины, чтобы сообщить другимъ этотъ огонь, солдатъ, странникъ, студентъ и наконецъ слѣпецъ, въ домѣ умалишенныхъ: вотъ дивное твореніе, которое наслѣдовалъ я послѣ Бира. Имя его Конрадъ. Сильныя душевныя потрясенія, кипучее воображеніе, занятія ума, никогда недовольнаго тѣмъ, что знаетъ, и пытающагося добраться по цѣпи творенія до высочайшаго знанія, разстроили его разсудокъ. Голосъ мой первый воззвалъ его къ дѣятельности; это былъ первый сочувственный звукъ, ударившій по струнамъ его сердца. Оно уразумѣло меня, и съ того времени слѣпецъ шолъ всюду за мной, какъ будто привязанный ко мнѣ невидимою цѣпью. Оба съ пламенною душой и воображеніемъ, съ одинаковыми наклонностями, оба несчастные, унижен-

ные судьбою, но не терпящіе униженія отъ подобныхъ себѣ, мы сопряглись на земное житіе и рука съ рукой пошли по міру. Какъ онъ любилъ меня! Родство, друзей, родину, свѣтъ Божій — все заключилъ онъ во мнѣ. Семь лѣтъ ему ничего не было извѣстно обо мнѣ, кромѣ моего имени и мнимаго моего отечества, Выборга; но слѣпецъ внутренними очами прочолъ мои тайныя страданія, узналъ изъ моихъ бесѣдъ о Россіи (въ которой, по словамъ моимъ, я столько странствовалъ), узналъ, что она мое отечество, и похитилъ заключонныя въ сердцѣ моемъ роковыя имена людей, имѣвшихъ сильное вліяніе на жизнь мою. Желанія мои угадывалъ онъ, какъ Провидѣніе, волю мою исполнялъ, какъ рабъ, купленный благодѣяніями. Онъ былъ у меня послѣднее, единственное благо на землѣ. Судьба и въ этомъ мнѣ позавидовала. Его ужъ нѣтъ. Горькія слезы льются изъ глазъ моихъ: начертывая эти строки, стою, мнится мнѣ, съ заступомъ передъ его могилою и готовлюсь засыпать его навѣки землею.

Сердце влекло меня въ Лифляндію; тамъ я могъ быть ближе къ своему отечеству. Мы переплыли сердитыя воды Бельта; мы въ странѣ, гдѣ имена Юрьева, Новгородка-Ливонскаго, Ракобора, напоминали мнѣ о владычествѣ надъ нею русскихъ.

Долго новый край и люди не приносили ничего новаго душѣ изгнанника; въ ней все та же тоска по родинѣ. Одною отрадою мнѣ было ходить по нѣскольку разъ въ годъ за Новгородокъ-Ливонскій на гору Кувшинову, какъ бы на поклоненіе моему отечеству: оттуда я могъ видѣть крестъ Печерской обители, зажигаемый лучомъ солнечнымъ; оттуда могъ я молиться русской святынѣ. По цѣлымъ часамъ смотрѣлъ я на эту звѣзду утѣшительную, и только ночь уносила съ нею мои радости; по утру дожидался я, когда опять взойдетъ мое свѣтило и дастъ мнѣ привѣтный знакъ отъ роднаго края.

Въ видѣ странствующихъ музыкантовъ, мы протоптали перекрестные слѣды по всей Лифляндіи. На мызахъ баронскихъ, въ шведскихъ лагеряхъ и казармахъ, въ латышскихъ и чухонскихъ хижинахъ, я былъ извѣстенъ подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга; твердое знаніе языка шведскаго много способствовало мнѣ къ сокрытію настоящаго моего отечества. Къ удивленію моему и даже страху, въ одно посѣщеніе мое лекаря Блументроста на мызѣ его, близъ Маріенбурга, онъ началъ говорить мнѣ наединѣ о Россіи, о готовившейся войнѣ, о пользѣ, какую могъ бы я извлечь, служа въ это время (кому, не объяс-

нилъ); говорилъ мнѣ о Паткулѣ, какъ о человѣкѣ, ему весьма извѣстномъ; и наконецъ далъ мнѣ знать догадками, кто я такой. Именемъ Бога умолялъ я его объясниться. Съ меня взята клятва, самая ужасная, молчать обо всемъ, что я ни увижу и услышу. — «Мнѣ ничего неизвѣстно — сказалъ докторъ Блументростъ: — но вотъ человѣкъ, который угадалъ въ Вольдемарѣ изъ Выборга, по примѣтамъ, мною описаннымъ, кто онъ, и который откроетъ тебѣ болѣе.» — Онъ снялъ картину со стѣны и ударилъ три раза въ ладони. Отворилась маленькая дверь, и передо мною явился — Паткуль. Мы обрадовались другъ другу: сердце мое предугадывало въ немъ моего спасителя; онъ не скрылъ, что на мнѣ основываетъ великія надежды свои. Увѣрясь въ постоянствѣ и твердости моихъ чувствъ, Паткуль открылъ мнѣ, какими жертвами я могу купить прощеніе Петра Алексѣевича и пріобрѣсть свое отечество. Душа моя взыграла надеждами: я на все рѣшился; я закабалилъ себя въ шпіоны....»

Чтобы не наскучить читателямъ повтореніемъ того, что они уже знаютъ изъ предыдущихъ частей нашего романа, оставляемъ здѣсь разсказъ Послѣдняго Новика; но извлекаемъ изъ этого раз-

сказа только то, что намъ нужно дополнить для ясности и связи происшествій.

Новикъ, отъ природы строптивый, пылкій, нетерпѣливый, взялся нести на себѣ ярмо ужасное и постыдное; притворствовать, обманывать, продавать себѣ подобнаго — такова была его обязанность! Но въ награду ему обѣщано отечество, и нѣтъ жертвы, на которую бы онъ не рѣшился за эту цѣну.

Предвѣстники сѣверной войны разыгрывались. Согласно наставленіямъ Паткуля, Новикъ явился къ генералъ-фельдвахтмейстеру Шлиппенбаху, знавшему его прежде и любившему за игру на гусляхъ; открылъ, что онъ русскій, любимецъ Софіи, бѣглый стрѣлецъ, хотѣвшій убить Петра I; что онъ и теперь питаетъ къ царю сильную ненависть, которую желаетъ и можетъ доказать услугами своими шведамъ. Онъ подкупленъ Паткулемъ—прибавлялъ Новикъ—вывѣдывать движенія войскъ въ Лифляндіи и духъ тамошняго дворянства; онъ долженъ вести съ нимъ переписку; въ доказательство представилъ нѣсколько писемъ, полученныхъ отъ него будто бы черезъ раскольниковъ, и наконецъ брался, не смотря на предосторожности хитраго измѣнника и врага Швеціи, заманить его со временемъ въ западню, откуда

ему не вырваться. Въ искренности рѣчей Послѣдняго Новика нельзя было сомнѣваться: драгоцѣнный образъ на груди его, даръ царевны, письма Софіи въ Выговскій скитъ, которыми она убѣждала своего питомца не покидать своей цѣли и надѣяться, что правое дѣло скоро восторжествуетъ; письма самого Паткуля — какихъ лучше свидѣтельствъ могъ требовать Шлиппенбахъ? Генералъ-фельдвахтмейстеръ всему повѣрилъ и предался своему лазутчику. Чтобы лучше обманывать Паткуля, обѣщано передавать ему время отъ времени извѣстія о томъ, что дѣлалось въ шведскомъ войскѣ. Денежныхъ наградъ шпіону не жалѣли; милостей безденежныхъ насулено еще болѣе въ случаѣ хорошаго исполненія; за измѣну обѣщана висѣлица. Но какая польза была Новику измѣнять? Въ Россіи ожидаетъ его плаха; а здѣсь, въ Лифляндіи, подъ покровомъ шведскаго могущества, онъ можетъ выйдти въ люди и разбогатѣть! Условія сдѣланы, и Послѣдній Новикъ, подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга, снабженъ отъ Шлиппенбаха охраннымъ листомъ, которымъ, по высочайше дарованной военачальнику власти, велѣно по всей Лифляндіи и въ шведскомъ войскѣ *чинить* предъявителю всякое пособіе и покровительство. Первый опытъ усердія его къ пользѣ

шведовъ былъ, по виду, жестокъ для противной стороны.

Война сѣверная все еще таилась подъ личиною дружескихъ увѣреній. Посланникъ польскій (Карловичъ), исполнивъ съ Паткулемъ свои дѣла въ Москвѣ, возвращался саннымъ путемъ черезъ Ригу. Товарищъ его обходилъ южный край Лифляндіи, засѣвая вездѣ неудовольствія къ шведскому правительству, и, среди заботъ политическихъ, увлеченный сердцемъ, не оставилъ заплатить дань природѣ и взглянуть на свое родное пепелище. Посланникъ просилъ коменданта рижскаго Дальберга — пропустить черезъ крѣпость обозъ его, вслѣдъ за нимъ ѣхавшій. Дано обѣщаніе. Въ обозѣ скрывалось множество оружія; при въѣздѣ его въ крѣпость долженъ былъ ворваться въ нее отрядъ польскихъ драгунъ, стоявшій на границахъ Курляндіи; отъ недовольныхъ и подкупленныхъ въ Ригѣ ожидали помощи. Стратагема оказалась неудачною, и потому Владиміръ далъ о ней знать коменданту. Взяты всѣ предосторожности встрѣтить непріятеля; послѣдствія извѣстны: не званныхъ, но жданныхъ гостей встрѣтили и съ урокомъ проводили; война открылась. Съ этого времени Послѣдній Новикъ пріобрѣлъ полную довѣренность той стороны, которую

обманывалъ. Въ продолженіе же войны неоднократно утверждалъ онъ Шлиппенбаха въ этомъ чувствѣ къ нему новыми опытами своего усердія, большею частью запоздалыми, не имѣвшими значительной цѣнности, но выставленными такъ искусно, что принимались въ высокомъ курсѣ. Мы видѣли, какой перевѣсъ имѣли передъ этими дѣйствіями вѣрность и преданность сторонѣ русской, которой онъ доставлялъ вовремя неоцѣненныя свѣдѣнія черезъ Паткуля, Ильзу и — кто подумалъ бы? — черезъ Мурзенку. Управляя всѣми движеніями сокровенной политики своего истиннаго довѣрителя, онъ все зналъ о дѣйствіяхъ прочихъ лазутчиковъ его, но самъ, съ глубокими тайнами своей должности, извѣстенъ былъ только ему одному и его служителю, Фрицу. Даже Никласзону, усердному, но коварному агенту его, выставленъ Вольдемаръ шпіономъ отъ шведовъ. Жертвы, принесенныя Послѣднимъ Новикомъ на алтарь отечества, куплены дорогою цѣною униженія, необыкновенныхъ трудовъ тѣлесныхъ и умственныхъ, сильныхъ душевныхъ страданій — достойныя жертвы для искупленія его проступка и полученія награды, столь пламенно преслѣдуемой! Но судьба обвила свою жертву крѣпкими, нерасторгаемыми узами, какъ змѣя-

ми, которыми опутаны были Лаокоонъ и дѣти его....

Объяснивъ дѣйствія Владиміра, столько способствовавшія русскимъ къ завоеванію Лифляндіи, дополнимъ изъ его жизни небольшіе промежутки въ происшествіяхъ, которыя помѣшали ему насладиться плодами своихъ трудовъ.

Бѣгство его изъ Выговскаго скита очень встревожило Денисова, боявшагося потерять съ нимъ милости Софіи, все еще продолжаемыя скиту на прежнихъ условіяхъ. Царевна–инокиня, уму которой удивлялся самъ Петръ Великій, знала все, что дѣлалось за стѣнами монастыря не только въ отечествѣ ея, но и при дворахъ иностранныхъ. Извѣстно, какіе слухи распустила она въ Вѣнѣ, во время путешествія своего брата по Европѣ, и сколько эти слухи поколебали было политику Австріи. Удивительно ли послѣ того, что Софія провѣдала о бѣгствѣ своего питомца изъ скита и потомъ о появленіи его въ Лифляндіи? Преслѣдуя народные слухи, она отыскала солдата, бывшаго подъ Еррастферомъ и отпущеннаго за ранами изъ арміи Шереметева на свою родину въ Москву. Онъ разсказалъ ей всѣ обстоятельства сраженія, и Софія въ спасителѣ отряда Лимы угадала своего любимца. Догадки устрашили ее тѣмъ болѣе, что,

во время бунта 1698 года, кончившагося ужаснымъ зрѣлищемъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, повѣшенныхъ передъ ея окнами, постельница ея подъ клещами пытки открыла правительству важную тайну, касавшуюся Послѣдняго Новика; и потому, боясь за него, боясь за себя и негодуя, что ея любимецъ предался сторонѣ, ей ненавистной, Софія писала къ Денисову убѣдить Владиміра возвратиться въ скитъ, а если убѣжденія не подѣйствуютъ—употребить самыя сильныя мѣры къ недопущенію его въ Россію, хотябъ это стоило ему жизни. Денисовъ, ободряемый милостями царевны, дружбою къ роду Милославскихъ *(коего сѣмя расло въ Россіи,* какъ изъяснялся Петръ I) и наконецъ ненавистью къ Нарышкинымъ, оттѣснившимъ его нѣкогда отъ важной государственной должности, началъ усердно отыскивать Владиміра по Лифляндіи и послалъ для преслѣдованія его старовѣровъ, преданныхъ своему чиноначальнику. Старцу Аѳиногену первому удалось встрѣтить его. Вѣстникъ этотъ открылъ ему волю и угрозы царевны, увѣщанія Денисова, страшную будущность, ожидавшую его въ отечествѣ, и неизъяснимое блаженство, приготовленное въ скитѣ покорному сыну православной церкви. Когда жъ посланіе его не имѣло никакого успѣха, отпра-

вился, согласно даннымъ ему наставленіямъ, въ русскій станъ, подъ Нейгаузенъ, съ подметнымъ письмомъ. Мы видѣли, какъ онъ умеръ за бороду свою; видѣли, какія послѣдствія имѣло самое свиданіе патріарха поморскихъ изуѣровъ съ Владиміромъ въ домѣ лѣсника. Остальное намъ также извѣстно.

Послѣдній Новикъ кончилъ свое повѣствованіе признаніемъ, что онъ изнемогъ подъ усиленными ударами судьбы, и просьбою къ своимъ соотечественникамъ помолиться о спасеніи его души. Повѣствованіе было адресовано на имя князя Вадбольскаго, какъ человѣка, принимавшаго въ немъ, по видимому, сильное участіе — человѣка, отъ котораго, за услугу свою подъ Гуммельсгофомъ, ожидаетъ онъ ходатайства за него у отечества.

Чтеніе исторіи Послѣдняго Новика оставило грустное впечатлѣніе въ сердцахъ собесѣдниковъ. Вадбольскаго тревожило какое-то сомнѣніе. Не менѣе того остался онъ преданъ несчастному.

Усилили поиски по Новикѣ, и все безъ успѣха, Наконецъ, въ одинъ день, при очисткѣ лѣса на ижорскомъ берегу, солдатамъ попался на глаза

богатый складень, даръ царевны, сорванный убійцею съ груди своей въ минуту величайшихъ его страданій и брошенный въ кусты. Драгоцѣнная находка представлена фельдмаршалу; объявлено по войску, не отыщется ли хозяинъ. Какъ скоро Вадбольскій взглянулъ на образъ, тотчасъ отгадалъ, кому онъ принадлежитъ. Мѣсто, гдѣ онъ найденъ, освидѣтельствовано. Близъ него, по разнымъ частямъ лѣса, валялись человѣческія кости. (Вѣроятно, что тѣло Денисова въ мученіяхъ предсмертныхъ свалилося съ костра, на который положилъ его *жидовинъ*, и потомъ расхищено звѣрями). Не оставалось сомнѣнія для друзей Послѣдняго Новика, что онъ или убитъ раскольниками и растерзанъ волками, или просто сдѣлался жертвою послѣднихъ. Мурзенко, узнавъ объ этомъ, бросился палить раскольничьи селенія и забирать ихъ сотнями, отсылая въ Россію.

Долго горевали о Послѣднемъ Новикѣ, еще дольше о немъ говорили, и наконецъ забыли его, какъ забываютъ въ мірѣ все, что въ немъ не вѣчно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ 1704 ГОДА.

Родная! гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобой?
Приди; я жду тебя все также сиротою —
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинутъ былъ тобою!

Козловъ.

Носилки, гробъ, да заступъ, заступъ,
Да чорное сукно,
Да три шага земли, земли,
Намъ нужны всѣмъ равно.

Гамлетъ. — Перев. М. В.

Въ одинъ лѣтній день 1704 года, когда звонъ вечерній тяготѣлъ надъ Москвою, шолъ нищій, одинъ одинехонекъ, по обширному полю, разстилавшемуся отъ города до Новодѣвичьяго монастыря. Этотъ нищій не походилъ на своихъ собратьевъ: рубищамъ и сумѣ измѣняло какое-то благородство душевное; оно изображалось на его лицѣ и нерѣдко вспыхивало въ его помутившихся

глазахъ. Ему могло быть съ небольшимъ 30 лѣтъ; но замѣтно было, что удары гнѣвной судьбы, на перекоръ времени, означались на всемъ его существѣ слѣдами ранняго разрушенія. Это свидѣтельствовали лобъ, изрытый глубокими бороздами, сѣдины, пробившіяся сквозь смоль его волосъ, падавшихъ въ безпорядкѣ по плечамъ, сгорбленный, высокій станъ, дрожащія руки. Онъ нерѣдко останавливался на пути своемъ, скидалъ шапку, какъ бы мыслилъ о святынѣ, осматривался кругомъ; казалось, то любовался зрѣлищемъ Москвы, возносившей золотыя главы своихъ церквей изъ безконечнаго табора домовъ, то восторженнымъ взоромъ преслѣдовалъ блестящія излучины Москвы-рѣки и красивые берега ея, то прислушивался къ звону колоколовъ. Въ это время станъ его распрямлялся, пасмурное лицо свѣтлѣло, слабый румянецъ пробѣгалъ по щекамъ, улыбка порхала на помертвѣлыхъ губахъ и въ глазахъ его блистали слезы. Въ одно мгновеніе ока все измѣнялось. Какъ человѣкъ, смотря на солнце, вдругъ ослѣпленъ его блескомъ, онъ вздрагивалъ, опускалъ голову и взоры въ землю, и опять медленными шагами пробирался по тропѣ къ Новодѣвичьему монастырю, нерѣдко спотыкаясь о камни, попадавшіеся ему подъ ноги. Лицо его подерги-

валось облакомъ унынія; тяжолый вздохъ потрясалъ его грудь и губы лепетали молитву покаянія.

Вотъ онъ у воротъ монастырскихъ осматривается кругомъ; руками, дрожащими болѣе обыкновеннаго, творитъ крестныя знаменія передъ образомъ Божіей Матери; вотъ уже проходитъ монастырскій дворъ и становится на паперти въ ряду своей нищей братьи. Между глубокими вздохами изучонной скорби его товарищей не слышно его вздоха; онъ недвижимъ, какъ плита гробовая. Вечернее моленіе кончилось. Монахини выходятъ изъ церкви, и между ними одна.... Кто подъ иноческимъ покрываломъ и рясою, подъ наружностью старухи, не узналъ бы въ ней той, которая нѣсколько разъ силилась вырвать державу изъ могущихъ рукъ Петра Великаго, которая чувствовала себя столько способною царствовать, но не была на то опредѣлена Провидѣніемъ? Инокиня Сусанна, видомъ все еще царевна Софія. Взоръ ея по прежнему повелѣваетъ и очаровываетъ; невольнымъ уваженіемъ преслѣдуютъ ее, нынѣ ей равныя, подруги; кажется, все, ее окружающее, страшится еще въ затворницѣ будущей владычицы Россіи. Она раздаетъ милостыню нищимъ; рука ея протянута къ тому, котораго мы изобразили,.. взоры ихъ встрѣчаются... деньги падаютъ изъ

дрожащихъ рукъ его... Она... Боже мой! на устахъ ея замираетъ слово, которое готова была произнести; смертная блѣдность покрываетъ ея лицо, и Сусанна падаетъ на руки монахинь. Съ поспѣшностью уносятъ ее въ келью.

Народъ давно вышелъ изъ монастыря; храмъ пустъ; нищій все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Кажется, онъ чего-то ожидаетъ.

И вотъ — подходитъ къ нему старая монахиня и шопотомъ зоветъ его за собою. Онъ повинуется; онъ въ кельѣ инокини Сусанны!

Они остались вдвоемъ; никто не слыхалъ ихъ разговора. Видѣли только, что когда таинственный нищій выходилъ оттуда, слезы струились по разгорѣвшимся его щекамъ, прежде столь блѣднымъ.

Съ того времени Сусанна опасно занемогла.

3-го іюля, въ 6 часовъ утра, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ ударили три раза съ протяжною разстановкою въ большой колоколъ. Таинственный нищій сидѣлъ на лавкѣ у воротъ монастырскихъ; онъ вздрогнулъ, привсталъ и судорожнымъ движеніемъ три раза перекрестился, возведя къ небу полные слезъ глаза.

Скоро пронеслась вѣсть, что инокиня Сусанна скончалась. Передъ смертью она приняла схиму

подъ именемъ Софіи — именемъ, которое носила, бывъ царевной и владычицей Россіи!...

5-го іюля великолѣпная похоронная процессія наполняла пространство Новодѣвичьяго монастыря. Множество народа сопровождало ее. Таинственный нищій шолъ за гробомъ.

Когда гробъ стали опускать въ землю, нищій хотѣлъ продраться къ нему ближе. Его отталкивали; но онъ сдѣлалъ усиліе... вскрикнулъ: *пустите! она*... Болѣе не могъ онъ ничего говорить и безъ чувствъ упалъ на землю.

Таинственный нищій былъ — Послѣдній Новикъ. Онъ не выдержалъ; онъ пришолъ на родину.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ПИСЬМО ИЗЪ-ДАЛЕКА.

Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье.
Пушкинъ.

Дерптъ и Нарва, — послѣднія твердыя связи, которыми сердце Лифляндіи держалось еще къ шведскому правительству,—были взяты, и вслѣдъ затѣмъ русскіе торжествовали надъ своими непріятелями ежегодно по нѣскольку побѣдъ на сушѣ и водахъ. Сбывались предсказанія Паткуля: мщеніе его дѣлами отвѣчало на угрозы двухъ королей; почти вся Лифляндія принадлежала уже Россіи. Вотъ все, что мы находимъ нужнымъ сказать о происшествіяхъ въ четырехъ годахъ, послѣдовавшихъ за смерью Софіи. Теперь попросимъ читателя на коврѣ-самолетѣ воображенія перенестись въ 1707 годъ.

Шведскіе плѣнные были разсыпаны по многимъ городамъ Россіи. Густавъ Траутфеттеръ проводилъ время своего скучнаго заточенія въ Коломнѣ (за 100 верстъ отъ Москвы). Квартира ему была назначена у одного богатаго купца, смотрѣвшаго на постояльца своего, какъ обыкновенно невѣжественный классъ русскихъ смотритъ на иностранца — существо, которое въ глазахъ ихъ есть нѣчто между человѣкомъ и животнымъ. Съ нимъ вмѣстѣ никогда не ѣли, не пили; для него была даже собственная посуда, оскверненная устами басурманскими. Впрочемъ хозяинъ ласкалъ его, исправно натапливалъ печь въ его комнатѣ и подчивалъ его пирогами, говядиной и медомъ хоть до упаду. Надо прибавить, что щедрыя денежныя присылки отъ неизвѣстной особы давали ему способы жить прилично своему званію и даже помогать товарищамъ плѣна, большею частію содержавшимъ себя трудами рукъ своихъ. Нерѣдко дочери хозяина, двѣ пригожія дѣвушки, изъ затворническихъ своихъ свѣтлицъ то бросали цвѣты въ милаго незнакомца, то нѣжили слухъ его заунывными пѣснями. Но Густавъ былъ равнодушенъ къ этимъ знакамъ сердечнаго вниманія. «Какъ!— скажутъ нѣкоторые свѣтскіе люди — какъ! быть вѣрну пять лѣтъ? C'est presque le siège de

Troyes!» Да, милостивые государи, онъ любилъ Луизу, какъ никогда еще: въ разлукѣ, въ плѣну, въ обществѣ людей непросвѣщонныхъ, образъ ея, не покидая его, всегда стоялъ у него на стражѣ отъ всѣхъ искушеній. Сердце Густава помнило только одинъ даръ любви, привѣтъ однихъ глазъ, понимало только одно увѣреніе, которое, казалось ему, произносила Луиза своимъ волшебнымъ голосомъ: *Густавъ! сказать ли мнѣ, что я тебя люблю? Ты это давно знаешь!* Въ замѣнъ попеченій о немъ Паткуля, находившагося уже нѣсколько лѣтъ посланникомъ отъ россійскаго двора при королѣ польскомъ, не оставляли его благодѣянія скрытнаго генія, присылавшаго уже нѣсколько разъ извѣстія о Луизѣ: — «Луиза здорова. — При взятіи русскими Дерпта съ нею ничего худаго не случилось. — Есть вѣрныя извѣстія, что она васъ по прежнему помнитъ и любитъ. — Надѣйтесь!» Вотъ что писали къ нему въ разныя времена, услаждая такимъ образомъ грустное его изгнанничество. Рука была незнакомая. Сначала довольно поломалъ онъ себѣ голову, чтобы открыть, кто давалъ ему эти извѣстія; но впослѣдствіи оставилъ эту заботу, довольный, что есть человѣкъ въ Россіи, который желаетъ ему добра. Въ 1707 году прекратились вдругъ

свѣдѣнія о фамиліи Зегевольдъ. Истомившись въ надеждахъ на лучшую будущность и не видя имъ исполненія, онъ предался отчаянію. Все помрачилось въ его глазахъ: и природа, и люди. Въ первой, казалось ему, времена года измѣнили свой порядокъ, земля лишалась уже теплоты солнечной, отброшенная гнѣвомъ Провидѣнія въ низшую сферу міровъ. Человѣкъ представлялся ему существомъ несчастнѣйшимъ, пущеннымъ на эту земную глыбу для страданій. Неожиданное письмо, имъ полученное, сколько обрадовало его сначала почеркомъ руки, написавшей адресъ, столько же содержаніемъ своимъ переполнило чашу горести, поднесенную ему судьбою. Письмо было отъ двоюроднаго брата его.

«Немалаго труда стоило мнѣ сыскать случай доставить тебѣ это посланіе, милый братъ и другъ! — писалъ Адольфъ: — оно сдѣлаетъ большія извилины, пока дойдетъ до тебя. Но, завоевавъ этотъ случай золотымъ орудіемъ, не знаю, съ чего начать письмо. Голова моя идетъ кругомъ, сердце такъ преисполнено горести, досады, негодованія, что я не приберу для нихъ выраженій. *Суета суетъ и всяческая суета!* вотъ слова, которыя я, вѣтренникъ, каковымъ ты знавалъ меня, рѣдко заглядывавшій въ Священное Писаніе,

нынѣ твержу беспрестанно; вотъ слова, вырывающіяся у меня теперь изъ груди и служащія мнѣ якоремъ для утвержденія на нихъ моего посланія.

«Ты счастливъ! да, повторяю тебѣ, ты счастливѣе меня во сто разъ. Въ скучномъ изгнаніи своемъ, въ разлукѣ съ милыми сердцу, ты вознагражденъ любовью Луизы, о которой — прости мнѣ! — не могу говорить и до сихъ поръ безъ того, чтобы средь бѣла дня у меня въ глазахъ не мутилось и сердце не поворачивалось, какъ въ смоляномъ кипяткѣ. Ты знаешь, что прелестнѣйшая изъ женщинъ тебя любитъ; ты обладаешь еще благомъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ — надеждою! А я?... растерявъ свое сердце по всѣмъ дневкамъ нашихъ походовъ, убѣгая отечества, раззореннаго и едва ли не завоеваннаго русскими, убѣгая мѣстъ, гдѣ каждый шагъ напоминалъ мнѣ стыдъ нашего оружія, ѣду въ главную армію, чтобы отдохнуть хотя среди побѣдъ моего короля и славы шведовъ — и чтожъ? какъ будто нарочно, пріѣзжаю къ цѣли своихъ желаній для того только... Ты знаешь, что я не трусливаго десятка, видалъ довольно хладнокровно смерть въ разныхъ ея карикатурныхъ образахъ на поляхъ битвъ; но, собираясь начертать тебѣ роковыя

слова, дрожу, какъ въ лихорадкѣ, и не могу совладѣть съ перомъ... Дай мнѣ настроить свои силы, чтобы приступить къ ужасному описанію; собери и ты все присутствіе своего духа, чтобы читать его. Начну издалека и опять обопрусь на якорѣ священныхъ словъ: *суета суетъ и всяческая суета!*

«Послѣ письма, которое я старался доставить тебѣ надежными путями, и въ которомъ описывалъ подробно все, со мною, или, лучше сказать, съ нами случившееся съ того времени, какъ мы разстались *), заключонъ я былъ въ Дерптѣ до взятія его русскими. Лифляндцы отстаивали крѣпость, какъ любовникъ милую ему особу отъ нападеній соперниковъ; однакожъ не устояли противъ множества осаждавшихъ, личнаго мужества и искусства вѣнчаннаго героя. Да, милый другъ, и я теперь скажу: Петръ герой истинный! Гарнизонъ, по условію, долженъ былъ выйдти изъ крѣпости безъ знаменъ и оружія; но великодушный побѣдитель, уваживъ въ непріятеляхъ необыкновенное мужество, съ которымъ они противились ему, возвратилъ офицерамъ шпаги и третьей ча-

---

*) Письмо это не было доставлено Густаву по причинамъ, неизвѣстнымъ автору.

сти солдатъ ихъ ружья. Признаюсь, такой поступокъ отъ повелителя дикихъ народовъ тронулъ, восхитилъ меня. Я смотрю теперь на Петра другими глазами, безъ предубѣжденія, которое мы привыкли питать къ нему.

«Пріѣхавъ въ главную армію, я засталъ короля на торжественной колесницѣ, отнимающаго вѣнцы и раздающаго ихъ. Все трепетало имени шведскаго. Чтожъ изъ этого для нашего отечества? думали лифляндцы, и по прежнему шли проливать свою благородную кровь за упрямство короля.

«Августъ, скитаясь изгнанникомъ по Польшѣ, старался малодушными жертвами умилостивить побѣдителя: преклонивъ колѣна, онъ молилъ о пощадѣ. Карлъ требовалъ, чтобы противникъ его навсегда отказался отъ польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго и — кто бъ помыслилъ, чтобы завоеватель царствъ, дарившій ихъ, какъ игрушки, жадничалъ болѣе всего пріобрѣтенія одного человѣка?—онъ потребовалъ выдачи Паткуля. Министры Августовы не любили нашего дяди за его рѣзкій, благородный до излишней смѣлости характеръ, и особенно за то, что онъ, бывъ преданъ выгодамъ своего новаго государя, Петра I, всегда предупреждалъ козни поляковъ противъ

него. Это былъ громъ, заставлявшій грѣшниковъ перекреститься. Самъ Августъ видѣлъ въ Паткулѣ зоркаго, неподкупнаго соглядатая всѣхъ своихъ дѣйствій, слабыхъ, двусмысленныхъ и не всегда благородныхъ. Его польско-саксонское величество имѣло крѣпко на сердцѣ, что посланникъ при дворѣ его потребовалъ отъ него нѣкогда отчета въ *субсидныхъ* деньгахъ, присланныхъ вѣрнымъ союзникомъ и употребленныхъ королемъ на подарки разнымъ женщинамъ; онъ зналъ также, что Паткуль слѣдилъ всѣ намѣренія его сблизиться съ Карломъ и своею политикою мѣшалъ этому сближенію. Однимъ словомъ, Паткуль былъ пожертвованъ малодушію Августа, зависти и недоброжелательству его министровъ и мщенію Карла.

«Все, что будешь читать теперь, почерпнуто изъ слѣдственнаго дѣла, находившагося у меня въ рукахъ, и изъ свѣдѣній, изустно мнѣ переданныхъ лицами, разыгрывавшими ужасное происшествіе, какому не было еще примѣра. Многое, что описываю, видѣлъ я собственными глазами.

«Оставивъ неудачное командованіе надъ русскими войсками въ Польшѣ, Паткуль находился то въ Дрезденѣ, то ѣздилъ въ Берлинъ. Возвратясь изъ Пруссіи къ саксонскому двору, въ занятіяхъ литературныхъ находилъ онъ сладостный

отдыхъ отъ трудовъ политическихъ. Какъ бы предчувствуя скорый конецъ своего бурнаго поприща, онъ написалъ нѣсколько сочиненій, служащихъ къ оправданію его дѣйствій съ того самаго времени, какъ избранъ былъ ходатаемъ за права своихъ соотечественниковъ у престола шведскаго. Хиромантія, которую, какъ извѣстно тебѣ, любилъ этотъ необыкновенный человѣкъ, похищала также не мало времени изъ жизни столько дѣятельной, которая бы могла быть столько полезною для его отечества, если бы своекорыстные разсчеты одного короля и мщеніе другаго не отняли его у нашей бѣдной Лифляндіи. Наконецъ, на 42-мъ его году Гименей готовился поднести ему самый роскошнѣйшій цвѣтокъ, какой родился въ садахъ міра: прелестная саксонка Ейнзидель уже съ кольцомъ обручальнымъ отдала ему свое сердце. Между тѣмъ коварная судьба, усмѣхаясь, точила свои орудія на жертву, которую за нѣсколько часовъ сама окружила всѣмъ очарованіемъ земнаго счастія. 19-го декабря*) 1705 года, въ 11 часовъ вечера, только что успѣлъ онъ лечь въ постель и уснуть, вѣроятно, съ пріятными грезами, исполнители власти, слишкомъ малодушной

---

*) Нов. ст.

и несправедливой, чтобы дѣйствовать днемъ, вторгаются въ квартиру нашего дяди, будятъ его безъ всякой жалости и снисхожденія, обыкновенно въ этомъ случаѣ оказываемыхъ даже преступникамъ, не даютъ ему времени одѣться и за строгимъ карауломъ увозятъ его въ крѣпость Зонненштейнъ. Тамъ бросаютъ его за желѣзную рѣшотку и оставляютъ нѣсколько дней безъ пищи. Бумаги его запечатаны; секретари, кромѣ Никласзона, умѣвшаго и на этотъ разъ выпутаться изъ бѣды, и служители заключены также по разнымъ отдѣленіямъ крѣпости. Одинъ Фрицъ, обреченный еще разъ служить его избавленію, находился въ то время, по дѣламъ своего господина, въ Берлинѣ. Слухъ о необыкновенномъ заточеніи посланника бѣжалъ скоро по всѣмъ дорогамъ и встрѣтилъ вѣрнаго служителя на возвратномъ пути его. Онъ прибылъ-таки въ Дрезденъ, но, укрываясь у друзей своего господина, посвятилъ всего себя его спасенію. Взялась содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ—кто? какъ бы ты думалъ?—дочь пастуха! Да, любезнѣйшій другъ, теперь только узналъ я, что можетъ женщина, которая *любитъ!*... Это дивное созданіе, передъ которымъ все возвышенное, все благородное, должно пасть на колѣна, швейцарка Роза. Дочь бѣднаго пастыря, вызван-

ная вмѣстѣ съ отцомъ своимъ изъ Альпійскихъ горъ, гдѣ Паткуль укрывалъ нѣкогда свою изгнанническую голову, она имѣла несчастіе предаться всею душою этому обольстительному сыну рока. Отца, родину, долгъ, промѣняла она на любовь; весь свой міръ вмѣстила въ немъ въ одномъ. Когда Роза, вмѣстѣ съ отцомъ, возвращалась съ мызы Блументростовой въ Швейцарію, и когда узнала, что онъ ни за что не рѣшается идти въ Дрезденъ, гдѣ любовникомъ ея назначено ей было свиданіе, она бросила старика и понесла свои великія жертвы къ ногамъ своего идола. Одинъ взглядъ любви заставилъ бы Розу все забыть, кромѣ этой любви. Каковъ же былъ для нея ударъ, когда она съ трепетомъ сердечнымъ, съ мечтами о сладостной наградѣ, прибывъ въ Дрезденъ, узнала на порогѣ Паткулеваго жилища, что онъ сговоренъ на Ейнзидель! Эта вѣсть была для нея ударомъ громовымъ. Нѣсколько дней ходила она, какъ полуумная, безъ сна, безъ пищи; мальчишки начали бросать въ нее грязью, привѣтствуя ее именемъ дурочки; сострадательныя сердца готовились пристроить ее въ домъ умалишонныхъ. Вѣсть о несчастіи Паткуля оживила ее; все къ ней возвратилось: разсудокъ, силы тѣлесныя и душевныя, воля все побѣждающая — воля любви. Пре-

красная Ейнзидель долго плакала по женихѣ своемъ (говорятъ, что она и теперь не замужемъ!), Роза дѣйствовала. Давши руку Фрицу на жизнь и смерть для спасенія человѣка, имъ столь драгоцѣннаго, она не словами, а дѣломъ начала доказывать свои чувства. Никласзонъ взялся также имъ помогать, какъ онъ говорилъ, въ изъявленіе признательности за великія благодѣянія, оказанныя ему Паткулемъ.

«Труды ихъ не остались тщетными. Роза умѣла, подъ видомъ торговки сыромъ, пробраться въ крѣпость, найти доступъ къ коменданту и наконецъ къ затворнику. При свиданіи съ Паткулемъ, она забыла его вины; благодарность, казалось, возвратила ей любовь друга, но это была только благодарность. На груди Розы несчастный вздыхалъ объ Ейнзидель. Комендантъ, изъ сожалѣнія ли къ своему плѣннику, или задаренный деньгами, началъ обходиться съ нимъ милостивѣе и даже позволилъ вести переписку съ довѣренными ему особами. Слѣдствіемъ ея были жаркія представленія посланчиковъ разныхъ дворовъ саксонскому курфирсту, въ томъ числѣ князя Голицына, объ оскорбленіи, нанесенномъ государямъ ихъ въ лицѣ представителя русскаго монарха. Августъ боялся Петра, боялся мнѣнія свѣта, и потому колебался

было освободить своего плѣнника; но испуганный новыми побѣдами Карла, оставилъ по прежнему Паткуля въ заключеніи. Переписка открыта; плѣнникъ переведенъ въ Кенигштейнъ подъ строжайшій присмотръ, а человѣколюбивый комендантъ зонненштейнскій казненъ. Мщеніе не извиняетъ жалости.

«Ты слыхалъ, что такое Кенигштейнъ: твердыня на скалѣ неприступной, куда нога непріятельская никогда не клала своего слѣда и, вѣроятно, никогда не положитъ. И туда умѣли пробраться любовь Луизы и вѣрность Фрица. Разсказываютъ, что комендантъ кенигштейнскій, не смотря на ужасный примѣръ, въ его глазахъ совершенный, склонился было за тельца золотаго освободить нашего дядю, но что Паткуль слишкомъ понадѣялся на заступленіе Петра, на важность своего сана и великодушіе Августа—и отказался купить себѣ свободу цѣною денегъ.

«Однажды, въ часъ свиданія, дорого купленный, Роза приноситъ плѣннику письмо—отъ кого, думалъ бы ты?—отъ Ейнзидель. Роза поймала въ глазахъ своего друга желаніе и спѣшила исполнить его; сходила въ Дрезденъ, объявила невѣстѣ Паткуля, что нѣсколько строкъ ея руки утѣшатъ затворника, получила отъ нея письмо, несла

нѣсколько миль свинцовое бремя у сердца своего и эту новую жертву положила къ ногамъ своего кумира, чтобы въ глазахъ его прочесть себѣ награду. Я не прибавляю ничего; слова недостаточны для изъясненія этого подвига: твое сердце оцѣнитъ его!...

«Бывъ въ свитѣ нашего короля, я узналъ о заточеніи дяди только въ Гутсдорфѣ, гдѣ Карлъ и Августъ имѣли свиданіе на квартирѣ нашего министра Пипера. Не думай, чтобы два соперника, столь различные однакожъ своимъ положеніемъ, сошлись такъ близко для бесѣды о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. Карлъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, началъ разговоръ своими сапогами, продолжалъ сапогами и кончилъ ими же. Не смотря, что рѣчь шла только о ногахъ, Августъ долженъ былъ снять съ головы корону и, скрѣпя сердце, поздравить съ нею новаго польскаго короля, указаннаго мечомъ побѣдителя. Этимъ свиданіемъ рѣшена и передача нашего дяди въ полное расположеніе Карла. Я попытался просить его величество о помилованіи; но онъ былъ неумолимъ. Сѣверный левъ не могъ удержать своего восторга, что поймалъ жертву, столь долго издѣвавшуюся надъ его силою; онъ рѣшился продлить еще на нѣсколько времени

жизнь ея, чтобы насладиться долѣе своимъ мщеніемъ. Повѣришь ли, какъ былъ низокъ великій Карлъ XII въ эти минуты!... Если попадутся его величеству эти строки, пускай насытитъ онъ вновь жажду крови надъ благороднымъ лифляндцемъ, не разъ проливавшимъ ее за него.

(Здѣсь рукою Карла XII написано было: *Читалъ и велѣлъ доставить письмо по адресу. Траутфеттеръ — не Паткуль.*)

«Отрядъ шведскій подъ начальствомъ двухъ лифляндцевъ (барона Ротгаузена и капитана Стакельберга) принялъ въ свое завѣдываніе Паткуля и отвелъ его въ Рейхардстриммъ, гдѣ находилась шведская главная квартира. Королевское мщеніе, поручивъ надзоръ за плѣнникомъ лифляндцамъ, казалось, хотѣло посмѣяться надъ отечествомъ нашимъ. Бѣдная Лифляндія! Мало тебѣ, что за твою вѣрность предали тебя огню и мечу непріятельскому; надъ тобою еще безстыдно ругаются. Но — Богъ милостивъ: часъ твоего избавленія наступаетъ.

«Другъ мой! я видѣлъ *его* — сердце замираетъ отъ одного воспоминанія этого зрѣлища — я видѣлъ благороднѣйшаго изъ лифляндцевъ, прикованнаго къ позорному столбу. Капитанъ дежурный не могъ отказать мнѣ въ свиданіи; но легче бъ

мнѣ было не испрашивать его. Страданія истомили тѣло несчастнаго; онъ походилъ на мертвеца; ржавчина желѣзъ въѣлась въ его руки; но какой сильный духъ еще нъ немъ обиталъ! Рыдая, палъ я въ его объятія. — «Другъ мой! — сказалъ онъ: — ты плачешь, увидя меня въ такомъ положеніи. Знаешь ли, что эти цѣпи — мое торжество? Это обрывокъ тѣхъ цѣпей, которыми я опуталъ вашего Карла и подъ которыми онъ скоро изнеможетъ. Звукъ ихъ — прибавилъ онъ, гремя желѣзами — есть отголосокъ міра, приговоръ потомства несправедливой власти. Свѣтъ былъ ослѣпленъ на счотъ Карла XII: я доказалъ, что можно его побѣдить; мой плѣнъ открылъ глаза свѣту. Слава его пала навсегда — навсегда! не воскресятъ ее тысячи побѣдъ. Напротивъ, моя возвышается этимъ униженіемъ, этими цѣпями; онѣ говорятъ сильнѣе за меня, нежели само предстательство Петра Великаго и дворовъ европейскихъ. Впрочемъ, я не потерялъ еще надежды... Да! голосъ Великаго не ходатайствуетъ нигдѣ вотще! Но если погибну жертвою мщенія, то завѣщаю будущимъ вѣкамъ позоръ Карла XII и величіе моихъ несчастій. Лифляндія! о мое отечество! я желалъ тебѣ добра: безкорыстный защитникъ твоихъ правъ это доказалъ; я желаю тебѣ

добра!—будутъ послѣднія слова, которыя произнесу, умирая за тебя.

«Несчастный говорилъ много, съ необыкновенною силой и жаромъ, глаза его горѣли, грудь сильно поднималась. Звуки цѣпей, по временамъ потрясаемыхъ, казались мнѣ громовыми текстами, которымъ онъ придавалъ своей проповѣди особенную силу. Вдругъ, посреди его движеній, суставъ на одной рукѣ его отъ худобы хрустнулъ, кисть сдвинулась съ мѣста. — «Другъ мой! — сказалъ онъ довольно твердо:—справь мнѣ руку, по-солдатски. Это не первый разъ!» Скрѣпя сердце, я взялъ на себя должность костоправа и помогъ несчастному, сколько умѣлъ. — «Какъ тѣло немощно! прибавилъ онъ: одно легкое движеніе измѣняетъ его; но духъ — о! его перенесу я съ земли къ ногамъ Творца моего въ цѣлости, въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его отъ Творца!..» Потомъ разспрашивалъ онъ меня долго о тебѣ, о Луизѣ! присовокупилъ, что онъ не будетъ спокоенъ и на томъ свѣтѣ, если твоя судьба не устроится по обѣщанію его и твоему желанію.— «Густавъ любитъ такъ много и равно любимъ»— сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ. «Мнѣ писали, что одна особа, близкая царю, продолжаетъ устраивать его счастіе. Ахъ! и я думалъ наслаждаться

подобнымъ счастіемъ!... Другъ мой! если будешь въ Дрезденѣ, скажи моей Ейнзидель, что я, умирая, думалъ о ней, что у позорнаго столба.... Нѣтъ, нѣтъ, не говори послѣдняго! Робкая любовь ея вообразитъ себѣ всѣ ужасы моего положенія, и Паткуль предстанетъ ей въ видѣ презрѣнномъ, ужасномъ... Презрѣніе!... Мысль объ этомъ чувствѣ поворачиваетъ вверхъ-дномъ все мое существо. Страсть, дружба, не боятся такого зрѣлища; но его испугается чувство, воспитанное въ нѣгѣ, въ роскоши придворной, окружонное лучами славы и удовольствій. Скажи только моей невѣстѣ, что ея воспоминаніе обо мнѣ усладитъ послѣднія минуты моей жизни.» Изъ глазъ несчастнаго закапали слезы на изсохшую грудь его и оттуда пали на желѣзо. Я плакалъ съ нимъ вмѣстѣ.

«Голосъ дежурнаго офицера прекратилъ нашу бесѣду. Насъ разлучили. — При выходѣ изъ сарая (нельзя иначе назвать мѣсто, гдѣ содержался Паткуль), я встрѣтилъ добраго Фрица и подлѣ него увидѣлъ Розу—можно было угадать сейчасъ это дивное твореніе. Она сидѣла на голой землѣ, сложивъ голову на грудь и потупивъ томные взоры туда, гдѣ душа оставляетъ навсегда свои тѣлесныя оковы. Повѣришь ли, милый другъ, что

она съ Фрицомъ откупала себѣ мѣсто подлѣ тюрьмы или большими деньгами, или трудами, не свойственными ея полу? Присовокупи къ этимъ жертвамъ грубыя ласки и насмѣшки солдатчины... Какъ скоро имя дяди нашего коснулось ея слуха, она встрепенулась, начала ловить въ глазахъ моихъ чувство, которое я несъ изъ заточенія несчастнаго, и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ нашему разговору. Видно, что сильная любовь особенно изощряетъ чувства; ибо нѣкоторыя слова, сказанныя мною такъ тихо, что старикъ, подлѣ меня стоявшій, едва могъ ихъ слышать, отпечатывались вѣрно на лицѣ ея. Прелестное душой и тѣломъ твореніе! ты достойна была бъ лучшей участи.

—«Фрицъ намекнулъ мнѣ о надеждѣ... Высшая власть уже приговорила Паткуля къ казни; между тѣмъ, для обряда, желая казаться справедливою, приказала военному суду заняться процессомъ несчастнаго. Можно было заранѣе угадать, какое зрѣлище послѣдуетъ за этой комедіей!...

«Изъ Саксоніи вывезли Паткуля въ закрытой повозкѣ, въ которой проверчено было нѣсколько скважинъ для воздуха. 30 солдатъ генерала Мейерфельда полка, состоявшаго изъ однихъ лифляндцевъ, прикрывали его путешествіе въ Поль-

шу. 27-го сентября долженъ былъ печальный поѣздъ прибыть въ Казиміръ, гдѣ 30-го числа назначено колесовать несчастнаго.

«На другой день по прибытіи Паткуля въ Казиміръ, гдѣ онъ былъ заключонъ въ городовую тюрьму, полковой священникъ, магистръ Гагенъ, получивъ тайное повелѣніе приготовить его къ смерти, пришолъ къ нему въ 3 часа пополудни. Явленіе духовной особы разъяснило несчастному его судьбу. — «Я пришолъ утѣшить васъ дарами Священнаго Писанія» — сказалъ Гагенъ. — «Благодарю васъ, отецъ мой! — отвѣчалъ Паткуль дрожащимъ голосомъ, взявъ его за руку: — съ этимъ вмѣстѣ несете вы мнѣ, конечно, другія важныя вѣсти». — Гагенъ поклонился офицеру, тутъ же находившемуся, шепнулъ ему что-то на ухо и, когда онъ вышелъ, обратился съ чувствомъ и твердостью къ дядѣ нашему: — «Выслушайте отъ меня, благороднѣйшій господинъ, то, что произнесъ нѣкогда пророкъ Исаія царю Езекію: *устрой свой домъ, ибо ты долженъ умереть* и до вечера завтрашняго жъ дня оставить міръ сей.» — Эта вѣсть, казалось, поразила узника, не терявшаго до сего времени надежды; онъ бросился на постель и плакалъ. Но это малодушіе было только мгновенною данью природѣ.

Вскорѣ успокоился онъ, присѣлъ на скамейку къ пастору и съ краснорѣчіемъ, ему свойственнымъ, излилъ передъ нимъ оправданіе своей политической жизни. — «Несправедливая редукція и личная ненависть временщика, Гастфера, вотъ мое преступленіе! — говорилъ онъ: — Швеція упрекаетъ меня, что я пошолъ служить ея непріятелямъ. Но оставилъ ли я ее, счастливый, въ честяхъ, съ насмѣшками и угрозами? Я бѣжалъ изъ нея, какъ изгнанникъ, спасая свою голову. Куда было дѣваться мнѣ? не въ землю жъ укрыться! По вѣрѣ своей, и въ монастырѣ не могъ я найдти убѣжища. Я все употребилъ, чтобъ умилостивить двухъ королей; но мою преданность, мою покорность презрѣли. Не этого хотѣла самолюбивая власть: она хотѣла примѣрно наказать меня за то, что я осмѣлился возвысить предъ нею голосъ на защиту правъ моего отечества, что я вздумалъ изобличить несправедливость ея избранныхъ и ея самой. Въ позорѣ и смерти моей видѣла она свое личное торжество и униженіе смѣлой истины... »— Здѣсь духовникъ прервалъ Паткуля, напомнивъ ему, что не время заниматься дѣлами земли. Осужденный съ жаромъ взялъ руку Гагена и сказалъ: — «Дайте мнѣ малый срокъ заплатить дань земному; послѣ того не услышите отъ меня ни

слова о презрѣнныхъ вещахъ здѣшняго міра.»— Паткуль говорилъ еще о своихъ услугахъ прусскому королю и римскому императору; говорилъ, сколько тысячъ талеровъ роздалъ онъ шведскимъ плѣннымъ въ Москвѣ, разразился негодованіемъ на малодушіе Августа и наконецъ, почитая себя оправданнымъ въ своей политической жизни, отпустилъ духовника до ближайшаго свиданія.

Въ 7 часовъ вечера Гагенъ посѣтилъ опять узника. На этотъ разъ засталъ онъ его совершенно успокоеннымъ. — «Добро пожаловать! — сказалъ Паткуль съ веселымъ видомъ. — Вы, какъ ангелъ Божій, приходите къ затворнику. Съ сердца моего спало тяжолое бремя; я чувствую въ себѣ большую перемѣну. Радуюсь, что долженъ умереть: неволя мучительнѣе смерти! Лишь бы смерть была скорая!... Не знаете ли, къ чему я приговоренъ?»—Гагенъ отвѣчалъ, что приговоръ остается для него тайною и только извѣстенъ высшему начальнику. — «Ахъ! и это почитаю милостью! — воскликнулъ несчастный. — По крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ ли мнѣ судебнымъ порядкомъ допросы?» — «Думаю — возразилъ магистръ — что вамъ *все* объявятъ на лобномъ мѣстѣ.» — Послѣ этихъ нерѣшонныхъ вопросовъ, осужденный занялся съ нимъ духовной бесѣдой. — «Пу-

темъ терновымъ должны мы идти въ царство небесное — говорилъ онъ. — Я увѣренъ, что страданія міра сего ничтожны въ сравненіи съ блаженствомъ, ожидающимъ насъ за предѣлами гроба.»

«На предложеніе духовника сдѣлать передъ смертью какое-либо письменное распоряженіе, дядюшка попросилъ бумаги и приборъ для письма, и когда подали ему то и другое, продиктовалъ Гагену духовное завѣщаніе, которымъ отказывалъ третью часть своего движимаго имущества*) вѣрному и преданному секретарю Никласзону; другую часть назначалъ на выкупъ родоваго имѣнія въ Лифляндіи съ тѣмъ, чтобы оно перешло къ ближайшимъ наслѣдникамъ завѣщателя, а остальную часть — ты отгадаешь, любезный другъ, что онъ не забылъ насъ въ этомъ случаѣ. Подписавъ завѣщаніе и передавъ его духовнику, онъ задумался; потомъ глубоко вздохнувъ и качая головой, произнесъ: — «Да, да! въ отечествѣ своемъ и на чужбинѣ Паткуль имѣетъ друзей, которые бу-

---

*) Почти все имущество его находилось въ долгу за Августомъ, который никогда не думалъ уплатить его. Не мудрено, что этотъ долгъ служилъ однимъ изъ низкихъ побужденій выдать Паткуля.

дутъ жалѣть о немъ. Что скажетъ о моей смерти старая курфирстина и... (со слезами на глазахъ договорилъ онъ) моя бѣдная невѣста?... Ради Бога, отецъ мой, передайте Амаліи Ейнзидель мой предсмертный поклонъ... Обѣщаете ли?» Магистръ далъ слово выполнить его желаніе. (О Розѣ не было слова; но въ тайной исповѣди его грѣховъ эта несчастная жертва, конечно, заняла первое мѣсто). Тутъ узникъ не безъ труда убѣдилъ своего духовника, въ знакъ благодарности за усердное напутствованіе изъ этой жизни въ другую, принять отъ него сто червонныхъ и сверхъ того подарилъ ему рѣдкое изданіе Ветхаго Завѣта, которое, какъ онъ изъяснился, было лучшимъ его утѣшеніемъ въ чорные дни его жизни. Побесѣдовавъ еще о разныхъ благочестивыхъ предметахъ, дядюшка изъявилъ желаніе успокоиться.— «Мнѣ нужно сномъ подкрѣпить тѣло свое — сказалъ онъ: — завтра долженъ я бодрствовать.» Духовникъ оставилъ его одного.

Продолженіе письма было написано не рукою Адольфа; вотъ его содержаніе:

«Милостивый Государь!

«Нѣтъ нужды сказывать вамъ мое имя; оно покуда останется для васъ тайною. Довольно вамъ знать, что я пріятель вашего брата, что онъ, бывъ

неожиданно потребованъ королемъ, съ которымъ и отправился въ Польшу, не успѣлъ, по этому случаю, кончить письмо свое къ вамъ и просилъ меня сдѣлать это вмѣсто него. Исполняю волю вашего брата; продолжаю его повѣствованіе, и сказанными путями отправляю письмо къ вамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, когда духовникъ вышелъ отъ Паткуля, Никласзонъ тихими стопами вошолъ къ нему и открылъ, что преданные ему все приготовили къ его спасенію. Эта неожиданная вѣсть сначала перепугала Паткуля: совсѣмъ приготовясь къ смерти, стоя уже одною ногой на порогѣ гроба, онъ, казалось, неохотно возвращался назадъ. Но друзья его сдѣлали такія большія пожертвованія, жизнь взглянула ему въ лицо очаровательными глазами Ейнзидель, ведя за собою столько радостей; насмѣшка надъ властолюбіемъ Карла еще льстила ему такъ много, что онъ согласился съ волею своихъ друзей.

— Буду готовъ! сказалъ Паткуль, отпуская своего бывшаго секретаря, и жизнь съ мечтами любви и честолюбія разыгралась снова въ этой пламенной душѣ.

Выше объяснено, что мейсрфельдскій полкъ состоялъ весь изъ лифляндцевъ. Негодованіе и сожалѣніе одушевили ряды ихъ; многіе изъ нихъ

громко вопіяли противъ жестокости короля; во всю дорогу изъ Саксоніи до Казиміра оказываемо было плѣннику снисхожденіе разнаго рода; друзьямъ его позволено съ нимъ видѣться и бесѣдовать; изъ скважинъ въ его повозкѣ подѣланы окна; пища давалась ему самая вкусная: дорогой онъ видимо оправился. Наконецъ составленъ заговоръ спасти осужденнаго; но какъ все еще ожидали милости королевской, о которой доходили слухи во время путешествія, то и отложили привесть этотъ заговоръ въ исполненіе уже по прибытіи въ Казиміръ.

Все слажено къ вечеру 29-го. Въ этотъ роковой вечеръ должна рѣшиться судьба Паткуля.

Вотъ планъ заговора: Роза каждое утро и вечеръ посѣщаетъ заключоннаго; ее пропустятъ по обыкновенію. За корсетомъ у ней двѣ пилы: одною рушатся желѣзы на плѣнникѣ, другою — слабая рѣшотка изъ двухъ связей у окна тюремнаго. Бечовку, которую она прикрѣпитъ подъ свое платье, спустятъ въ окно. Внизу, у стѣнъ тюремныхъ, Фрицъ привяжетъ къ концу бечовки веревочную лѣстницу. Бойкія лошади разставлены, гдѣ нужно; дежурный офицеръ, неподкупный ни съ какой стороны, уподчиванъ виномъ. Стража, которая, по расчисленію времени, должна стоять у дверей Паткулевой комнаты и подъ окномъ ея, у стѣнъ

тюремныхъ, предалась всею душою заговорщикамъ. Побѣгъ обеспеченъ: Никласзонъ устлалъ дорогу червонцами.

Главное дѣло должна совершить Роза. Приступая къ нему, она падаетъ на колѣна и, поднявъ къ небу полные слезъ глаза, молитъ Бога объ успѣхѣ. — «Дай мнѣ спасти его! — восклицаетъ она, — и потомъ я умру спокойно! Мнѣ, мнѣ будетъ мой Фишерлингъ обязанъ своимъ спасеніемъ; онъ вспомнитъ обо мнѣ хоть тогда, когда меня не станетъ; онъ скажетъ, что никто на свѣтѣ не любилъ его, какъ я!»

Было къ 9 часамъ вечера. Роза подходитъ къ тюрьмѣ; сердце у ней бьется необыкновенно. Она сказываетъ пароль стражѣ у входа; ее пропускаютъ. Но въ караульнѣ на встрѣчу ей дежурный капитанъ, исполинъ, плечистый, рыжеволосый, отекшій отъ вина. Огонь, горѣвшій въ сальной плошкѣ, бросалъ полусвѣтъ кругомъ себя и только изрѣдка, забравъ вдругъ пищи въ свѣтильню, ярко вспыхивалъ. Тогда выставлялись ломанными чертами то изувѣченное въ бояхъ лицо ветерана, изображавшее охужденіе и грусть, то улыбка молодаго его товарища, искосившаго сладострастный взглядъ на обольстительную дѣвушку, то на полномъ, глупомъ лицѣ рекрута страхъ ви-

дѣть своего начальника, а впереди гигантская, пьяная фигруа капитана, поставившаго надъ глазами щитомъ огромную, налитую спиртомъ руку, чтобы видѣть лучше предъ собою, и наконецъ посреди всѣхъ блѣдное, но привлекательное лицо швейцарки, рѣзко выходившее изо всѣхъ предметовъ своими полуизмятыми прелестями, страхомъ и нетерпѣніемъ, толпившимися въ ея огненныхъ глазахъ, и одеждою, чуждою странѣ, въ которой происходила сцена. Но когда свѣтъ въ плошкѣ, ослабѣвая, трепеталъ, какъ крылья приколотой бабочки, тогда всѣ фигуры погружались въ какую-то смѣшанную, уродливую группу, которая представляла скачущую сатурналію и надъ нею господствующую широкую тѣнь исполина-капитана.

— Милости просимъ, милости просимъ, залетная райская пташка!—сказалъ онъ, устремивъ на дѣвушку помутившіеся взоры:—что къ намъ послѣ зари попало въ западню, то наше по всѣмъ правамъ.... Чортъ меня побери, да я такой красотки давно не видалъ!

— Ваше благородіе!—сказала Роза голосомъ, въ которомъ выражались смущеніе и боязнь подпасть гнѣву ея властителя—позвольте мнѣ къ за-

ключонному.... вамъ извѣстно.... я, презрѣнная тварь, люблю.... связи давнишнія....

— Ого! знаемъ всѣ ваши шашни! прервалъ, смѣясь во все горло, капитанъ. Только-что вышелъ отъ превосходительнаго нашего арестанта цѣлитель душъ, какъ является врачъ.... Гмъ! гмъ! Ну, конечно, оно легче отправляться на тотъ свѣтъ. Чтобы меня самый главный изъ чертей, баронъ, графъ, князь-чортъ заполонилъ, коли я лгу! Если бы мнѣ пришлось знать свою смерть за нѣсколько часовъ, я сдѣлалъ бы на оборотъ.

— Вы такъ добры, вы такъ милостивы.... говорила Роза, сложивъ свои руки въ видѣ моленія. Она стояла на раскаленыхъ угольяхъ; но сойти съ нихъ не было возможности. Своевольный капитанъ, стащивъ съ нея неосторожно косынку, положилъ широкую, налитую виномъ руку свою на плечо дѣвушки, бѣлое, какъ выточенная слоновая кость. Это былъ прессъ, изъ-подъ котораго трудно было освободиться.

— Ну, превосходительная, поцалуй за пропускъ....

Каждый мигъ дорогъ; разсуждать некогда — Роза исполнила волю пьянаго деспота, и думая, что этимъ умилостивила его, сдѣлала движеніе впередъ; но геркулесъ нашъ обнялъ дѣвушку такъ

крѣпко, что пилы, бывшія на ней, вонзились въ грудь и растерзали ее.

Роза вздрогнула, выдираясь изъ объятій капитана. Адъ былъ въ груди ея; но она выдавила улыбку на свое лицо, называла мучителя милымъ, добрымъ господиномъ, цаловала его поганыя руки.

— А вотъ сейчасъ, касаточка! Не думай однакожъ, чтобы прелести твои насъ такъ ослѣпили, что мы забыли службу его королевскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго.... Чортъ побери, не несешь ли чего запрещоннаго колоднику?

У стѣнъ тюремныхъ раздался съ тремя перерывами голосъ часоваго: это былъ знакъ, что все изготовлено Фрицомъ. А Роза еще ничего не сдѣлала! Она затрепетала всѣмъ тѣломъ; изъ раны на груди кровь забила ключомъ. Не смотря на свои страданія, она старалась оправиться и отвѣчала довольно твердо: —Развѣ я полоумная! развѣ мнѣ висѣлица мила?

— О! мы не допустимъ до чужихъ зубковъ такое сладкое яблочко. Мы, понимаешь... по военному регламенту.... пунктъ.... (Капитанъ приставилъ толстый перстъ къ своему лбу) дьяволъ побери всѣ пункты! ихъ столько вертится въ глазахъ моихъ.... Гей! капралъ! по которому?...

— Нашъ регламентъ приказъ начальника!—отвѣчалъ браво усастый капралъ.

— Славно отвѣчалъ! Люблю молодца. Ну!...

Капитанъ показалъ головою и рукой, чтобы раздѣли швейцарку.

— Позвольте-жъ, я сама.... перервала Роза, отталкивая перваго, подошедшаго къ ней солдата, сѣла проворно на скамью, скинула башмакъ, потомъ чулокъ.... онъ былъ въ крови!

— Кровь, ваше благородіе! — закричалъ солдатъ.

— Кровь! кровь! — подтвердилъ, качая головой, капитанъ: — что это такое?

— Вотъ видите,—отвѣчала запинаясь Роза,— у меня проволока.... по нашему швейцарскому обычаю, въ корсетѣ.... а вы господинъ, Богъ вамъ судья! такъ крѣпко меня обняли.... Ахъ! сжальтесь, ради Создателя, сжальтесь....

— Фуй! пропустить ее!—заревѣлъ капитанъ, и Роза, помня только о спасеніи милаго ей человѣка, бросилась, босая на одну ногу, въ двери, которыя вели, черезъ корридоръ, въ комнату Паткуля.

Въ корридорѣ встрѣтили ее насмѣшки и проклятія нѣсколькихъ преступниковъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ. На ужасныхъ лицахъ ихъ

можно было читать ихъ злодѣянія. — Поищи правды! говорилъ одинъ душегубецъ: насъ морятъ съ голоду, а у Паткуля — чѣмъ онъ лучше насъ?... измѣнникъ!... у него безпрестанно пиры да банкеты! То летятъ сладкіе кусочки и стклянки, то шныряютъ пріятели, да дѣвки....

— Не тюрьма, а рай! — прибавилъ другой, разбойничавшій на большихъ дорогахъ: — эхъ, пріятель! давно говорятъ, что правда сгорѣла.

Роза мелькнула мимо этихъ проповѣдниковъ истины. Слово стражѣ у одной двери на концѣ корридора, и — въ комнатѣ Паткуля.

— Роза!... могъ только вымолвить несчастный отъ избытка и смѣси разныхъ чувствъ, поднявъ взоры и руку къ небу.

Награда ея была въ немъ самомъ; а онъ, неблагодарный, показывалъ на небо!...

Мысль о спасеніи помутила взоры Паткуля; онъ не замѣтилъ крови на ногѣ избавительницы своей. Роза имѣла предосторожность вытереть пилу, которую ему подала.

Онъ становится у окна, Роза — у ногъ его. Принимаются за работу. Пилы ходятъ усердно. Звено, прикрѣпленное къ одной ногѣ плѣнника, уже разрушено; распилена и одна связь въ окнѣ. Надежда придаетъ силъ Паткулю; онъ загибаетъ

конецъ связи и принимается за другую. Роза трудится также надъ другимъ звеномъ, обнявъ крѣпко ногу своего друга.

— Цсъ! говоритъ вполголоса Паткуль, дрожа всѣми членами: кажется, стража у дверей смѣняется!...

Сердце замираетъ у Розы; она боится пошевелиться; она вся претворилась въ слухъ.

Все тихо.

— Ничего!... тебѣ почудилось!... отвѣчаетъ она послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, облегчивъ грудь вздохомъ, и снова пилы живо ходятъ по желѣзу. Но тутъ работа идетъ медленнѣе: силы ея ослабѣли отъ труда, потери крови и страха опоздать.

Вдругъ двери тихонько отворились и затворились. Паткуль этого не видалъ; но Роза.... она видѣла, или ей показалось, что она видѣла....

— Это страхъ дѣйствуетъ! это мечта! думаетъ она, и пилитъ, сколько силъ достаетъ. Уже кольцо едва держится къ цѣпи. Она проситъ Паткуля рванутъ его ногою. Онъ исполняетъ ея волю; но звено не ломается. Роза опять за работу. У плѣнника пилка идетъ успѣшнѣе: другая связь въ окнѣ распилена; бичовка черезъ него заброшена; слышно, что ее поймали.... что ее привязываютъ....

Роза собираетъ послѣднія силы.... вотъ, пила то пойдетъ, то остановится, какъ страхомъ задержанное дыханье.... вотъ нѣсколько движеній — и....

— И сквозь полурастворенныя двери выставилась ужасная голова съ шрамомъ на лбу.... запрыгали сѣроголубые глаза... и разсыпался адскій хохотъ.... Потомъ?... потомъ молчаніе гроба!

— Измѣна! закричали подъ окномъ — то былъ голосъ Фрица — и вслѣдъ за тѣмъ послышался выстрѣлъ....

Ударили тревогу.

Узникъ остолбенѣлъ. Сердце Розы поворотилось въ груди, какъ жорновъ; кровь застыла въ ея жилахъ.... она успѣла только сдѣлать полуоборотъ головою.... въ какомъ-то безуміи устремила неподвижные взоры на дверь, раскрыла ротъ съ посинѣлыми губами.... одною рукою она обнимала еще ногу Паткуля, какъ будто на ней замерла; другую руку едва отдѣлила отъ звена, которое допиливала.... Въ этомъ положеніи она, казалось, окаменѣла.

— Ваше превосходительство! — произнесла сквозь полурастворенную дверь голова, на коей нѣжилась адская усмѣшка:—наемщикъ вашъ, негодяй, которому, на мызѣ г. Блументроста, за кров-

ные труды, обѣщали вы плюнуть въ лицо и утереть ногою, пришолъ поблагодарить васъ за милости ваши. Покорнѣйшій вашъ слуга платитъ вамъ свой долгъ съ процентами. Мы расквитались, прощайте!

Это говорилъ Никласзонъ, преданнѣйшій, вѣрнѣйшій, покорнѣйшій секретарь того, кто благодѣтельствовалъ ему на всю жизнь и еще недавно завѣщалъ треть своего имущества, наравнѣ съ своими племянниками.

Демонское лицо скрылось; но Паткуль, будто оглушонный громомъ, стоялъ все еще на одномъ мѣстѣ.

Стража съ офицеромъ, вновь наряженнымъ, вошла. Роза въ безуміи погрозила на нихъ пилою, и голосомъ, походившимъ на визгъ, заговорила и запѣла: «Тише!... не мѣшайте мнѣ... я пилю, допилю, друга милаго спасу.... я пилю, пилю, пилю....» Въ это время она изо всѣхъ силъ пилила, не желѣзо, но ногу Паткуля; потомъ зашаталась, стиснула его лѣвою рукою и вдругъ пала. Розу подняли.... Она.... была мертвая.

— Смерть! скорѣе смерть!—воскликнулъ Паткуль задыхающимся голосомъ; потомъ обратилъ мутные взоры на бѣдную дѣвушку, сталъ передъ ней на колѣна, бралъ попеременно ея руки, цѣловалъ то одну, то другую, и орошалъ ихъ сле-

зами.—«Я погубилъ тебя!—вскричалъ онъ:—я, второй Никласзонъ! Господи! Ты праведенъ; Ты взыскиваешь съ меня еще здѣсь. О другъ мой, твоя смерть вырвала изъ моего сердца всѣ чувства, которыя питалъ я къ другой. Роза! милая Роза! у тебя нѣтъ уже соперницы: умирая, я принадлежу одной тебѣ.»

Несчастному показалось въ этотъ мигъ, что теплота жизни заструилась въ рукѣ дѣвушки, что она судорожно пожала его руку.... Онъ хочетъ удержать эту теплоту своимъ дыханіемъ. Напрасно! Роза — умерла....

Офицеръ учтиво подошолъ къ Паткулю и сказалъ ему:—Позвольте мнѣ исполнить свою должность—и потомъ далъ знакъ головою солдатамъ. Два изъ нихъ надѣли новыя цѣпи на плѣнника, другіе понесли изъ комнаты мертвое тѣло швейцарки, какъ поврежденную мраморную статую прекрасной женщины уносятъ навсегда въ кладовую, гдѣ разбросаны и поношенныя туфли и разбитые горшки.

Легко догадаться, что преданнѣйшій секретарь Паткуля былъ участникомъ заговора для того только, чтобы открыть его и заслужить новыя милости отъ министровъ Августа. Награда превзошла

его ожиданіе: онъ опредѣленъ тайнымъ совѣтникомъ ко двору саксонскому.

На другой день казнили Паткуля.... но я избавлю васъ отъ описанія послѣднихъ минутъ его жизни. Стыдъ Карла совершился.

Такъ кончилось письмо къ Густаву; но я вижу, что этимъ не отдѣлался отъ любопытства своихъ читателей Со всѣхъ сторонъ слышу клики: подавай намъ Паткуля на сцену лобнаго мѣста! на сцену! мы хотимъ изображенія послѣднихъ минутъ его жизни!

Случалось ли вамъ видѣть трагическаго актера, который, окончивъ свою роль, сколько силъ и умѣнья его достало, по опущеніи занавѣса вызывается неугомонными, безпардонными возгласами публики? Утомленный, едва переводя дыханіе, актеръ является на сцену и лепечетъ свою благодарность. Такъ и я принимаюсь за иступленное перо, чтобы исполнить волю своихъ читателей.

На другой день, рано по утру, неподалеку отъ польскаго городка Казиміра, на площадкѣ, огражденной со одной стороны лѣсомъ, съ другой стороны окаймленной рвомъ дороги, собралось множество народа, чтобы полюбоваться, какъ будутъ колесовать и четвертовать измѣнника шведскому

королю и вмѣстѣ посланника отъ русскаго двора. Народъ жадничалъ смотрѣть эту потѣху, какъ медвѣжью травлю; всѣ тѣснились къ колесу и четыремъ столбамъ, трофеямъ казни, охраняемымъ тремя стами конныхъ драгунъ. Были охотники, платившіе деньги и даже искавшіе рукожатія палача, чтобы стоять поближе къ роковому колесу. Множество форшпанокъ и нѣсколько колымагъ, въ которыя запряжены были статные жеребцы, отягченные богатою сбруей, показывали, что не одна чернь именемъ жадничала смотрѣть на пиръ кровавый. Чепчики и шляпки, убранные цвѣтами, также изрѣдка мелкали. Иногда раздавались знаки нетерпѣнія увидѣть скорѣе жертву, но укрощались неучтивымъ привѣтствіемъ шведскихъ палашей. Недовольно, что зеленая площадка съ трехъ сторонъ отдѣлялась чорными стѣнами народа, самыя деревья унизаны были любопытными.

— Каково окована готовальня! — сказалъ стоявшій впереди, неподалеку отъ колеса, человѣкъ большаго роста въ запачканной рубашкѣ, съ кожанымъ фартукомъ; какъ въѣдетъ, такъ не бывало руки или ноги. — Ну, товарищъ! — перервалъ другой въ бѣломъ зипунѣ, на которомъ цѣплялись еще кое-гдѣ стружки дерева: — и дубъ-то отдѣланъ по желѣзу!

— Дѣло мастера боится, подхватилъ первый. Мы съ тобой....

Откуда ни возмись еврей, тряхнулъ своими пейсиками и, посмотрѣвъ сурово на мастеровъ, какъ бы хотѣлъ сказать: вы, поляки, безъ моихъ денежекъ меньше чѣмъ нуль! — околдовалъ ихъ этимъ взоромъ такъ, что они безмолвно потупили свои въ землю и униженно сняли съ себя бѣлыя валяныя шапки.

Подлѣ колеса стоялъ плечистый мужикъ съ звѣрскою рожей. Услышавъ похвалу орудію казни, онъ насмѣшливо оборотился къ панегиристамъ и съ высоты своего настоящаго величія удостоилъ ихъ слѣдующею рѣчью: — Все зависитъ отъ возничаго, который будетъ управлять колесницею. Можно заколдовать колесо и потомить — прибавилъ онъ, коварно улыбаясь — можно и разомъ отправить!

— Казнь дѣлается не для потѣхи исполнителей власти, а для примѣра общественнаго — сказалъ сердито школьникъ, высокій, сухощавый.

Палачъ важно посмотрѣлъ на него, какъ бы хотѣлъ выговорить: увидимъ!

Бѣдный Паткуль! кто подумалъ бы, что слово школьника, произнесенное не во время, усилитъ муки, тебѣ назначенныя?

Нѣсколько зрителей, окружившихъ философа-смѣльчака, при взглядѣ его антагониста, отхлынули назадъ такъ, что они двое остались впереди сцены, измѣряя другъ друга неуступчивыми взорами, какъ гладіаторы передъ боемъ.

— Ахъ, Матка Божья!—пищала толстая писарша, выдираясь локтями изъ толпы и таща подругу:—такая судьбина пала нашему Казиміру, а то, вѣдь, оборони Господи! должно было колесовать его въ Слупцѣ.

— Невѣжа!—продолжала она, измѣнивъ свой нѣжный голосъ на грубый и толкая одного молодаго человѣка, порядочно одѣтаго:—не имѣетъ никакого уваженія къ званію.

— А чтожъ, панна, не привинтила вельможнаго званія къ своему лбу?—спросилъ хладнокровно молодой человѣкъ.

— Колесовать и четвертовать!—подхватила подруга писарши, увлекая ее отъ ссоры, готовой возгорѣться.—Вѣдь, казнить-то будутъ генерала, измѣнщика, который бросилъ своего слугу изъ окна и зарѣзалъ любовницу.

— Не диво, что народъ кишмя кишитъ! А вотъ Маріанна, моя раба. Маріанна! Маріанна! подь сюда и остерегай насъ отъ грубіяновъ.

Испитая служанка, съ подбитымъ глазомъ и

босая, поспѣшила сдѣлать изъ себя щитъ противъ невѣждъ, которые осмѣлились бы обеспокоитъ ея панну.

— Чу! что-то кричатъ? не везутъ ли ужъ его?... Умру съ тоски, коли не удастся его видѣть. Говорятъ, что у него на шеѣ бочонокъ съ золотомъ, за который онъ было хотѣлъ, Мати Божія! продать своего короля: колесо-то проѣдетъ по немъ, бочонокъ разсыплется, и тогда народъ смѣло подбирай червончики!

Между тѣмъ какъ толкамъ народнымъ не было умолку, Паткуль просилъ духовника своего, прибывшаго къ нему въ четыре часа утра, приступить во имя Христа Спасителя къ святому дѣлу, пока около тюрьмы шумъ народный не увеличился. По принятіи Святыхъ Таинъ, онъ выглянулъ въ окно, посмотрѣлъ на восходящее солнце и сказалъ, вздохнувъ: — «Гдѣ-то я буду при закатѣ твоемъ?... О! скорѣй, скорѣй изъ этого міра суетъ, гдѣ каждый мигъ для меня несносенъ! скорѣй къ тебѣ, о моя Роза, мой Фрицъ!» Когдажъ услышалъ шумъ колесъ, приближавшійся къ тюрьмѣ, онъ прибавилъ:—«Слава Богу, спѣшатъ!»

Караульный поручикъ явился, Паткуль надѣлъ епанчу и вышелъ за духовникомъ своимъ, окружонный стражею.

Проходя корридоромъ, онъ невольно взглянулъ сквозь растворенную дверь въ какой-то подвалъ, довольно освѣщенный, чтобы видѣть все, что въ немъ происходило, и глаза его встрѣтили....Боже мой! тѣло несчастной Розы лежало на двухъ скамейкахъ; грудь ея была взрѣзана.... и человѣчекъ, примѣтный только своимъ пунцовымъ носомъ, возился съ окровавленнымъ ножомъ и рукой въ широкой ранѣ, въ которую глазъ непосвященнаго боялся бы взглянуть: такъ отвратительна для человѣка внутренность человѣка! Свѣтъ отъ лампы скользилъ на оконечностяхъ лица швейцарки, заостренныхъ смертію, падалъ на чорныя, длинныя косы, сметавшія при движеніи лекаря пыль съ пола, на уста, подернутыя землею, истерзанную грудь и будто изъ воска вылитую ногу, опоясанную чорною кровью. На стѣнѣ висѣла соломенная шляпа, увитая цвѣтами.... Какъ хороша была нѣкогда Роза въ этой шляпѣ! На этихъ чертахъ останавливался страстный взоръ любовника; эти чорныя косы расплетала, рѣзвясь, его рука, или нѣжилась въ шолковыхъ кудряхъ; на этихъ устахъ упивалась любовь; эту ногу покрывали жаркіе поцалуи — а теперь.... служитель Ескулапа бормочетъ надъ Розою отходную латынь, и отъ всего, что она была, несетъ мертвецомъ.

Въ углу подвала, на соломѣ, лежало тѣло Фрица, покрытое солдатскимъ плащомъ: —награда за вѣрность!

— Пощадите, если вы не звѣри! ради Бога, пощадите! вскричилъ Паткуль, силясь броситься въ подвалъ. Стража его удержала; ему даже не дали проститься съ друзьями своими.

Лекарь, испуганный крикомъ несчастнаго, оставилъ на минуту свои занятія, покачалъ головой, и потомъ снова принялся потрошить Розу, доискиваясь въ ея внутренности тайны жизни, какъ въ древнія времена жрецъ читалъ тайны Провидѣнія въ жертвѣ, принесенной его божеству.

Не слыхалъ Паткуль, какъ его посадили въ повозку; не видалъ, какъ мчалась она, въ сопровожденіи сильнаго коннаго отряда, сквозь аллею народа. Когда его вытащили изъ повозки, подвели къ колесу и сняли съ него цѣпи, онъ затрепеталъ и сказалъ духовнику судорожнымъ голосомъ: — Теперь-то, господинъ пасторъ, молите Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ меня!

Приготовляясь къ зрѣлищу казни, народъ шумѣлъ и, казалось, ожидалъ чего-то веселаго; но, увидѣвъ жертву, онъ былъ объятъ сожалѣніемъ и страхомъ. Человѣчество взяло свои права. Все замолкло.

Наряженный въ экзекуцію капитанъ (Валдау) вынулъ изъ кармана бумагу и прочолъ по ней громогласно: — «Да будетъ вѣдомо всѣмъ и каждому, что его величество, всемилостивѣйшій нашъ государь....»

— Хороша милость! — воскликнулъ иронически Паткуль, пожавъ плечами и взглянувъ на небо.

Капитанъ, смущонный этимъ восклицаніемъ, остановился было среди своей рѣчи, но, тотчасъ оправившись, продолжалъ: — «нашъ всемилостивѣйшій государь, Карлъ XII, повелѣлъ сего измѣнника отечеству....»

При словѣ: *измѣнникъ*, Паткуль вскричалъ съ негодованіемъ: — Неправда; я служилъ отечеству своему слишкомъ усердно и вѣрно.

Капитанъ старался заглушить это восклицаніе, продолжая читать громче: — «колесовать и четвертовать за его преступленіе въ примѣръ другимъ, да страшится каждый измѣны и служитъ вѣрно своему королю.»

Осужденнаго раздѣли и привязали къ четыремъ столбамъ. Духовникъ просилъ зрителей читать вслухъ молитву: *Отче нашъ!* — Да — сказалъ Паткуль—молитесь, друзья мои, молитесь!

И народъ прерывистымъ голосомъ молился. Стенанія, жалобы, вздохи стояли въ воздухѣ.

Послѣ перваго удара колеса несчастный простоналъ: — Господи, помилосердуй! — За каждымъ ударомъ страдалецъ призывалъ имя Бога, пока обѣ руки и ноги были раздроблены. 15 ударовъ — бытописатели и о числѣ ихъ спорятъ — 15 ударовъ нанесены ему такъ неловко, или съ такою адскою потѣхою, что онъ и послѣ нихъ остался живъ. Капитанъ сжалился надъ несчастнымъ и закричалъ палачу, чтобы онъ проѣхалъ колесомъ по груди. Паткуль бросилъ взоръ благодарности на офицера и жалобно завопилъ: — «Скорѣй голову! голову!» — Между тѣмъ какъ, по приказанію капитана, палачъ собирался приступить къ рѣшительному удару, несчастный собралъ всю свою жизненность и самъ положилъ голову на плаху.

Въ это время кумушки прикусили языкъ; мастера, трудившіеся надъ колесомъ, поблѣднѣли, какъ полотно; жидъ песиками своими утиралъ слезы; вся масса народа безмолвствовала, какъ будто вмѣстѣ съ Паткулемъ положила свою голову на плаху

Изо рта у него хлынула кровь. — «Плюю въ лицо Карла.... Роза....» — прохрипѣлъ страдалецъ.... Палачъ ударилъ разъ, два, три, и голова отвалилась. Послѣ того туловище, разруб-

ленное на четыре части, воткнуто на четыре высокія копья, поставленныя въ одинъ рядъ. Голова имѣла почотъ: ее вонзили на особенный шестъ.

«Растерзанные члены Паткуля — говоритъ Вольтеръ — висѣли на столбахъ до 1713 года, пока Августъ, снова вступивъ на польскій престолъ, велѣлъ ихъ собрать. Ихъ доставили въ ящикѣ въ Варшаву. При этомъ случаѣ находился Бюзенваль, посланникъ французскій. Король, указывая на ящикъ, сказалъ: *вотъ члены Паткуля!*»

.....

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЗУБНОЙ ЛЕКАРЬ.

И города беретъ,
Какъ зубы рветъ.

Густавъ, прочтя описаніе послѣднихъ дней жизни своего дяди, вознен видѣлъ Карла, и просился немедленно въ русскую службу. Слѣдствіемъ этого прошенія былъ вызовъ его въ Москву. Здѣсь нашолъ онъ многихъ соотечественниковъ своихъ, изъ лучшихъ фамилій, снискивавшихъ себѣ пропитаніе разными искусствами. Иные давали уроки танцованья, другіе учили чистописанію, языкамъ и математикѣ. Нѣсколькихъ пріятелей своихъ засталъ онъ въ разрисовкѣ стеколъ для подмосковнаго села Покровскаго. —«Благодаря попеченія ъ о насъ короля шведскаго — говорили они — вотъ чѣмъ должны мы

занимать руки, пожинавшія для него славу! Русскіе, заказавшіе намъ эту работу, любуются въ ней намалеванными медвѣдями, орлами, башнями, какъ затѣйливой игрой нашего воображенія; но потомство наше, увидя на стеклахъ этихъ знакомые имъ гербы, прочтетъ по нимъ печальную исторію нашего плѣна.»

Негодованіе плѣнниковъ, приготовленное несчастнымъ положеніемъ ихъ, вспыхнуло при разсказѣ о казни Паткуля. Всѣ они охотно послѣдовали примѣру Густава и дали заручное прошеніе на имя Петра I о принятіи ихъ въ подданство русское. Вскорѣ за этимъ рѣшеніемъ Траутфеттеру велѣно явиться во дворецъ.

Простота Петра I-го, великаго человѣка на престолѣ, чуждая слишкомъ утонченныхъ приличій и всякихъ притязаній на этикетное угожденіе своему лицу, позволяла ему заниматься и подвигами государственными и домашними мелочными дѣлами. Ему доставало время на все: оттого-то оставилъ онъ намъ безчисленные памятники своего генія и рукъ своихъ. Иной государь не сдѣлалъ того въ цѣлое свое царствованіе, что Петръ сотворилъ въ одинъ день.

Безъ посредниковъ, кромѣ дежурнаго деньщика, Густавъ явился во дворецъ. Его ввели въ

кабинетъ, загроможденный моделями кораблей, крѣпостей, мельницъ, орудіями математики и хирургіи. Прямо противъ двери сидѣла на стулѣ женщина среднихъ лѣтъ, которая умоляла о чемъ-то со слезами. За стулъ держался мужчина съ плутовскою миною и качая головой. Спиною къ Густаву и лицомъ къ женщинѣ стоялъ другой мужчина, высокій, въ поношенномъ французскомъ кафтанѣ изъ толстаго сукна сѣраго цвѣта, въ тафтяномъ нижнемъ платьѣ съ полотнянымъ фартукомъ, въ цвѣтныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными пряжками. Онъ расправлялъ щипцы для выдергиванія зубовъ.

— Полно, баба, выть! — говорилъ мужчина въ сѣромъ кафтанѣ, вѣроятно, лекарь: — стерпится, слюбится.

— Богомъ божусь, — вопила женщина: — у меня ничего не болитъ.

— Чтожъ ты, Полубоярозъ?... сердито вскричалъ лекарь.

— У страха глаза велики, ваше величество! Повѣрите ли? всю ночь проохала и простонала бѣлугой, такъ что семья хоть бѣги вонъ — отвѣчалъ стоявшій за стуломъ; потомъ, обратясь къ женщинѣ, ласково сказалъ: — чего бояться, ду-

рочка? только махнетъ батюшка Петръ Алексѣевичъ своею легкою ручкою, такъ болѣсть, какъ съ гуся вода.

— Злодѣй! окаянный! полно издѣваться надо мною! — проговорила, всхлипывая, женщина.

— Ну, видно, съ ней добромъ не сдѣлаешься—прервалъ Петръ I-й, въ которомъ мы узнали лекаря: — подержи ее за голову и руки, и мы справимся.

Камердинеръ спѣшилъ выполнить волю государя съ необыкновеннымъ усердіемъ и ловкостію.

— Говори же, баба, который зубъ у тебя болитъ? — продолжалъ государь, раззѣвая ей силою ротъ.

— Ваше царское величество.... ваше пре.... восходительство.... помилосердуйте.... у меня зубки всѣ здоровехоньки.... я изволила вамъ докладывать....

— Не дурачься, баба! а то, знаешь меня?

— Воля ваша, рвите, какой благоугодно! — отвѣчала полумертвая, отъ испуга, женщина. (У нее, въ самомъ дѣлѣ, не болѣли зубы. Мужъ ея, государевъ камердинеръ, Полубояровъ, желая отмстить ей за нѣкоторыя проказы и, зная, что Петръ I-й большой охотникъ дѣлать хирургическія операціи, просилъ его вырвать у ней будто

бы больной зубъ. Впослѣдствіи, когда открылась истина, Полубоярову за эту шутку порядочно досталось).

— А, а! вижу самъ! вотъ этотъ! — сказалъ Петръ, съ удовольствіемъ, ярко отливавшимся на его лицѣ, и выдернулъ мастерски зубъ, который казался ему поврежденнымъ болѣе другихъ.

Послѣ этой операціи женщину отпустили въ сопровожденіи услужливой ея половины, утѣшавшей ее съ краснорѣчіемъ искренней любви. Въ это время государь, вытирая свои инструменты и укладывая ихъ въ футляръ, замѣтилъ Густава и ласково произнесъ: — A, min herr, Траутфеттеръ, добро пожаловать.

Выслушавъ просьбу Густава и, обласкавъ его, онъ обратилъ рѣчь на смерть его дяди. — Богъ судья Августу! — говорилъ Петръ, тяжело вздыхая: — на его мѣстѣ я лучше бы самъ погибъ, чѣмъ выдалъ бы человѣка, котораго взялъ подъ свое покровительство *). Не люблю этихъ политическихъ увертокъ. Мои пріятели голландцы говорятъ о нихъ по дѣломъ: «dat benen niet

---

*) Петръ I-й доказалъ это, когда, въ худшихъ его обстоятельствахъ при Прутѣ, Порта требовала отъ него выдачи Кантемира.

met all Klugheden, maar Betrügeryen; *въ нихъ болѣе обмана, чѣмъ благоразумія.* Дорожу тобою; вѣдь ты достаешься мнѣ будто по духовной отъ дяди. Тебя и твоихъ товарищей опредѣляю съ добрымъ трактаментомъ въ полки моей гвардіи. Служите мнѣ также вѣрно, какъ служили моему брату Карлу.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ генераловъ и министровъ, вошедшихъ въ кабинетъ безъ доклада. Каждому сказалъ Петръ нѣсколько словъ; въ каждомъ словѣ видѣнъ былъ творецъ. Онъ схватывалъ важнѣйшіе предметы, касающіеся до устройства государства или политики, какъ орелъ, увѣренный въ своей силѣ, налетомъ схватываетъ предметъ, имъ взвидѣнный. За смѣлую истину благодарилъ совѣтника, за хитрую ложь тотчасъ сбивалъ съ ногъ докладчика.

Аудіенція кончилась скоро. Отпустивъ своихъ министровъ, Петръ надѣлъ другой кафтанъ, поновѣе, на стулѣ висѣвшій, отперъ комодъ, вынулъ изъ него пять серебряныхъ рублевиковъ и сказалъ, отдавши ихъ Густаву: — Вотъ тебѣ на первый случай; годятся на потѣху въ Аустеріи *)

---

*) У Курятныхъ воротъ, въ томъ домѣ, гдѣ сперва открытъ былъ московскій университетъ, находилась гостин-

— Ваше Величество, простите мнѣ, если....

— Пустое—перебилъ государь:—всему свой часъ и поплакать и повеселиться.

Тутъ послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ, произносившій по-русски на нѣмецкій ладъ: — Петръ Алексѣевичъ! подите сюда на мою аудіенцію....

На этотъ зовъ государь поспѣшилъ въ другую комнату, и въ то время, когда онъ отворялъ дверь, Густавъ увидѣлъ сквозь нее прелестную, молодую женщину съ пестрымъ чулкомъ на лѣвой рукѣ, который, вѣроятно, заштопывала, и замѣтилъ даже, что она взглянула на него съ тѣмъ увертливымъ искусствомъ, какое однѣ женщины умѣютъ употреблять, когда есть препятствія ихъ любопытству или другимъ чувствамъ. Немного погодя, раздался поцалуй за дверьми, и Густавъ услышалъ голосъ Петра, выговаривавшій довольно внятно:—Ты знаешь, Катенька, тебѣ ни въ чомъ отказу нѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ государь возвратился въ кабинетъ и спросилъ ласково своего гостя:—Ты, конечно, давно не былъ на исповѣди?

ница Аустерія; и донынѣ слыветъ подъ этимъ названіемъ крайній проходъ по Скорняжному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ нынѣ харчевни и лавки.

— Государь! — отвѣчалъ Густавъ: — я каждый вечеръ исповѣдуюсь Богу въ грѣхахъ дня моего; но посредникомъ въ нихъ не бралъ пастора за неимѣніемъ его въ томъ городѣ, гдѣ я содержался.

— Съ пасторомъ-то я и хочу тебя свести. Знаешь ли Глика изъ Маріенбурга?

— Видывалъ я его въ малолѣтствѣ моемъ, но съ того времени уваженіе и любовь къ нему моихъ соотечественниковъ сблизили меня заочно съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ.

— Будь у него нынѣ же въ 6 часовъ послѣ обѣда: ты увидишься тамъ съ пріятелями, и, можетъ статься, — прибавилъ государь, усмѣхаясь — съ пріятельницей. Живетъ онъ въ Кокуевой слободѣ — спроси только нѣмецкую школу — всякій мальчикъ тебѣ укажетъ. Теперь поди, успокой своихъ камрадовъ, попируй съ ними *въ адмиральскій часъ* *), а тамъ подумаемъ, что еще сотворить съ вами. Открой мнѣ, не придетъ ли тебѣ по сердцу въ Москвѣ пригожая дѣвка: я твой сватъ.

Сказавъ это, государь показалъ Густаву на дверь, которую и заперъ за нимъ. Съ сердцемъ,

---

*) 11 часовъ утра.

обворожоннымъ простотою, ласками и величіемъ царя, съ сердцемъ, волнуемымъ какимъ-то сладостнымъ предчувствіемъ, возвратился Густавъ домой, гдѣ ожидали его плѣнные офицеры. Можно угадать, что они спѣшили запить свою радость въ Аустеріи, гдѣ тосты за здравіе новаго ихъ государя не разъ повторялись.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

КЪ РАЗВЯЗКѢ.

Вдругъ слышитъ—кличутъ: милой другъ!
И видитъ вѣрнаго Руслана.

Пушкинъ.

Въ назначенный часъ Густавъ былъ въ Кокуевой *) слободѣ. На встрѣчу ему вереница мальчишекъ, занимавшихся гимнастическими играми, вѣроятно, послѣ умственныхъ трудовъ, ибо нѣкоторые, сидя чехардою на своихъ товарищахъ, читали съ нихъ, будто съ каѳедры, заданную лекцію; другіе искусно перекидывались бомбами, начиненными порохомъ премудрости, или просто книжками и тетрадями. О! какъ раскричался бы великій основатель школы, которую онъ называлъ schola illustris, если бы увидѣлъ и услышалъ

---

*) Нѣмецкой.

все, что происходило за чертою его академіи! На вопросъ Густава: гдѣ живетъ пасторъ Гликъ? десятки голосовъ закричали: — Пасторъ Глистъ? Знаемъ, знаемъ!

— Вамъ надобно школьнаго учителя на соломенныхъ ножкахъ?

— Съ ястребинымъ носомъ?

— Съ кошачьими глазами?

— Съ войлокомъ на головѣ?

— Чтобы не замерзъ послѣдній цыпленокъ ума, который въ ней остается!

— Третій домъ отъ угла, ворота съ надписью мѣломъ: *Нѣмецкій попъ....*

— И съ крестомъ!

— Чтобъ чортъ не ушибъ его пестомъ!

Густавъ отворялъ уже калитку пастороваго жилища, а насмѣшки на счотъ великаго педагога все еще сыпались, какъ бѣглые огоньки въ цѣпи стрѣлковой.

Старикъ, по видимому, упрежденный о приходѣ Траутфеттера, принялъ его сначала съ важною ласкою покровителя; но мало по малу спустился съ высоты своей на самый дружескій тонъ и обращеніе.—Вы, конечно, слышали, господинъ Траутфеттеръ, говорилъ Гликъ, въ которомъ отъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ на плечахъ усилилась

болтливость: вы, конечно, слышали, какъ нѣкогда тезоименитое дворянство и рыцарство лифляндское, въ томъ числѣ и бывшій мой зятикъ.... гмъ! часовой.... (прибавилъ Гликъ, осматриваясь) миръ праху его! Моя Кете не была ему сужена.... я погубилъ бы ее.... характеръ трудный, упорный, бестолковый; только я одинъ могъ его сносить....

— Благороднѣйшій сынъ отечества! — перебилъ Густавъ.

— О! что до благородства, то на этотъ счотъ никто не отдастъ ему болѣе меня справедливости. Это-то благородство оковало меня, восхитило, увлекло.... Жаль только, что Минервы не всегда слушался; но дѣло не въ томъ — я хотѣлъ говорить.... гмъ! (пасторъ кашлянулъ и поправилъ свой парикъ). Да, да, я хотѣлъ сказать, что многіе во время оно смѣялись надъ моею любовью къ русскому языку и горячей преданностью къ Великому Алексѣевичу, которому — мимоходомъ сказать — это случилось въ Нейгаузенѣ, именно 23-го марта 1697 года, при первомъ нашемъ съ нимъ знакомствѣ—предсказывалъ я будущую его славу. Потомъ — не могу и этого дня забыть— осмѣлься кто послѣ этого увѣрить, что въ пасторѣ Гликѣ не было крошки предвѣдѣнія, пред-

вѣдѣнія, однимъ словомъ, вдохновенія Минервы! — Я хочу опытомъ подтвердить вамъ, молодой человѣкъ, что эти запасы никогда не лишніе. И такъ, въ первыхъ числахъ іюля 1702 года, подъѣзжали мы съ покойнымъ цейгмейстеромъ — какъ теперь его вижу и бесѣдую съ нимъ — къ Долинѣ мертвецовъ, что близъ Менцена.... Надо вамъ объяснить, что, по милости его величества, царя, и бывшей моей Кете, въ этой долинѣ устроена нынѣ прекрасная мыза *Катариненгофъ*, принадлежащая вашему покорнѣйшему слугѣ. (Пасторъ осклабилъ свои розовыя губки и пріосамился). Но не въ томъ дѣло—вотъ, вздумалось цейгмейстеру попугать мою Кете—которую, мимоходомъ сказать, я одинъ имѣю право такъ называть и, можетъ статься, еще одинъ.... но тому чего не позволено? — И московиты-то не христіане, говорилъ Вульфъ, и вотъ поймаютъ насъ арканомъ, меня, покорнѣйшаго вашего слугу, изжарятъ на вертелѣ, а мою воспитанницу уведутъ-де къ падишаху московитскому.... Фуй, фуй! краснѣю отъ этихъ словъ; но de mortuis aut bene aut nihil, то есть, о мертвыхъ или добро говори, или молчи.

— Господинъ пасторъ! — перебилъ Густавъ, выведенный изъ терпѣнія словоохотливостію Глика:

его величество, царь россійскій, адресовалъ меня къ вамъ.

— О молодость, молодость! какъ стала ты нынѣ нетерпѣлива! Къ его-то величеству и вашему благу, государь мой, веду я рѣчь. Слушайте же меня, или я откажусь отъ устройства судьбы вашей.

— Простите — это было въ послѣдній разъ — теперь я васъ слушаю.

— Упрямцу Вульфу предсказывалъ я, что если мы будемъ взяты русскими,—которыхъ, замѣтьте, донынѣ неправильно называли московитами, — я опредѣлюсь въ Москвѣ при нѣмецкой киркѣ пасторомъ, заложу краеугольный камень русской академіи, а моя Кете.... сдѣлается украшеніемъ семейства знаменитаго русскаго боярина. И чтожъ, достопочтенный гость мой, все это сбылось по предсказанію глупаго, упрямаго старика. Вы видите меня, маріенбургскаго пастора, въ Москвѣ при нѣмецкой киркѣ; основанная мною академія, schola illustris, есть первый знаменитый разсадникъ наукъ въ Россіи. Образователь обширнѣйшаго государства въ мірѣ нерѣдко удостоиваетъ совѣтоваться съ *нами* на счотъ просвѣщенія ввѣренныхъ ему народовъ, и наконецъ, Кете — о! судьба ея превзошла мои ожиданія! — (Старикъ

возвелъ къ небу полные слезъ глаза; потомъ, успокоившись, произнесъ вполголоса, почти на ухо Густаву): Я вамъ скажу тайну — которая, правду сказать, съ мая почти всей Россіи извѣстна— моя бывшая Кете первая особа по царѣ....

Густавъ, полагая, что Гликъ отъ старости рехнулся съ ума, отодвинулъ назадъ свой стулъ и остановилъ на своемъ собесѣдникѣ неподвижные отъ изумленія взоры.

Гликъ засмѣялся и тономъ покровителя продолжалъ:—Она можетъ сдѣлать очень много для васъ; она уже много для васъ сдѣлала.... Прибавлю еще, хотя скромность ея запечатывала мнѣ уста: невидимый благотворитель и кореспондентъ вашъ во все время вашего плѣна — есть бывшая моя воспитанница.

— Все это какимъ образомъ?

— Узнаете позже. Кто могъ бы угадать ранѣе будущую судьбу сироты? Странно! чудесно! это правда; но чего Богу не возможно? Иногда угодно Ему удивлять міръ дѣлами любви своей къ избраннымъ отъ Него твореніямъ. Но дѣло теперь не въ томъ.—Его величество, нашъ всемилостивѣйшій государь, Петръ Алексѣевичъ, прислалъ васъ ко мнѣ, говорите вы?

— Точно такъ, господинъ пасторъ!—отвѣчалъ

Густавъ, убѣжденный голосомъ и выраженіемъ лица Глика въ истинѣ словъ его и, между тѣмъ, блуждая мыслями, какъ бы въ мірѣ волшебномъ.

— Я долженъ исполнить волю моего государя и близкой ему и мнѣ особы, о которой мы говорили. Вы присланы услышать отъ меня, что, по волѣ его, семейство баронессы Зегевольдъ вызвано изъ Дерпта сюда....

Густавъ вскочилъ со стула и, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва могъ выговорить: — Вы шутите надо мной, господинъ пасторъ?

— Боже меня сохрани, особенно когда дѣло идетъ объ участи людей, мнѣ столько любезныхъ. Минерва не покинула меня на старости до того, чтобы разсказывать вамъ сонный бредъ за существенность. Узнайте болѣе: баронесса, дочь ея и добрый Биръ въ Москвѣ со вчерашняго утра и квартируютъ за два шага отъ меня.

— Господинъ пасторъ! господинъ пасторъ! что вы со мною дѣлаете?... вскричалъ Густавъ:— я готовъ упасть къ ногамъ вашимъ; я готовъ цаловать ваши руки. Луиза! Государь! Кто еще?... Боже! Боже! я какъ помѣшанный.

Густавъ обнималъ пастора и плакалъ отъ радости.

— Здорова ли она? помнитъ ли меня? распра-

шивалъ онъ, сжимая въ своихъ рукахъ руку Глика.

— Что она здорова, это мнѣ извѣстно; остальное предоставляю ей самой разсказать вамъ. Впрочемъ, чтобы васъ долго не томить, мы пошлемъ тотчасъ за Биромъ. Грете! Грете!

Явилась пасторова экономка, сдѣлавшаяся отъ беззаботной жизни въ ширину то же, что была въ вышину. Велѣно Грете сходить за Биромъ — и Биръ не заставилъ себя долго ждать. Съ восторгомъ дружбы и неожиданности бросился онъ въ объятія Траутфеттера.

— Гмъ! гмъ! — сказалъ наконецъ растроганный Биръ: — Господь ведетъ насъ сюда, видно, къ развязкѣ. Пора, право, пора; а то моя милая, добрая Луиза пала бы подъ бременемъ своей судьбы.

— Любитъ ли она меня? помнитъ ли, по крайней мѣрѣ? — спросилъ Густавъ.

— Любитъ, какъ въ первые дни вашего знакомства.

— О, какъ я счастливъ! Кому теперь могу позавидовать? Все прошедшее забыто. Но разскажите мнѣ, ради Бога....

— Все, что съ нею случилось съ того времени, какъ мы разстались, не правда ли? Вы знаете, я

не мастеръ говорить.... когда бы можно было на письмѣ?... это бы дѣло другое.

— Вы имѣете снисходительнаго слушателя. Разсказывайте, какъ можете. Я затруднять васъ много не стану, а попрошу только раскрыть мнѣ, что случилось съ Луизою послѣ того, какъ ее привели въ церковь для вѣнчанія. Что прежде было, извѣстно мнѣ изъ письма вашего къ доктору Блументросту: оно-то привязало меня еще къ жизни, но оставило въ большой неизвѣстности, потому что перепутано было на самомъ любопытномъ мѣстѣ описаніемъ болотнаго моха.

Биръ покраснѣлъ, какъ дѣвушка, и сказалъ, запинаясь: — Виноватъ.... эта любовь къ натуральной исторіи.... эта разсѣянность мнѣ дорого стоили: я мучился за чтеца и за себя вмѣстѣ. Какъ я перемѣшалъ все — не знаю; только знаю, что листъ съ концомъ интересной для васъ исторіи очутился въ моей Флорѣ. Хотѣлъ было я съ досады отказаться отъ моей любимицы; но — судите по себѣ, мой любезнѣйшій Густавъ — страсть все страсть: даешь слово изгнать ее изъ сердца, изъ головы, а все къ ней возвращаешься. Но вы ждете, чтобы я успокоилъ васъ — извольте. На бумагѣ бы оно лучше; однакожъ.... какъ-нибудь разскажу.

Густавъ увѣрилъ снова чудака, что онъ не будетъ взыскателенъ за выборъ и порядокъ словъ, и Биръ началъ такъ свой разсказъ:

— Мы ввели кое-какъ полумертвую Луизу въ церковь. Адольфъ, смотря на ея страданія и не понимая ихъ причины, просилъ отложить свадьбу; но баронесса и Фюренгофъ настояли совершить ее безъ отлагательства. Уже приступлено было къ священному обряду, какъ въ церковь вбѣжала женщина, высокая, худая, шафраннаго цвѣта, съ чорными, длинными волосами, распущенными по плечамъ, въ изорванной одеждѣ чухонки — настоящее привидѣніе! Глаза ея горѣли, какъ раскаленные уголья; отъ усталости она задыхалась. Церемонія остановилась; мы всѣ перепугались, но всѣхъ болѣе Фюренгофъ. Онъ началъ дѣлать такія ужасныя гримасы, какъ будто ломала его нечистая сила. — «Стой! — закричала женщина страннымъ голосомъ, обратясь къ Адольфу: — ты кругомъ обманутъ! Твоя невѣста тебя не любитъ, и ты погубишь ее и себя, если на ней женишься. Ее выдаютъ за будущее богатство твое; а богатство это не можетъ тебѣ принадлежать, развѣ ты захочешь получить незаконно, ограбивъ своего брата. Этотъ злодѣй — продолжала ужасная женщина, указывая на Фюрен-

гофа — воспользовался наслѣдствомъ, принадлежащимъ Густаву, подмѣнивъ настоящее завѣщаніе своего отца подложнымъ. Я, сообщница его злодѣяній, составляла эту бумагу. Предаю себя въ руки правосудія и съ собою этого мошенника. Призываю Бога во свидѣтели словъ своихъ; а тебѣ, Траутфеттеръ, вручаю законныя тому доказательства. Когда бъ не знала тебя, я представила бы ихъ въ судъ.» Фюренгофъ бросился было вырывать бумаги, во время передачи ихъ Адольфу, угрожая своему племяннику вѣчною ненавистью и отчужденіемъ отъ наслѣдства, если онъ послушаетъ сумашедшую вѣдьму, какъ онъ называлъ чудесную женщину, и приказалъ было слугамъ схватить ее. Слуги не повиновались, услыша клятву Адольфа, что онъ беретъ ее подъ свою защиту и что тотъ, кто до нея дотронется, будетъ отвѣчать за нее жизнію своей. Чудесная женщина подала клочокъ бумаги Адольфу и произнесла вполголоса: — «Эта записка касается до тебя именно. Отойди къ окну и прочти ее. Все прочее буду имѣть время объяснить тебѣ и суду. А ты, мошенникъ! — продолжала она, возвысивъ голосъ и съ яростью обратясь къ Фюренгофу — смотри на меня, осязай меня: это я, я, Елисавета Трейманъ, твоя бывшая пріятельница, твоя

сообщница въ злодѣйствахъ, тобою изгнанная, недоморенная тобою. Земной судъ твой начался: допросы, тюрьма, цѣпи, казнь, вмѣстѣ, вмѣстѣ со мною! Ха, ха, ха! любовники вѣрные, на жизнь и смерть! Вмѣсто чищенныхъ червончиковъ, мы, о другъ мой, перечтемъ съ тобою по нѣскольку разъ въ день звенья цѣпей; позоръ, злоба, раскаяніе будутъ терзать твою грудь, какъ ты терзалъ человѣчество; но въ объятіяхъ моихъ ты все забудешь.... даже милую Марту.... не правда ли?... ха, ха, ха! О, сладко будетъ задушить тебя въ нихъ!» И сатанинскій хохотъ изступленной, при общемъ молчаніи, ужасно раздавался подъ сводами церкви, и оторванный листъ желѣза на кровлѣ стоналъ, какъ вѣщая птица. Луиза прижалась ко мнѣ и скрыла свое лицо на моей груди; сама баронесса дрожала; поблѣднѣвшій пасторъ хотѣлъ было вывесть Елисавету изъ храма, но отъ одного вскрика ея оторопѣлъ. Изступленная продолжала: — «Подожди немножко, пасторъ! подожди, любезный, твоя очередь послѣ. Дай мнѣ досказать свою проповѣдь: она стоитъ твоихъ вялыхъ поученій — рѣжетъ, пилитъ, жжетъ, — только-что съ адскаго очага! Развѣ спрошу тебя: бывалъ ли у тебя на исповѣди злодѣй ужаснѣе этого?... Онъ убійца своего отца, дѣлатель фальшивыхъ

завѣщаній, развратитель дѣвъ, грабитель, кровопійца, гробный тать, сдирающій послѣднюю одежду мертвеца: это все — вотъ онъ, Балдуинъ Фюренгофъ! Съ нимъ-то волею и неволею сочеталась я на здѣшнюю и будущую жизнь. Да, злодѣй! не оставлю тебя и въ другомъ мірѣ: и тамъ вопьюсъ когтями своими въ твою душу и не покину тебя вѣчно.... Вѣчность! Слышишь ли ты это слово? а?... Ты не вѣрилъ ему; но скоро, скоро повѣришь, голубчикъ!»

Пока Елисавета осыпала своего подсудимаго ругательствами, Адольфъ успѣлъ прочесть данный ему лоскутокъ и прочія бумаги, упалъ со слезами на колѣна передъ Распятіемъ, благодарилъ въ несвязныхъ словахъ Бога за спасеніе свое и брата, и потомъ вставъ, объявилъ пастору, что свадьбѣ не быть. Поцаловавъ съ жаромъ руку у Луизы, онъ сказалъ ей: — «Будьте счастливы съ тѣмъ, кого любите! объ этомъ берусь хлопотать всѣми силами. Слава Богу, что еще время!» Адольфъ хотѣлъ еще говорить съ баронессою; но она, бросивъ на него сердитый взглядъ, повлекла изъ церкви дочь свою, примѣтно обрадованную перемѣною своей судьбы; я за ними. Не знаю, что послѣ того говорено оставшимися въ церкви; только слышалъ при выходѣ шумъ, ссору; люди Фю-

ренгофа не хотѣли долѣе ему повиноваться. Когда мы сѣли въ карету, любопытство подстрекнуло меня выглянуть изъ окна: я увидѣлъ, что Фюренгофа насильно втащили въ карету Адольфа, а этотъ съ Елисаветой сѣлъ въ колымагу Фюренгофову; затѣмъ оба экипажа поскакали по дорогѣ въ Дерптъ.

Мы возвращались въ Гальсдорфъ, намъ на встрѣчу слуга съ извѣстіемъ, что туда прискакали Татары, все тамъ жгутъ и грабятъ. Дышло на поворотъ, и мы тоже прямо въ Дерптъ.

Черезъ нѣсколько дней позванъ я былъ въ городскую тюрьму къ Елисаветѣ Трейманъ. Она разсказала мнѣ, что судъ, вслѣдствіе ея доноса, посадилъ въ тюрьму ее и Фюренгофа, раздѣленнаго съ ней одною перегородкою, и просила меня, развѣдавъ о дѣйствіяхъ Адольфа, отписать подробно обо всемъ случившемся къ г. Блументросту. Я обѣщалъ все несчастной. Вслѣдъ затѣмъ Адольфъ сообщилъ мнѣ, что правительство строжайше изслѣдовало злодѣяніе Фюренгофа, который уже и признался въ немъ, и что имѣніе, похищенное у васъ, мой любезный другъ, будетъ возвращено немедленно по принадлежности. Благородство и твердость души вашего брата въ этихъ обстоятельствахъ не могу довольно превознесть. Самый усердный стряпчій, изъ видовъ

богатой корысти, не хлопоталъ бы столько за своего кліента, какъ онъ дѣйствовалъ за васъ, противъ собственной пользы: ибо послѣ этой тяжбы, гдѣ онъ былъ въ одно время истцомъ и отвѣтчикомъ, остается онъ такимъ бѣднякомъ, какимъ знали васъ до сего времени.

— Все пополамъ, и мы будемъ равно богаты! — сказалъ тронутый Густавъ.

— Позвольте, для маленькаго отступленія, воспользоваться вашимъ восклицаніемъ, — сказалъ съ робкою ужимкою Биръ, смотря на горшокъ съ цвѣтами, стоявшій на окнѣ: — мнѣ хотѣлось давно спросить господина достопочтеннаго хозяина: балсамины, impatiens hortensis, которые я вижу здѣсь въ Москвѣ почти на каждомъ окошкѣ, не есть ли предметъ особеннаго религіознаго почитанія между московитами?...

Пасторъ захохоталъ. — За когожъ принимаете вы русскихъ? — сказалъ онъ. Нѣтъ, достопочтенный гость мой! обитатели здѣшніе никому не покланяются, кромѣ какъ иконамъ своихъ Святыхъ. Балсамины же находятся почти въ каждомъ домѣ и подсолнечники въ каждомъ саду, потому что другихъ цвѣтовъ русскіе почти не держатъ, а цвѣты здѣсь любятъ. Impatiens hortensis выписанъ еще недавно сѣменами изъ Голландіи раз-

садителемъ всего полезнаго и пріятнаго въ Россіи. Но — любезнѣйшій собесѣдникъ нашъ ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія вашего разсказа.

— Виноватъ, виноватъ! — сказалъ, оправясь отъ своего смущенія, Биръ: — на чемъ же я остановился? Балсаминъ, гортензія, шафранъ.... (Онъ имѣлъ привычку добираться, по аналогіи цвѣтовъ, до предмета, имъ забытаго). Да, да, шафранъ! Елисавета, сказалъ я, просила отписать обо всемъ къ г. Блументросту. Исполнивъ это, я вложилъ въ письмо свое лоскутокъ бумаги, данный ею же, а какого содержанія, мнѣ неизвѣстно; мнѣ строго запрещено было заглядывать въ него. Все это препроводилъ я, куда назначено, съ чухонцемъ, которому Адольфъ заплатилъ хорошія деньги за услугу. Виноватъ только въ ошибкѣ.... но судьба уже все сама поправила. Что случилось послѣ? спросите вы. Послѣ.... въ одно роковое утро нашли Фюренгофа въ тюрьмѣ, задушеннаго собственными цѣпями, чему Елисавета Трейманъ за перегородкою много хохотала; потомъ и несчастная Елисавета умерла въ сумашедшемъ домѣ, проклиная своего обольстителя и изъявляя надежду соединиться съ нимъ въ аду; имѣніе, у васъ похищенное, утверждено за вами силою законовъ. По взятіи Дерпта русскими, братъ вашъ

уѣхалъ въ Польшу къ королю шведскому; воспитанница моя снова расцвѣла душою и тѣломъ, какъ роза centifolia, тѣмъ живѣе, что вспрыснута была росою надежды, которая, втайнѣ вамъ сказать, присылалась ей нерѣдко въ записочкахъ по почтѣ.... извините сравненіе.... гмъ! виноватъ.... да, да, о чемъ бышь я говорилъ? вотъ видите, я сказалъ, что собьюсь съ толку; оно лучше было бы на письмѣ....

— Вы говорили о Луизѣ, подхватилъ Густавъ: какъ же вы здѣсь очутились?

— Какъ сѣмена, переброшенныя бурею на чуждую имъ землю; но и тутъ умѣютъ они приняться, лишь бы родное солнышко ихъ согрѣвало и питало. Иначе вамъ скажу: баронесса, отказавшаяся было отъ дипломатики послѣ урока, даннаго ей при разставаніи съ Гельметомъ, вздумала въ послѣдніе годы опять за нее приняться, замѣшалась будто въ заговорѣ противъ русскаго правительства и по этому случаю принуждена была совершить съ нами маленькое путешествіе въ Москву. Мнѣ и здѣсь хорошо. Съ будущею весной надѣюсь дѣлать въ окрестностяхъ ботаническія экскурсіи; а всего лучше то, что судьба моей доброй Луизы, надѣюсь, развяжется здѣсь. Вижу васъ, и забываю всѣ прошедшія непріятности...

Кукушка на стѣнныхъ часахъ прокуковала 7 часовъ.

— Гостьи наши должны скоро быть здѣсь! произнесъ, усмѣхаясь, Гликъ. Да вотъ и онѣ!

Сердце Густава затрепетало. Послышался стукъ въ ворота, потомъ скрипъ калитки, шорохъ въ передней; дверь растворилась — и.... ктожъ передъ глазами Густава?... Луиза во всемъ блескѣ своей красоты, со всѣмъ очарованіемъ, которое окружало ее въ первую встрѣчу съ другомъ ея сердца. Она была нѣсколько блѣднѣе, нежели тогда; но эта блѣдность и нѣсколько лѣтъ, накинутыхъ на нее временемъ, не вытѣснили ни одной изъ ея прелестей. Если бы Густавъ видѣлъ ее теперь въ первый разъ, онъ готовъ бы былъ снова въ нее влюбиться. Бѣлое, простое платьице, обвивавшее станъ, стройно перехваченный, придавало ей какое-то эфирное свойство, тѣмъ бобѣе, что она, опрометью вбѣжавъ въ комнату и, вѣроятно, не думавъ никого найти, кромѣ пастора и Бира, вдругъ, при видѣ новаго лица, остановилась, отдала назадъ свою прелестную голову и приподнялась на цыпочкахъ. Вглядѣвшись въ Густава, она вскрикнула. — «Что такое, что такое?— ворчала баронесса, шедшая за дочерью.— «Боже мой! да насъ завлекли въ сѣти; это за-

падня, позоръ, униженіе! Вотъ что дѣлаютъ нынѣ пасторы, служители алтарей! Потворствуютъ слабостямъ, помогаютъ дочерямъ противъ матерей! Пойдемъ отсюда, Луиза!» Между тѣмъ, какъ она читала эту проповѣдь, Луиза и Густавъ смотрѣли другъ на друга въ какомъ-то сладостномъ упоеніи.... смотрѣли и.... невольно пали другъ другу въ объятія. — «Теперь не разстанемся! теперь не разлучатъ насъ! — говорили они, обливаясь слезами и держа другъ друга крѣпко за руки. — Матушка! госпожа баронесса! благословите нашу любовь, или мы умремъ завтра!» — воскликнули они, упавъ къ ногамъ ея и обнимая ея колѣна.

— Что эта за комедія? — сказала сердито дипломатка.

— Госпожа баронесса!—произнесъ важно пасторъ:—Его величество, всемилостивѣйшій нашъ государь, Петръ Алексѣевичъ, приказалъ вамъ сказать, что онъ принялъ на себя должность свата господина Траутфеттера, и сверхъ того повелѣлъ мнѣ отдать вручаемую вамъ при семъ цыдулку.

Г-жа Зегевольдъ дрожащими руками взяла поданную ей бумагу, подошла къ свѣчѣ и прочла слѣдующее:

Min Frau!

Я, Cesar и полковникъ отъ гвардіи россійской, взялся быть сватомъ капитана Густава Траутфеттера. Дочь ваша ему нравится, онъ вашей дочери: чего болѣе? прошу не претендовать. Въ приданое ей даю всѣ лифляндскія помѣстья, отнятыя у васъ въ военное время, и дозволяю вамъ управлять ими до вашей смерти. Современемъ обѣщаю вамъ и зятю вашему особенную мою царскую аттенцію. По дѣламъ вашего отечества даю вамъ право, ради нашего интереса, вести съ нами прямо корреспонденцію; за добрыя извѣстія буду вамъ всегда reconnaisant. На свадьбу дарю вамъ табакерку съ моею персоною и тысячу рублевъ. Кажись, уконтентовалъ васъ порядкомъ; а упрямиться долѣе вамъ ради какой причины?

Piter.

Можно было прочесть на лицѣ честолюбивой баронессы, какая строка изъ этого посланія произвела на сердце ея пріятнѣйшее впечатлѣніе. Право относиться по дипломатическимъ дѣламъ къ повелителю обширнѣйшаго государства — право, дающее ей опять сильное вліяніе на ее соотечественниковъ, поколебало твердость ея души. Кончилось тѣмъ, что она благословила чету любовниковъ и обняла своего будущаго зятя.

На другой день баронесса, женихъ, невѣста, пасторъ Гликъ и Биръ позваны были во дворецъ. Петръ I-й, не заставивъ ихъ долго ждать себя, явился въ голубомъ, гродетуровомъ кафтанѣ, шитомъ серебромъ, съ андреевскою лентою черезъ плечо. Только въ особенные торжественные дни государь показывался въ такомъ блестящемъ нарядѣ; но въ настоящемъ случаѣ онъ хотѣлъ угодить одной милой особѣ, которой — говорилъ онъ — ни въ чемъ не могъ отказывать. Всѣ посѣтители были имъ обласканы, особенно Биръ. Разговаривая съ нимъ о важныхъ предметахъ натуральной исторіи, онъ нашолъ въ немъ необыкновенныя, глубокія свѣдѣнія и по другимъ наукамъ, которыя самъ любилъ, и до того привязался къ доброму педагогу, что забылъ предметъ посѣщенія его спутниковъ и увлекъ его съ собою въ кабинетъ. Тамъ показалъ онъ ему гербарій, собранный царскими трудами. Биръ, восторженный ласковымъ обхожденіемъ государя и любовью къ своему предмету, вскорѣ бесѣдовалъ съ Петромъ, какъ съ равнымъ себѣ учонымъ. — «Вотъ этакихъ людей люблю! — говорилъ Петръ, цалуя его въ лобъ: — не хвастунишка, а настоящій дѣлецъ.»

Въ какомъ-то невольномъ благоговѣніи къ про-

стотѣ великаго мужа стояли баронесса и ея спутники, когда въ пріемную залу изъ заднихъ аппартаментовъ вступила прелестная молодая женщина.

— Милая Кете, едва не вскрикнула Луиза, и хотѣла было броситься въ объятія ея, но баронесса остановила дочь свою за рукавъ.

— Милая Луиза!—сказала со слезами на глазахъ и въ нѣкоторомъ смущеніи бывшая воспитанница пастора Глика: — не бойся!... обними же меня скорѣй, скорѣй, милый другъ!

Екатерина спѣшила прижать къ сердцу гельметскую пріятельницу свою. Онѣ плакали вмѣстѣ отъ радости; перемѣна состояній не измѣнила ихъ чувствъ.

Г-жа Зегевольдъ отъ изумленія не могла придти въ себя; но во время дружескихъ изъясненій государыни съ Луизою, пасторъ разсказалъ дипломаткѣ со всею нѣмецкою пунктуальностію и нѣжностію отца, что бывшая его воспитанница, по взятіи ея въ плѣнъ подъ Маріенбургомъ, попала въ домъ къ Шереметеву и оттуда къ Меншикову. Здѣсь, въ 1702 году, Петръ I-й увидѣлъ ее и влюбился въ нее такъ, что никогда уже съ нею не разставался. Сначала знали ее подъ именемъ Катерины Скавронской — именемъ, которое угодно было государю ей придать. Въ 1703 году

приняла она грекороссійское исповѣданіе; крестнымъ отцомъ ея былъ наслѣдникъ престола, царевичъ Алексѣй Петровичъ, и по немъ-то названа она Екатериной Алексѣевною. Въ маѣ 1707 года государь сочетался съ нею бракомъ.

Такъ объяснялъ пасторъ дивную судьбу своей воспитанницы, наблюдая мѣсяцы и числа каждой эпохи въ ея жизни. Когда Екатерина замѣтила, что онъ кончилъ свое объясненіе, она подошла къ баронессѣ и ласково, но съ величіемъ, царицѣ свойственнымъ и будто ей врожденнымъ, обратила рѣчь къ дипломаткѣ и увѣрила ее самыми лестными выраженіями въ своемъ будущемъ благорасположеніи къ ней.

— А! вижу, что твое сердце не выдержало, Катенька! — сказалъ Петръ, вошедши въ пріемную залу: — люблю тебя за то, душа моя, что ты не забываешь прежнихъ друзей своихъ. Теперь, Frau баронесса! могу открыть вамъ секретъ: супруга моя хлопотала о благополучіи вашей дочери, какъ бы о своемъ собственномъ. (Тутъ подошолъ онъ къ Луизѣ и поцаловалъ ее въ лобъ). Я вашъ гость на свадьбѣ и крестный отецъ первому ребенку, котораго вамъ дастъ Богъ.

— Удивительно! удивительно! я все это вижу, какъ во снѣ! говорила баронесса, возвращаясь съ своимъ семействомъ и Гликомъ домой въ придворной, богатой каретѣ, и кивая важно народу, который скидалъ передъ каретою шапки за четверть версты.

Благоговѣйно сложивъ руки на грудь, пасторъ произнесъ: — Неисповѣдимы судьбы Господни! Не даромъ говорилъ о моей Кете слѣпецъ Конрадъ изъ Торнео въ Долинѣ мертвецовъ: *Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ судебъ?*... и сбылось!...

— Великій Государь! — восклицалъ Биръ: — какъ онъ знающъ въ натуральной исторіи!

Густавъ и Луиза не говорили ни слова; но смотря другъ на друга глазами, выражавшими упоеніе счастія и пламенной любви, жали другъ другу руки и забывали весь міръ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

КАРТИНА.

Одинъ только полковникъ Траутфеттеръ.
Истор. Карла XII. Вольтеръ.

Знойно лѣтнее небо; облака пороховаго дыма клубятся по немъ и хмурятъ его, будто раскаленное отъ гнѣва. Вправо отрывокъ широкой рѣки; противный берегъ ея мраченъ и обнажонъ, какъ могильный бугоръ, въ степени наброшенный надъ бѣднымъ странникомъ. Поперекъ рѣки плыветъ судно. На лицахъ гребцовъ видна боязнь, въ движеніяхъ ихъ — торопливость. Бѣдная повозка, у которой колеса скрѣплены рванями, стоитъ на суднѣ: въ ней лежатъ воинъ, накрытый синимъ плащомъ. Лицо его подернуто мертвою блѣдностью; замѣтно, что болѣзнь и горесть оспориваютъ жертву свою у твердости душевной, видимо уступающей. Вокругъ повозки, на палубѣ,

стоятъ и сидятъ нѣсколько воиновъ. Въ числѣ ихъ казакъ: подавая пить изъ шляпы больному, въ повозкѣ лежащему, онъ смотритъ на него съ нѣжною заботливостію роднаго или друга. Прочія всѣ лица въ синихъ иностранныхъ мундирахъ. Положенія, въ которыхъ они находятся, показываютъ, что несчастіе поравняло всѣ званія. Одинъ, преклонивъ голову къ колесу, спитъ; другой перевязываетъ товарищу руку; далѣе, ближе къ кормѣ, два воина, со слезами на глазахъ, берутся за голову и ноги, по-видимому, умершаго товарища и собираются бросить его въ рѣчную могилу, уносящую столь же быстро, какъ время, все, что ей ни повѣрятъ. Къ носу тѣснится группа въ уныніи и отчаяніи. Иные со страхомъ смотрятъ на повозку, гдѣ, кажется, умираетъ ихъ послѣдняя надежда; другіе, поднявъ къ небу взоры, молятся. За большимъ судномъ торопятся рыбачьи лодки. Нѣсколько всадниковъ, отталкивая немилосердо несчастныхъ, хватающихся то за гриву, то за хвостъ коней ихъ, или, подавая погибающимъ руку спасенія, перерѣзываютъ рѣку. Кое-гдѣ мелькаютъ борющіеся съ волнами; утопленники показываютъ, какъ стрѣлка, теченіе водъ. Впереди сцены идетъ сраженіе: оно уже при послѣднемъ издыханіи. Бой неравенъ между воинами

въ синихъ мундирахъ съ воинами въ зеленыхъ. Число первыхъ не велико; они утомлены, не хотя дерутся въ рукопашню, толпами сдаются въ плѣнъ и бросаютъ оружія; путь ихъ устланъ изломанными лафетами, взорванными ящиками, грядою мертвыхъ и раненыхъ. Воины въ зеленыхъ мундирахъ глядятъ побѣдителями: удовольствіе торжества пышетъ въ ихъ взорахъ; сила и увѣренность въ каждомъ ихъ движеніи; кажется, лицо одного, замахнувшагося прикладомъ ружья на упавшаго непріятеля, чотко выражаетъ: *лежачаго не бьютъ!* Совершенно на авансценѣ выступаетъ изъ группы сражающихся фигура молодаго офицера въ синемъ мундирѣ; онъ палъ, раненный въ грудь. Изъ ней бьетъ кровь струей. Правою рукою стиснулъ онъ рукоятку меча, какъ будто не хочетъ отдать его и самой смерти. По лицу офицера, чрезвычайно выразительному, бѣжитъ уже смертная блѣдность; оборотивъ голову къ сторонѣ рѣки, онъ устремилъ на небо взоры, исполненные благодарности; слезы каплютъ по щекамъ; уста его силятся что-то произнести.

Вотъ картина, на которую я засмотрѣлся въ домѣ одного любителя изящнаго! Меня такъ заняло главное лицо, что мнѣ стало жаль его, какъ человѣка, соединеннаго со мною узами дружбы.

Онъ умеръ героемъ, но умеръ далеко отъ родины, видя уничтоженіе ея славы. Хозяинъ картины засталъ меня въ этомъ положеніи.

— Замѣчаю, что это художественное произведеніе оковало ваше вниманіе — сказалъ онъ мнѣ. — Знаете ли, что представляетъ картина?

Я просилъ разсказать мнѣ сюжетъ ея.

— Это переправа Карла XII черезъ Днѣпръ послѣ полтавской битвы — отвѣчалъ мнѣ любитель изящнаго. — Днѣпръ былъ гранью, гдѣ побѣда распрощалась съ нимъ навсегда. Войско его уничтожено. Послѣдніе обрывки этого войска, ужасавшаго нѣкогда сѣверъ, силятся купить королю свободу. Едва не захваченъ онъ непріятелемъ, слѣдящимъ его по горячимъ ступенямъ. Оставшіеся при немъ служители и воины добываютъ съ трудомъ повозку; въ нее кладутъ короля-бѣглеца, — того, который нѣкогда отнималъ царства и раздавалъ ихъ. Карлъ раненъ; лихорадка и лютѣйшая болѣзнь великихъ людей—униженіе, пожираютъ его; онъ видимо упалъ духомъ. Послѣднее его спасеніе—переправа черезъ Днѣпръ: онъ совершаетъ ее въ томъ положеніи, въ какомъ видите на холстѣ. Остатокъ войска бросаетъ оружія; многія силятся спастись вплавь. Одинъ полковникъ Адольфъ Траутфеттеръ съ своимъ ба-

таліономъ отчаянно задерживаетъ натискъ торжествующаго непріятеля. Раненый въ грудь, онъ падаетъ, благодаря Провидѣніе за спасеніе короля и за то, что не переживаетъ униженія шведскаго войска. Если хотите, онъ произноситъ имя родины, друга, и проситъ стоящаго подлѣ него воина передать имъ послѣднее свое воспоминаніе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СХИМНИКЪ.

Край милый увидишь — сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь:
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
. . . . . .
И ласково примутъ отчизны сыны,
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

Императрица Екатерина Алексѣевна, на другой день послѣ коронаціи своей (это было 8-го мая 1724 года), захотѣла воспользоваться пріятностями весны, чтобы посѣтить, съ самыми близкими ей особами, подмосковное дворцовое село Коломенское и, если хорошая погода продолжится, погостить тамъ нѣсколько дней. Въ одной каретѣ съ нею сидѣли дочери ея, Анна и Елисавета, цвѣтущія наслѣдственной красотой, и супруга русскаго генерала Густава Траутфеттера, Луиза

Ивановна. Въ другомъ экипажѣ находились шестидесятилѣтній старецъ князь Василій Алексѣевичъ Вадбольскій съ дѣтьми Траутфеттера, сыномъ и двумя дочерьми, которые были хороши, какъ восковые херувимы, выставляемые на показъ въ вербную субботу, или какъ тѣ маленькія, прелестныя творенія, съ полными розовыми щочками, съ плутоватыми глазами, изображаемыми такъ привлекательно на англійскихъ гравюрахъ. Генералъ Траутфеттеръ ѣхалъ верхомъ, то впереди заботливо осматривая худыя мѣста, то подлѣ самыхъ экипажей, гдѣ заключались залоги, равно для него драгоцѣнные. Любовь подданнаго, супруга и отца ясно выражались въ его взорахъ и поступкахъ. Старостью уравненный съ дѣтствомъ, князь Вадбольскій забавлялъ своихъ маленькихъ собесѣдниковъ разными шутками, или занималъ ихъ вниманіе, разсказывая о своихъ походахъ въ Лифляндію. Дѣти слушали его, какъ веселаго сказочника; а когда онъ кончалъ, съ нѣжностью бросались къ нему, жали его мохнатыя, жилистыя руки въ своихъ ручонкахъ, и кричали въ запуски: «*дѣдушка! милый дѣдушка!*» еще что-нибудь! Надо было видѣть, какъ малютки внимали въ благоговѣніи повѣствованію о подвигахъ русскихъ подъ Гуммельсгофомъ, устремивъ неподвижно глазенки свои

на выразительное лицо старца. Сынъ Траутфеттера до того своевольничалъ съ *дѣдушкой*, что скинулъ наконецъ съ сѣдовласой головы его трехугольную шляпу, обложенную золотыми галунами, нахлобучилъ ею свою маленькую голову, съ которой бѣжали льняныя кудри и, обезоруживъ стараго воина, кричалъ ему:—«Шлиппенбахъ! сдайся, или я тебя заколю!» За этимъ слѣдовалъ такой хохотъ, что Густавъ принужденъ былъ погрозить на дѣтей пальцемъ и указать имъ на экипажъ государыни, ѣхавшій впереди очень близко.

Было къ 7 часамъ вечера. Кареты поравнялись съ Симоновымъ монастыремъ. Императрица, наслышавшись, что съ площадки надъ трапезною церковью видъ на Москву и окрестности очарователенъ, приказала остановиться у воротъ монастырскихъ. Архимандритъ, увидя государевъ экипажъ, поспѣшилъ встрѣтить высокихъ гостей.

Цѣлью посѣщенія монастыря была площадка надъ трапезною церковью: Екатерина туда поспѣшила. Архимандритъ второпяхъ потребовалъ было ключа у служки, слѣдовавшаго за нимъ; но тотъ доложилъ ему, что передъ захожденіемъ солнца, какъ ему извѣстно, входъ въ башню всегда отпертъ. — «По какому именно случаю всегда въ одно время?» — спросила государыня, вслу-

шавшись въ разговоры монаховъ. — «Вашему царск.... ва...шему императорскому величеству, великой и матери отечества, имѣю благополучіе рабски донести»—началъ архимандритъ, смѣшавшись въ титулѣ, къ которому русскіе еще не привыкли, и, полагая, что прочія имена, данныя Петру I, должны неминуемо, по законному порядку, идти къ его супругѣ.—«Пожалуйте, безъ лишнихъ церемоній, отецъ архимандритъ!» — усмѣхаясь, перебила Екатерина Алексѣевна ласковымъ голосомъ.—«По великости вашего благоснисхожденія доложу вашему величеству, что въ здѣшней, спасаемой Богомъ и нашими государями, вторыми по Богѣ, обители, обрѣтается схимникъ, то есть монашествующее лицо, сирѣчь затворникъ, обитающій въ семъ мірѣ единымъ скудельнымъ своимъ составомъ, но безсмертнымъ духомъ витающій за предѣлами гроба, яко на крыліяхъ голубиныхъ...!» — Государыня опять усмѣхнулась и, пожавъ слегка плечами, посмотрѣла на князя Вадбольскаго. Этотъ понялъ ее и своимъ обычно-рѣзкимъ голосомъ прервалъ архимандрита:—«Поскорѣй къ дѣлу, отецъ! Вѣримъ, что твой схимчикъ великій постникъ, молитвословъ; да куда жъ дѣвалъ ты вопросъ матушки государыни.

—«А вотъ сей *моментъ!*—продолжалъ архи-

мандритъ, примѣшивая къ своему риторству иностранныя слова, чѣмъ думалъ угодить людямъ вѣка своего, какъ мы любимъ угождать своему.— Мы, монашествующіе, необычные къ *конверсаціи* съ такими высокими *персонами*, и — да помилуетъ насъ всемилостивѣйше всещедрое сердце ея величества! — говоримъ по простотѣ нашего уразумѣнія. И такожде изволите видѣть, схимникъ этотъ, живущій уже 20 лѣтъ во ангельскомъ образѣ и житіи, единымъ своимъ услажденіемъ имѣетъ ежедневно, передъ восходомъ солнца и западомъ сицеваго обрѣтаться на площадкѣ надъ трапезою, которая, какъ глаголетъ преданіе, была въ древнія времена *обсерваціонною* башней. Съ нея-то, по всему вѣроятію, россійскія стражи, яко гуси капитолійскіе, или зоркіе журавли, или, благоподобнѣе, орли, надзирали за посѣщеніемъ незванныхъ гостей, крымцевъ, жаловавшихъ къ намъ по каширской дорогѣ.» — «Чтожъ дѣлаетъ схимникъ, всегда въ одно время на площадкѣ?» — спросилъ князь Вадбольскій. — «Услаждаетъ свое сердце и взоръ зрѣлищемъ здѣшнихъ едемскихъ окрестностей. Ликъ его хотя благолѣпенъ, обыкновенно подернутъ сердечною мглою; очи его тусклы, яко олово; но когда онъ обрѣтается на своей площадкѣ, тогда лицо его про-

сіяваетъ, яко лучъ солнечный сквозь тучи, очи его ярко блестятъ, молніи подобно; а иногда, какъ по долгу нашему замѣчено, видали его проливающимъ обильные источники слезъ. Сколько усмотрѣть возможно по лицу, сему зерцалу души нашей, слезы сіи имѣютъ ключомъ своимъ избытокъ радостныхъ чувствованій. Единая въ немъ странность заключается, что онъ не даетъ никому своего благословенія, каковаго, по святости его жизни, жаждутъ всѣ православные, посѣщающіе сію обитель. Ваше величество ужасомъ преисполнились бы, узрѣвъ вериги, какія онъ носитъ; тяжесть таковыхъ можетъ выдержать развѣ великій государь, отецъ отечества, на исполинскихъ раменахъ своихъ.»

— «И двадцать уже лѣтъ наложилъ онъ на себя тяжкій обѣтъ?» — спросила государыня. — «Въ 1704 году, осенью, пришолъ онъ къ намъ въ видѣ странника; постригся вскорѣ въ монахи и черезъ три года облачился тѣломъ и душою въ схиму.» — Какъ его звали, когда онъ пришолъ къ вамъ? — «Владиміромъ.» — Государыня и князь Вадбольскій невольно посмотрѣли другъ другу въ глаза, какъ бы искали въ нихъ разрѣшенія темной задачи. — «А теперь какъ его зовутъ?» — спросила Императрица. — «Въ монахахъ его звали

Василіемъ, а въ схимѣ нарицается онъ опять Владиміромъ. Не благоугодно ли будетъ вашему императорскому величеству, пока усталость вами не овладѣла, ибо и Боговѣнчанныя особы, яко и мы, грѣшные человѣки, подвержены немощамъ, взглянуть на другія рѣдкости монастырскія, какъ-то на *тайникъ*, или подземный ходъ къ рѣкѣ, на тюремную башню—*дуру*....» У князя Вадбольскаго готово было уже словечко для прекращенія словоохотливости архимандрита: но императрица предупредила *дѣдушку* (такъ обыкновенно звали князя она и близкія ей особы), потребовавъ, чтобы показали ей дорогу на сторожевую площадку. Требованіе это было произнесено такимъ твердымъ голосомъ, что архимандритъ, не расположаясь далѣе, повелъ своихъ гостей, куда они желали.

Императрица, увидѣвъ, что лѣстница, ведущая на площадку, неудобна и трудна, предложила Вадбольскому остаться въ трапезной комнатѣ. Но старый солдатъ не любилъ казаться хилымъ и ни за что не соглашался отстать отъ другихъ. — «Развѣ вамъ вспомнить Гуммельсгофскую гору?— сказала государыня, подаривъ его тою улыбкою, которою она умѣла такъ мастерски привѣтствовать и награждать. — Дѣти! — прибавила она,

обратясь къ великимъ княжнамъ: —возьмите дѣдушку подъ руки; а если онъ заупрямится, то я сама его поведу.»

И старецъ, съ слезами радости на глазахъ, позволилъ себя поддерживать дочерямъ Петра I. Минуты эти были для него истиннымъ торжествомъ.

Екатерина Алексѣевна первая взошла на верхъ, восторженнымъ взоромъ заплатила мимоходомъ дань очаровательнымъ видамъ, представляющимся съ площадки, и устремила его потомъ на схимника, сидѣвшаго спиною къ ней на ветхой скамейкѣ и облокотясь въ глубокой задумчивости на перилы, лицомъ къ полудню. Шорохъ, произведенный приходомъ слѣдовавшихъ за государынею, заставилъ схимника оглянуться. Онъ привсталъ; но лишь только взглянулъ на нее и Вадбольскаго, задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Долго, очень долго смотрѣли на него императрица и князь Вадбольскій испытующими глазами, въ которыхъ заблистали наконецъ слезы; долго и схимникъ смотрѣлъ на Екатерину и князя, и крупныя слезы заструились также по блѣднымъ его щекамъ.

—«Отецъ архимандритъ, вы, также и маленькое общество наше — сказала государыня, обратясь къ генералу Траутфеттеру и женѣ его: —оставьте

насъ съ княземъ однихъ.» — Потомъ обратясь, къ великимъ княжнамъ и показавъ имъ на схимника, присовокупила съ особеннымъ чувствомъ:— «Анна! Елисавета! вглядитесь хорошенько въ черты этого человѣка; удержите образъ его въ вашей памяти; пускай благодарность врѣжетъ его въ сердцахъ вашихъ! Это благодѣтель русскій и, можетъ быть, первый благодѣтель вашей матери.»

И великія княжны, тронутыя выраженіемъ лица и голоса своей матери, съ благоговѣніемъ вглядывались въ черты схимника.

Когда государыня осталась съ тѣми, кого назначила, она подошла къ затворнику, взяла его за руку и сказала: — «Мы, кажется, узнали другъ друга!»

— Государыня! — отвѣчалъ тронутый схимникъ:—Послѣдній Новикъ могъ ли забыть ту, которую знавалъ съ десятилѣтняго ея возраста прекрасною и великою, и которой высокое назначеніе тогда уже слышалъ изъ пророческихъ устъ своего друга? Радостно слѣдилъ я твое возвышеніе, и теперь, видя тебя на другой день твоей *коронаціи*, въ гостяхъ у меня, столь же радостно привѣтствую твой приходъ словами вдохновеннаго слѣпца: *И се на главѣ твоей лежитъ корона!*

Знакомъ мнѣ и этотъ гость!—прибавилъ Послѣдній Новикъ, прижимая къ своему сердцу Вадбольскаго, который бросился его обнимать.

Спрашивали отшельника, почему не воспользовался онъ прощеніемъ Петра Великаго, прощеніемъ, которое, вѣроятно, должно было дойти до слуха странника.

— Ахъ!—сказалъ Владиміръ:—зачѣмъ спрашиваете меня о томъ, что я хотѣхъ бы забыть навѣки, что отравляетъ лучшіе часы моей жизни? Открою вамъ только, что прощеніе государя опоздало нѣсколькими днями; узнавъ о немъ, я, преступникъ вторично, не смѣлъ имъ воспользоваться. Я слѣдилъ моего гонителя, и нашолъ его!... Кровь, кровь ближняго на этихъ рукахъ, которыхъ благословенія жаждутъ православные; эти херувимы, разсыпавшіеся по моей одеждѣ, сѣкутъ меня крыльями своими, какъ пламенными мечами; вериги, которыя ношу, слишкомъ легки, чтобъ утомить мои душевныя страданія; двадцать лѣтъ тяжелаго затворничества не могли укрыть меня отъ привидѣнія, вездѣ меня преслѣдующаго. Но, повѣрите ли? и съ этими муками я не промѣняю настоящаго своего состоянія на то, въ которомъ находился до прибытія въ мое отечество. Я здѣсь на родинѣ; во всякіе часы дня могу смотрѣть

на мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство; тамъ я родился, тутъ, ближе, Софьино, гдѣ я воспитывался; здѣсь Коломенское, а здѣсь золотоглавая Москва съ ея храмами и бѣлокаменными палатами, съ ея святынею и благолѣпіемъ. Все тутъ, чего просилъ изгнанникъ, что онъ покупалъ цѣною униженія и трудовъ необыкновенныхъ! Мои соотечественники, православные, не откажутъ мнѣ въ могилѣ, на общемъ кладбищѣ, между ними. А тамъ — прибавилъ Владиміръ, взглянувъ на небо со слезами на глазахъ — какъ неугасимую лампаду, повѣсилъ я мои надежды; тамъ, можетъ быть, Отецъ всеобщій и судія-нечеловѣкъ, взглянетъ милосердымъ окомъ на двадцать годовъ тяжкаго раскаянія. Спаситель простилъ разбойника!...

Здѣсь схимникъ, потупивъ очи, замолчалъ. Государыня и Вадбольскій старались излить въ его сердце утѣшенія и надежды, въ которыхъ оно нуждалось. Бесѣда оживилась мало по малу краснорѣчивымъ воспоминаніемъ тѣхъ происшествій, которыя имѣли столь сильное вліяніе на судьбу Екатерины и Россіи.

Солнце давно скрылось. Москва и прелестныя ея окрестности утопали въ вечернемъ туманѣ.

Когда схимникъ прощался съ своими гостями,

впалые глаза его горѣли огнемъ вдохновенія небеснаго, щоки его пылали.

— Да! — сказала Вадбольскому императрица Екатерина Алексѣевна, прохлаждая опахаломъ разгорѣвшееся лицо свое и глаза, красные отъ слезъ, когда они сходили съ лѣстницы:—по взятіи Маріенбурга, пророческія слова таинственнаго слѣпца такъ сильно врѣзались въ моемъ воображеніи и сердцѣ, что я.... повѣрите ли?... вскорѣ послѣ того начала мыслить.... *о коронѣ. Да! это было такъ!...*

Лучшія желанія Послѣдняго Новика исполнились: онъ умеръ въ глубокой старости на площадкѣ, устремивъ свой умирающій взоръ на Коломенское, имъ столько любимое. Его похоронили на общемъ кладбищѣ Симонова монастыря. Нынѣ не сыскать тамъ его могилы: новые мертвецы сдавили прахъ своихъ предшественниковъ.

PS. Нѣкоторыя особы, которымъ я читалъ свой романъ въ рукописи, спрашивали меня: что сдѣлалось съ прочими лицами его. Удовлетворяю любопытству ихъ и другихъ копотливыхъ читателей. Кропотова отдала Богу душу, услышавъ о смерти своего мужа; дѣвица Горнгаузенъ до 50

лѣтъ все ждала своего рыцаря-жениха; Блументростъ сдѣлался лейбъ-медикомъ Петра I; Биръ былъ достойнымъ членомъ россійской *академіи;* баронесса занималась до смерти политикою и, какъ видно по списку важныхъ лицъ, присутствовавшихъ при коронаціи императрицы, находилась тогда въ числѣ штатсъ-дамъ. А прочіе?.... Уфъ! прочіе жили, женились, плодились и умирали, какъ милліоны имъ подобныхъ.

Еще вопросъ, г. сочинитель: кто была особа, ѣхавшая за Саарамойзой въ колымагѣ и назвавшая Вольдемара по имени? — Разумѣется, Катерина Скавронская! Она же посылала Новику, черезъ Мурзенку, богатый подарокъ, на которомъ вырѣзано было 5-е Апрѣля—день ея рожденія и день, въ который слѣпецъ въ первый разъ предсказывалъ ея высокую участь.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.